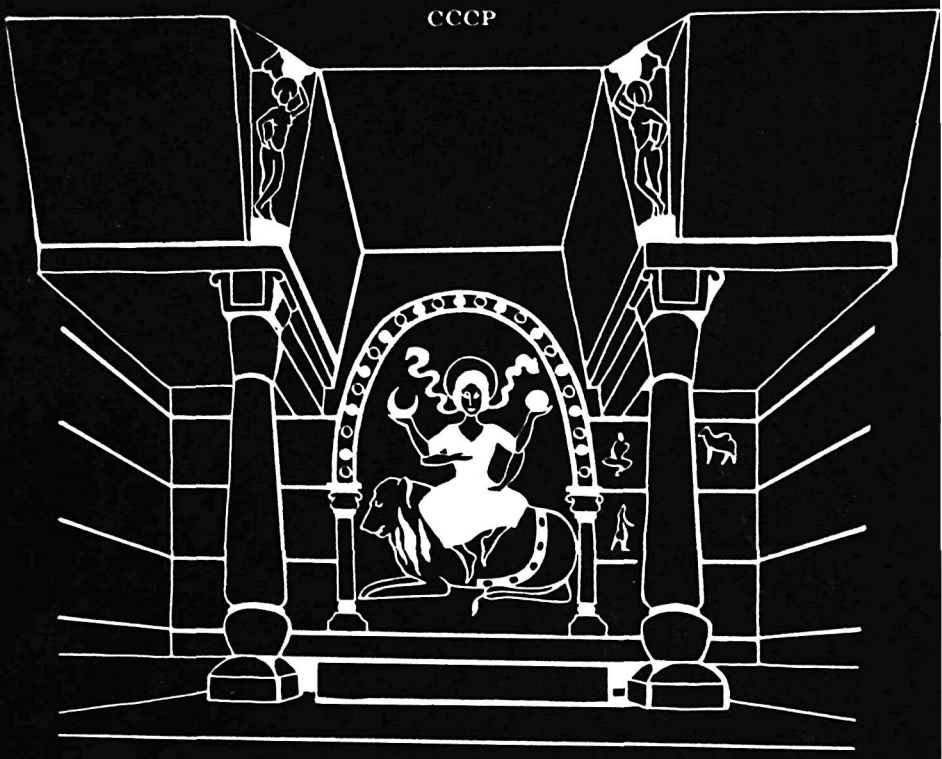
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

В.И. РАСПОПОВА

ЖИЛИЩА ПЕНДЖИКЕНТА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. И. Распопова

ЖИЛИЩА ПЕНДЖИКЕНТА

(опыт историко-социальной интерпретации)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Книга посвящена исследованию городского жилища Средней Азии эпохи раннего средневековья. В основу работы положены материалы, полученные при раскопках городища древнего Пенджикента (V—VIII вв.). В книге дается анализ жилых построек города, которые характеризуются как количественными, так и качественными показателями и рассматриваются в контексте всей застройки Пенджикента. Большое внимание уделено вопросам исторической интерпретации. Впервые на массовом материале по жилищам дается социальная характеристика населения раннесредневекового города Средней Азии. Книга богато иллюстрирована.

Рассчитана на археологов, историков, этнографов, архитекторов.

Ответственный редактор
В. М. МАССОН

Рецензенты:
А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ, Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН, Т. И. ЗЕЙМАЛЬ

Р $\frac{0504000000\text{-}692}{042(02)\text{-}90}$ 100-90, I полугодие

ISBN 5-02-027279-5

© В. И. Распопова, 1990

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Задача данной работы — обобщить результаты исследования жилищ на городище древнего Пенджикента. Это самый изученный город эпохи раннего средневековья на территории Средней Азии и, может быть, всего Среднего Востока. За сорок с лишним лет раскопано около половины территории города (рис. 1 и рис. 2—4, вкл.). Здесь открыты обширные участки жилой застройки. Появилась редкая в археологической практике возможность рассматривать руины древнего города как материальное отражение социальной структуры. В таком направлении ведется с первых лет раскопок изучение пенджикентского жилища. В этой работе предпринимается попытка рассмотреть всю совокупность открытых в Пенджикенте жилищ с палеосоциологических позиций, не задаваясь целью специально исследовать историко-архитектурный аспект проблемы.

Уже в самом начале раскопок древнего Пенджикента А. Ю. Якубовский (1951а) в программной статье «Главные вопросы истории развития городов Средней Азии» поставил задачу исследования городища как слепка с социальной структуры. Придерживаясь теории дофеодального периода в истории Средней Азии, А. Ю. Якубовский считал Пенджикент типичным образцом «дофеодального города — шахристана», в котором еще не было развито свободное ремесло. Он предполагал, что в отличие от более позднего, феодального города дофеодальный состоял из отдельно стоящих усадеб знати. Эту «усадебную» теорию разделяли и другие ученые (Лавров, 1950, с. 53; Сухарева, 1958, с. 28). Но по мере исследования Пенджикента появился материал, который противоречил этой теории; и сам А. Ю. Якубовский (1951б) отметил, что в древнем Пенджикенте «бугры — остатки зданий — стоят близко один к другому. Между ними небольшие полосы свободной земли, что исключает возможность видеть в зданиях строения усадебного типа» (с. 235). Однако он, опираясь на свою интерпретацию сообщений Наршахи о Бухаре, продолжал считать, что усадебный тип застройки был характерен для раннего средневековья (Там же, с. 234).

А. Ю. Якубовскому принадлежит и первая социологическая интерпретация (как он сам отмечал, предварительная) открытых в Пенджикенте жилищ. В его статье «Итоги работ Согдийско-Таджикской археологичеекой экспедиции в 1946—1947 гг.» (1950б) раскопанная на цитадели жилая башня характеризуется как часть дворца, принадлежавшего самому владетелю Пенджикента Деваштичу. Позднее, когда была раскопана северная часть объекта III — строительного массива к востоку от храмов, А. Ю. Якубовский (1951б, с. 258—264) отождествил это здание с дворцом Деваштича, но не настаивал на этом. В своей более поздней работе он писал: «Будучи комплексом жилых помещений, этот объект представляет пока загадку. Имеем ли мы здесь систему отдельных, условно говоря, „квартир" под общей крышей, группу отдельных, тесно примыкающих друг к другу самостоятельных домов, образующих городской квартал, или же это громадный дом типа дворца? Намечаемое решение этого вопроса, предложенное В. Л. Ворониной, рассматривающей этот комплекс как ряд

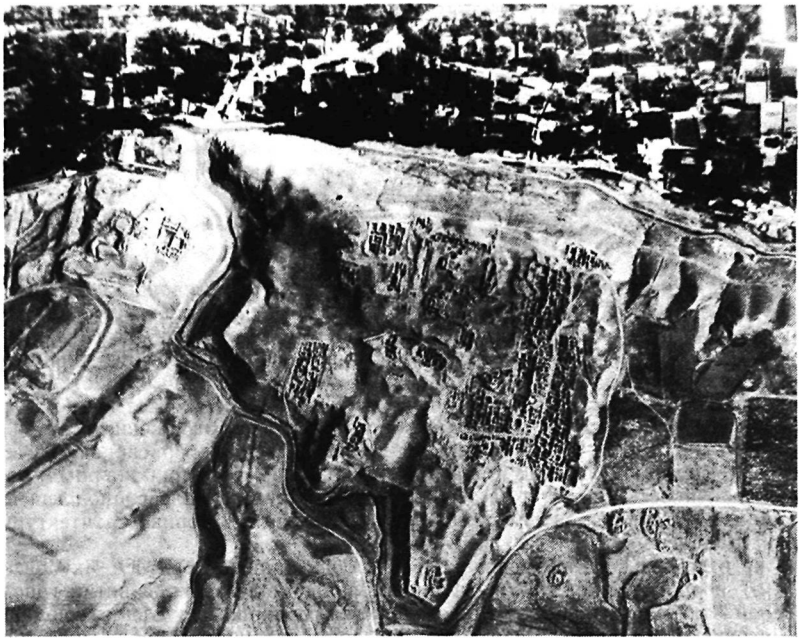

Рис. 1. Вид на городище Пенджикент сверху.

„квартир", представляется нам пока сугубо предварительным. Окончательный ответ на поставленный вопрос может быть дан лишь по завершении раскопок всего массива» (Якубовский, 1953, с. 13). В этой статье А. Ю. Якубовский характеризовал не только жилище представителей знати (объект III), но и жилище (объект V), владелец которого занимал сравнительно невысокое общественное положение, хотя и не был рядовым горожанином. Он мог быть «воином или начальником небольшой воинской группы, несшей службу охраны городских стен» (Там же, с. 14).

В последней своей работе, посвященной Пенджикенту, А. Ю. Якубовский (1954, с. 11—12) интерпретировал раскопанную к тому времени часть объекта III (около 40 помещений) как изолированные друг от друга жилища, в которых жила семья пенджикентского правителя и его родня. Таким образом, здесь совмещаются точки зрения на объект III как на дворец правителя и как на совокупность нескольких жилищ. Кроме того, в этой работе загородные усадьбы рассматриваются как жилища ремесленников, «которые, однако, не переставали заниматься земледелием» (Там же, с. 10—11).

Итак, А. Ю. Якубовский выделил жилища, принадлежавшие высшей знати, средним слоям населения и ремесленникам.

Большой вклад в изучение пенджикентского жилища внесла В. Л. Воронина. Прежде всего именно она дала общую характеристику пенджикентской архитектуры, в том числе и архитектуры жилища, и описала целый ряд конкретных жилищ (Воронина, 1950, с. 189—198; 1953, с. 99—132; 1957а, с. 115—142; 1958, с. 193—215; 1963, с. 84—96; 1964, с. 51—87). Заслуга выделения так называемых «жилых секций», т. е. отдельных жилищ в больших строительных

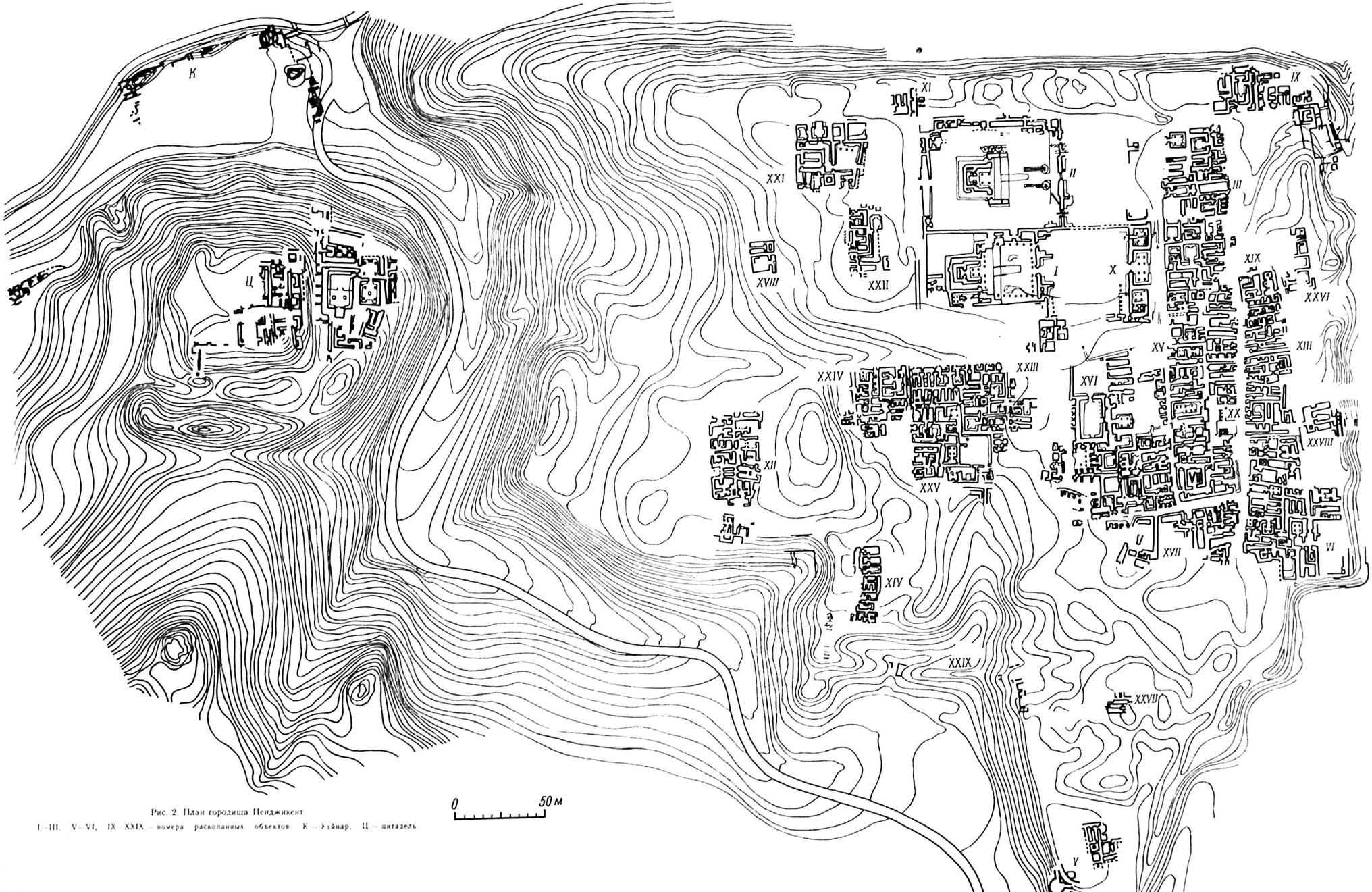

Рис. 2. План городища Пенджикент

I—III, V—VI, IX—XXIX — номера раскопанных объектов. К — Кайнар, Ц — цитадель

Рис. 3. Пенджикент.

Заштрихованы строительства времени Деваштича

Рис. 4. Пенджикент.

Заштрихованы здания, восстановленные ок. 740-х гг.

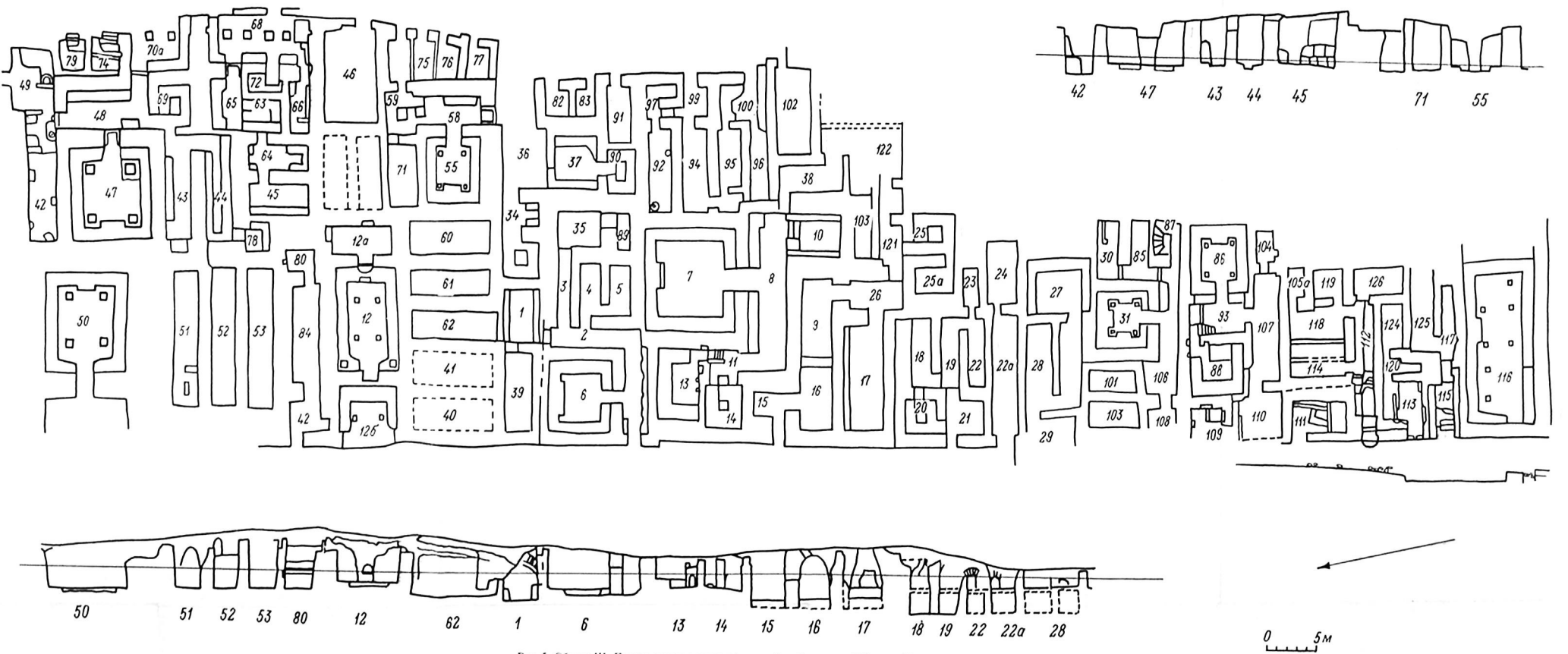

Рис. 5. Объект III. План и разрезы северной части (по: Воронина, 1964, рис. 1).

Пунктиром обозначены начатые раскопками помещения.

массивах, принадлежит ей (Воронина, 1953, с. 106). Она же первой дала представление о наборе помещений в составе секций: помещение «при входе (вестибюль), приемный зал, коридоры и собственно жилые комнаты; связь между этажами осуществлялась через винтовой пандус» (Там же). В. Л. Воронина (1964, с. 59) выделила в крупных секциях две части — собственно жилую и парадную. Она обратила внимание на неодновременность возведения отдельных частей больших массивов (Воронина, 1953, с. 106; 1964, с. 55). Изучая загородную застройку, В. Л. Воронина (1958) отметила, что дом, расположенный за городской стеной Пенджикента, «едва ли можно с полным основанием назвать сельской усадьбой; скорее это пригородная усадьба, пригородный дом — по совокупности своих черт, связанных с городской традицией, и по нарождающимся кое-где признакам ремесленного производства» (с. 209).

Для характеристики социальной принадлежности жилища ею используется такой показатель, как площадь, которую занимает секция (Воронина, 1964, с. 63; 1969, с. 187), однако она не прослеживает при этом градацию размеров секций, а указывает только на крайние пределы их колебаний. В. Л. Воронина обратила внимание, что в восточной части древнего Пенджикента среди больших по размеру секций «вкраплено значительное число очень скромных жилищ» (Воронина, 1964, с. 63).

Исследуя пенджикентское жилище, В. Л. Воронина на основании сравнения его с известными жилыми постройками Ближнего и Среднего Востока пришла к выводу о большом своеобразии планировки городского дома Пенджикента (Там же, с. 64—65).

Наряду с бесспорными выводами, которые находят все новые подтверждения, в ряде случаев в работах В. Л. Ворониной наблюдается прямой, исторически не обоснованный перенос некоторых аспектов жизни современного горного таджикского кишлака или Бухары конца XIX—начала XX в. в Пенджикент VIII в. Так обстоит дело с вопросом о разделении согдийского дома на мужскую и женскую половины (Воронина, 1960, с. 174—175; 1961, с. 13); с сопоставлением пенджикентского городского квартала с ягнобским «бомикалон», прототипом которого В. Л. Воронина (1957а) считает объект III. Стремясь найти аналогии в кишлаке недавнего прошлого и городе начала XX в., В. Л. Воронина считала невозможным реконструировать пенджикентское жилище без двора. Она предполагала, что дворы лежали на периферии жилых массивов (Воронина, 1953, с. 115). По аналогии с бухарским жилищем конца XIX—начала XX в. она совершенно бездоказательно распределяет помещения на зимние и летние, относя к последним предполагаемые навесы и открытые колоннады верхних этажей (Воронина, 1964, с. 60—61). В действительности помещения на вторых этажах были разного назначения: парадные, жилые, складские и т. д. — и использовались в разные времена года.

Предположение В. Л. Ворониной о том, что жилой массив, состоящий из нескольких секций, занимала одна большесемейная община, а в бедных секциях, примыкающих к богатым, проживали слуги (Там же), не соответствует, как мы попытаемся показать ниже, современному состоянию изученности Пенджикента; также устарело и представление о том, что в мастерских, примыкающих к богатым секциям, работали зависимые ремесленники (Там же, с. 62—63).

Интерпретируя материал, В. Л. Воронина несколько архаизирует общественные отношения в согдийском городе. В жилой застройке древнего Пенджикента она выделяет «общественные учреждения — „общинные дома", прототип алоухона горных таджиков, род клуба — места собрания мужского населения» (Воронина, 1957б, с. 92). Из трех сооружений, которые она относит к общественным, два являются жилищами (Воронина, 1957а, рис. 1б, в), планы которых вообще имеют больше вариантов, чем это могло показаться в первые годы раскопок.

Критический разбор работ В. Л. Ворониной дан А. М. Беленицким (1965, с. 191, 193; 1967, с. 10, 13; Беленицкий и др., 1973, с. 23, 29—30, 47, 127).

Раскопки жилых кварталов на городище древнего Пенджикента велись большой группой археологов, которые внесли свой вклад в методику изучения и историческую интерпретацию жилищ. Многое в этом направлении сделано Б. Я. Стависким, О. Г. Большаковым, Е. В. Зеймалем, Б. И. Маршаком, И. Б. Бентович, Л. В. Ерзаковичем, а в последние годы И. Рахматуллаевым, Д. Абдуллаевым.

С первых же лет раскопок Пенджикента изучением жилищ занимался Б. Я. Ставиский. Им исследована жилая башня на цитадели, установлено время ее возведения и гибели (Ставиский, 1950, с. 94—99). В южной части городища на объекте V им раскопано одно жилище и части еще двух домов. При публикации отчета об этих раскопках Б. Я. Ставиский (1953, с. 59—63) задался целью определить назначение отдельных помещений, но при этом он не отмечает, что они не относятся к одному жилищу. Разобщенность частей строительного массива, относящихся к разным жилищам, он пробует объяснить, ставя вопрос о «резком членении дома на чистую, хозяйственную часть и изолированные от нее служебные помещения, предназначенные для „черной" работы, в которой хозяева участия не принимали» (Там же, с. 63).

В восточной части древнего Пенджикента Б. Я. Стависким изучена часть строительного массива (объект VI), где им исследовано восемь жилищ и затронуты раскопками еще несколько. Уже в 1951 г. независимо от В. Л. Ворониной он пришел к выводу, что объекты III и VI «представляют собой кварталы, состоящие из отдельных жилых комплексов, секций или ячеек, т. е. своеобразных „квартир", населенных семьями городской знати. . .» (Ставиский, 1964, с. 164). С этих позиций и исследовался объект VI. Б. Я. Ставиский привел детальное описание помещений, рассмотрел возможные перестройки, обратил внимание на вопросы хронологии, но, к сожалению, в отчете нет анализа керамики и находок по помещениям и слоям, откуда они происходят. Исследователь ставит вопрос о назначении отдельных помещений, о составе помещений в каждом из раскопанных им комплексов, о социальной принадлежности владельцев жилищ, которых он считает представителями знати, впервые в Пенджикенте рассматривает хронологическое соотношение между раскопанными им жилищами, установив относительную хронологию времени их возведения.

В вопросах изучения пенджикентского жилища весомые результаты получены О. Г. Большаковым. Совместно с Н. Н. Негматовым им было проведено исследование пригородных построек, результаты которого опубликованы (Большаков, Негматов, 1958, с. 155—192). В публикации определена хронология возведения и разрушения изученных домов, их связь с погребальными постройками и дана социальная характеристика жилищ, владельцы которых, по мнению авторов, были небогаты, жили небольшими семьями, занимались ремеслом и земледелием.

Этапной в деле изучения пенджикентского жилища, да и всего древнего города, явилась статья О. Г. Большакова «Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952—1956 гг.)» (1964, с. 88—120). Здесь впервые дается описание методики раскопок отдельных помещений и фиксации материала. В основных чертах эта методика применяется Пенджикентской экспедицией и по сей день. О. Г. Большаков восстановил историю двух пенджикентских домов. Тщательные наблюдения за стратиграфией и перестройкой этих домов позволили ему впервые предложить дробную периодизацию для слоев VIII в., выделив горизонты 1-й четверти, середины и 3-й четверти VIII в. На основании стратиграфических наблюдений Большакову удалось передатировать монеты Гурака так называемого II типа, открыв этим новое направление в изучении согдийских монет. Выделенные хронологические гори-

зонты О. Г. Большаков связал с историческими событиями, известными по письменным источникам.

Важное значение для изучения жилища, как и вообще города, имел выход в свет книги А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии» (Л., 1973). В части, посвященной городу VIII—XIII вв., написанной О. Г. Большаковым, содержится ряд положений, важных для понимания пенджикентского жилища.

О. Г. Большаков возвращается к рассмотрению социальной специфики домусульманского города — шахристана. Он отмечает: «город VII—VIII вв. занимает очень своеобразное место в социально-экономической структуре общества, он прежде всего резиденция, но не в том смысле, что город — посад при замке (Лавров), а в том, что вся его торгово-ремесленная деятельность носит второстепенный характер, являясь не причиной появления города, а следствием. А. Ю. Якубовский был прав, когда писал, что „определяющим населением шахристанов в VI—VIII вв. все же были владетель города, его двор и слуги, богатые дихканы, жившие в своих больших домах-усадьбах, купцы и, наконец, служители культа“» (Большаков, 1973, с. 148).

На основании материалов Пенджикента О. Г. Большаков отмечает наличие в согдийских городах значительного слоя свободных ремесленников. Характеризуя отношения ремесленников и торговцев с городской знатью, он пишет: «Дихканы были тесно связаны с городской торговлей и извлекали из нее немало прибыли, но не личным участием в ней, а посредством арендных отношений, владея землей в городе» (Там же, с. 149).

Изучая по материалам объектов III и VII жилище Пенджикента, О. Г. Большаков выделил варианты домов в зависимости от занимаемой площади: дворцы дихканов (700—800 м^2); богатые дома (300—500 м^2); дома зажиточных горожан (100—250 м^2), — и по материалам XII объекта — дома бедных горожан площадью 60—100 м^2 (Там же, с. 259). Он попытался определить число жителей в среднем доме каждого из вариантов и на основании своих подсчетов вывести общую цифру населения города. К этому мы вернемся специально в соответствующих разделах нашей работы.

Рассмотрев заново сообщение Наршахи о Бухаре, О. Г. Большаков показал, что в нем речь шла не об усадьбах и засеянных полях в городе, а о доходных заведениях (лавках, мастерских), входивших в городские домовладения знати наряду с жилыми домами.

Е. В. Зеймаль раскопал несколько жилищ в квартале неподалеку от южных городских ворот (объект XIV). Результаты этих работ опубликованы в двух его статьях (Зеймаль, 1958; 1964). В них впервые дается характеристика рядового жилища. В отдельных жилищах Е. В. Зеймаль выделяет парадную, жилую и хозяйственную части. Большое внимание он обращает на нумизматический материал. На основании этого материала и данных стратиграфии он выделяет в раскопанных им жилищах два периода жизни, приходящиеся на конец VII—20-е гг. VIII в. и после 737 г. Таким образом, эти наблюдения Е. В. Зеймаля подтвердили данные О. Г. Большакова по III объекту.

Жилая застройка V—VI вв., начиная со времени основания города, изучена в основном лишь в юго-западной части городища. Здесь Б. И. Маршак (1964) исследовал несколько домов и участок улицы. При этих работах была выработана методика раскопок жилищ в условиях сложной стратиграфии. На основании изучения данных стратиграфии, керамических комплексов и монетных находок была разработана датировочная шкала керамики для V—VII вв. (Маршак, 1964, с. 227—243; 1965, с. 7, 11—21). Эта шкала подтверждена работами по исследованию первоначальной городской стены, проходящей по оси строительного массива, включающего объекты III и VII. Новые материалы, полученные в результате работ на городской стене, позволили уточнить абсолютную хронологию (Маршак, 1975, с. 115—117). Работы на городской стене дали

возможность установить дату ante quem для ряда жилищ объектов III и VII.

С 1946 г. раскопки жилищ на городище древнего Пенджикента ведутся ежегодно. Данные об этих работах публикуются довольно регулярно (Беленицкий, 1954, с. 17—29; 1956а, с. 19—32; 1956б, с. 47—56; 1959а, с. 87—114; 1959б, с. 43—63; 1961, с. 81—99; 1961б, с. 73—100; 1964, с. 53—75; 1973а, с. 119—129; 1973б, с. 106—119; 1975, с. 119—142; 1976, с. 85—102; Беленицкий и др., 1977, с. 155—188; 1979, с. 257—295; 1980, с. 213—245; 1982, с. 197—221; 1983, с. 187—209; 1984, с. 223—262; 1986, с. 293—333; 1987а, с. 229—254; 1987б, с. 255—268; 1988, с. 149—185).[1] Однако полные отчеты по ряду объектов еще не опубликованы.

К северу от объекта VI, раскопанного Б. Я. Стависким, находится большой участок с жилой и торгово-ремесленной застройкой, получивший наименование объект XIII. С 1954 по 1971 г. раскопки этого объекта велись под руководством И. Б. Бентович. Ею подготовлен к печати сводный отчет об этих работах.

Далее к северу от объекта XIII расположен объект XIX, где раскопано 4 жилища, одно из которых скорее всего было трехэтажным. С 1963 по 1968 г. раскопками этого объекта руководил Л. Б. Ерзакович, который подготовил к публикации полный отчет об исследованиях этого объекта.

К западу от храмов исследованы одно из самых крупных домовладений древнего города (объект XXI, руководитель раскопок Б. И. Маршак) и строительный массив, состоящий из одного богатого и нескольких рядовых жилищ (объект XXII, руководитель И. М. Стеблин-Каменский). В этом же районе начаты раскопки еще одного дома (объект XVIII, руководитель В. Г. Луконин).

Обширный участок застройки исследован к югу от улицы, соединяющей цитадель с центром города (объект XXIII, руководитель И. Рахматуллаев (Рахматуллаев, 1977, с. 53—57; 1979, с. 56—59, с. 16; 1982, с. 143—154), а затем А. Н. Шабетник; объект XXIV, руководитель Б. И. Маршак; объект XXV, руководитель Д. Абдуллаев (Абдуллаев, 1980)). С первого года работ на этом участке была поставлена задача — исследовать историю каждого жилища с момента постройки основных стен. Последовательное выполнение этой задачи оказалось делом очень сложным. Перестройки и переделы жилищ возможно проследить лишь благодаря особенно тщательной расчистке конструкций, выявлению в каждом помещении, жилом комплексе и строительном массиве в целом последовательности постройки всех стен и связи этих перестроек со стратиграфией.

В разные годы раскопки отдельных участков жилой застройки производили А. М. Мандельштам (объекты III и VII), А. Джалилов (объект IX), К. Г. Большакова (объект XI), А. И. Исаков (объекты VI, VII, XVII), Т. Атаханов (объект XVII), Л. К. Сергеева (объекты VII, XVI), М. А. Бубнова (объект XVI), О. И. Дворкина (объекты VII, XVI), Ю. Якубов (объект XVI), Л. Т. Казаковцева (Пьянкова) (объект XVI), Н. Н. Забелина (объект XVI), М. Б. Пиотровский (объекты XVI, XX), Г. Л. Семенов (объекты IX, XXVII, XXVIII) и др.

Особым видом жилища можно считать дворец, раскопанный А. И. Исаковым (1977б, с. 78—109) на цитадели древнего Пенджикента.

А. М. Беленицкий обобщил работы по изучению жилищ Пенджикента (Беленицкий, 1965, с. 178—195; 1967, с. 11—14; Беленицкий и др., 1973, с. 23—38, 43—47), дал краткие описания ряда характерных жилищ и опубликовал их планы. Большое внимание он уделил критике архаизирующих картину раннесредневекового города истолкований письменных источников и археологического материала, кроме того, дал правильное объяснение ряда важных мест у Наршахи и Истахри. В связи с этим по-иному предстала социальная жизнь

[1] Кроме того, краткая информация о раскопках жилищ содержится в статьях, публиковавшихся в ежегоднике «Археологические открытия».

города, особенно роль ремесла и торговли. А. М. Беленицкий отметил ряд объективных трудностей в исследовании жилищ: «. . .надо признать, что при слитности застройки, когда каждое жилище непосредственно примыкает к другому, когда к наружной стене одного жилища пристраивается впритык другое, расчленить весь квартал на самостоятельные жилища — домовладения — оказалось задачей достаточно трудной. В некоторых случаях предполагаемое членение или выделение из всего массива такого домовладения является спорным либо требующим добавочного исследования. Последовательность застройки квартала в настоящее время едва ли может быть всегда восстановлена для всего квартала» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 25).

За десятилетия изучения городища древнего Пенджикента методика изменялась и совершенствовалась, поэтому, естественно, мы имеем не одинаковый уровень источниковедческой подготовки материала. Прежде всего мы должны оперировать полностью исследованными жилищами, которые позволяют по-новому осветить весь остальной материал. Возникает возможность перейти от анализа отдельных, характерных, образцов жилищ к анализу всей системы жилой застройки города, системы, определяемой как количественными, так и качественными показателями. Задача рассмотрения совокупности жилищ города — новая для среднеазиатской археологии. Она не ставилась при исследовании городов других регионов даже в тех случаях, когда раскопки охватывали большую часть городской территории (Дура-Европос, Таксила). Выводы, которые могут быть получены на сегодняшний день, неизбежно будут уточняться в ходе дальнейших работ, поскольку больше половины городской территории еще предстоит раскопать, а каждый новый квартал вносит свои коррективы в наши представления.

Отдельные аспекты проблемы намечены в статьях и докладах, на базе которых сложилась данная работа (Распопова, 1969; 1973; 1974; 1977; 1979; 1981; 1983а; 1983б; 1986).[2]

Для правильного понимания исторического места пенджикентского жилища необходимо вести работу в трех направлениях: 1) сравнить его прежде всего с раннесредневековым городским жилищем Средней Азии; 2) сопоставить городское жилище с сельским — как с замками феодалов, так и с домами крестьян; 3) и, наконец, надо проследить истоки и последующее развитие согдийского жилища.

Материалы для этого, к сожалению, представлены весьма неравномерно. Что касается городского жилища раннего средневековья, то на других городищах вскрыты лишь отдельные жилища или части жилищ этой эпохи. На Афрасиабе раскопками затронуто несколько отдельных помещений, принадлежавших различным жилищам, но здесь не стояла задача изучения именно жилища. Раскопки так называемого дворца далеко еще не завершены. В этот раскоп вошли группы помещений, относящихся к разным домам. Изучение этого комплекса весьма затруднено отсутствием сколько-нибудь подробных публикаций. Издан только схематичный план, сопровождаемый кратким описанием (Альбаум, 1975, с. 11—14, рис. 3). Вошедшее в специальную литературу определение этого комплекса как дворца самаркандского правителя Вархумана (Там же, с. 10; Гулямов, Буряков, 1969, с. 282—283; Буряков, Ташходжаев, 1973, с. 9) подобно первоначальному определению объекта III древнего Пенджикента как дворца Деваштича. Но в обоих случаях строительный массив распадается на отдельные секции, чего мы не наблюдаем в подлинных дворцах Варахши, Пенджикента, Шахристана. Следует заметить, что В. А. Шишкин не называл это здание дворцом царя, а считал его жилым зданием, «принад-

[2] Я благодарна А. М. Беленицкому, В. М. Массону, М. П. Грязнову, Р. М. Джанполадян за те советы, которые были даны при обсуждении моих докладов на заседаниях сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

лежавшим, несомненно, одному из богатых и влиятельных феодалов» (Шишкин, 1966, с. 12; 1973, с. 145).

В 1978 г. раскопки на Афрасиабе возобновились под руководством Х. Г. Ахунбабаева. Результаты его работ еще полностью не опубликованы, хотя основные выводы изданы. По мнению Х. Г. Ахунбабаева, здание пережило пять этапов строительства: это замок в VI в., дворец в 3-й четверти VII в., квартал знати на рубеже VII—VIII вв., после запустения здесь в 740-х гг. снова были дома знати, а в 3-й четверти VIII в. рядовые жилища (Ахунбабаев, 1987, с. 10—12).

Фрагментарно исследована застройка IV—VI вв. главного города Южного Согда Еркургана (Нефедов, 1983). Изучению жилой застройки много внимания уделяется при раскопках городища Калаи-Кахкаха I у пос. Шахристан в Северном Таджикистане (Негматов, 1973а, с. 96—97; 1976, с. 122—125; 1977, с. 121—129; Авзалов, 1977, с. 81—83). Здесь помимо широко известного дворца исследовалась застройка еще на трех участках. Застройка одного из них — объекта V, несмотря на сходство отдельных помещений, не похожа на городскую жилую застройку, известную по Пенджикенту, так как нет сложного дифференцированного плана, столь характерного для жилищ с выделенной парадной частью. На объекте VI, примыкающем к южной городской стене, раскопано три похожих друг на друга жилища небольшого размера. Третьим типом постройки является «караульно-казарменный комплекс», вскрытый в юго-западной части городища. Все постройки весьма оригинальны, если видеть в них городские жилища. Прежде всего бросается в глаза отсутствие вторых этажей в домах. Это удивительно, так как площадь, окруженная крепостной стеной, всего 4.2 га, причем здесь же был расположен дворец. Городище Калаи-Кахкаха I отождествляется с шахристаном столицы Уструшаны—Бунджиката, весьма значительного, несомненно превосходившего Пенджикент. В таком городе теснота шахристана должна была бы привести к росту высотности застройки, чего, однако, не наблюдается. В связи с этим остается спорным, в какой мере мы можем рассматривать застройку городища Калаи-Кахкаха I как городскую.

Городище Калаи-Кахкаха I так же, как Варахшу под Бухарой, Кафыр-калу и Тали-Барзу под Самаркандом, следует скорее всего отнести к категории крупных укрепленных селений у подножья резиденции владетеля. Городище Варахша с замком-цитаделью и большим дворцом занимает довольно значительную площадь — 6.5 га, но стойкая местная традиция, зафиксированная Наршахи, относит Варахшу именно к селениям, а не к городам (Шишкин, 1963, с. 82).

Вполне допустимо предположить, что городище Калаи-Кахкаха I, подобно Варахше — летней резиденции бухар-худатов, является остатками летней резиденции афшинов Уструшаны. Сомнения в правильности локализации Бунджиката в Шахристане были высказаны О. Г. Большаковым (1973, с. 190—191).

Застройку городского предместья, одновременную застройке пригорода Пенджикента, но более развитую, исследовала в Фергане на городище Кува В. А. Булатова (1966, с. 82—90; 1972, с. 18—50). Ею отмечено, что эта застройка с парадными залами, сводчатыми помещениями, лестницами, ведущими во вторые этажи, во многом сходна с жилой застройкой шахристана Пенджикента: «В небольшом по размерам кувинском поселении при храме повторяются приемы, характеризующие застройку Пенджикента, — скученность, массивные глинобитные стены первого этажа, сводчатые перекрытия и чорхона, те же бытовые устройства (жаровни, очажки, напольные и пристенные, суфы, стенки-перегородки, хумы)» (Булатова, 1966, с. 89).

В Северном Тохаристане ведутся интенсивные работы по исследованию городища Калаи-Кафирниган (размером около 3 га) (Литвинский, 1976, с. 566—567; 1977, с. 19—21; 1978, с. 558—559; 1979, с. 156—187; 1980, с. 120—146; 1982, с. 106—135; 1987, с. 36—42; Litvinsky, 1981, p. 35—66; Литвинский,

Соловьев, 1985). Здесь открыта жилая застройка двух типов: 1) с прямоугольными залами, охваченными коленчатыми коридорами и еще рядом помещений; 2) рядовые жилища, примыкающие к буддийскому храму. Первый тип жилища во многом сходен с пенджикентским богатым домом.

Здесь мы рассмотрели лишь те большие городища, на которых раскопаны значительные участки жилой застройки. Из этого обзора видно, что раннесредневековая жилая застройка городов в пределах Средней Азии исследована весьма незначительно.

Сравнительно хорошо изучен только один вид жилищ — дворцы в цитаделях. Это похожие друг на друга как по принципам планировки, так и по деталям дворцы Варахши (Шишкин, 1963, с. 53—84), Пенджикента (Исаков, 1977б, с. 78—109), Шахристана (Негматов, 1973а, с. 97—102, табл. 11—13; 1973б, с. 183—202; Воронина, Негматов, 1975, с. 51—71) и Кафыр-калы на Вахше (Литвинский, 1987, с. 36—37; Литвинский, Зеймаль, 1973, с. 157—160, табл. 20—22; Литвинский, Соловьев, 1985).

Для понимания специфики города необходимо сопоставление города с синхронной ему деревней. Иначе трудно понять, что было характерно для любого поселения определенной эпохи, а что является особенностью города. Однако такое сопоставление трудно провести по археологическим материалам Средней Азии. Сельские поселения планомерно изучаются в Хорезме. В недавно вышедшей книге Е. Е. Неразик (1976) подводятся итоги изучения сельских поселений на материале большого хронологического диапазона — с I по XIV в.н. э. Большой интерес в этой книге представляет исследование проблемы истории семьи на материале жилищ. Интересно также комплексное рассмотрение жилищ одного небольшого района, относящихся к одной эпохе, которые позволяют судить о социальном составе населения этого района (Неразик, 1966). Задача, поставленная на сельском материале, аналогична нашей, решаемой на материале города. Но в самом Хорезме сопоставить город и деревню пока невозможно, так как здесь за исключением Топрак-калы (Городище Топрак-кала, с. 9—41) нет города, где бы велись археологические работы в достаточно больших масштабах.

Иначе обстоит дело в Согде, где преобладает городская археология. Наряду с этим получен значительный материал по сельским поселениям, но для среднего и нижнего течения р. Зеравшан рядовое сельское жилище практически не изучено (Ростовцев, 1975, с. 98—102). В сельской местности в той или иной степени исследовано несколько замков: Ак-тепе близ Пенджикента (Исаков, 1982, с. 224—232), Батур-тепе к востоку от Пенджикента (Мандельштам, 1956, с. 57—59), Фильмандар (Исаков, 1979а, с. 300, 302—306; 1979б, с. 50—51, рис. 12), Калаи-Мирон (Исаков, 1977а, с. 48—50; 1979б, с. 298, 300, рис. 2), Куджраха (Исаков, 1977а; 1980, с. 247—250, рис. 1), замок на горе Муг (Васильев, 1934, с. 18—32; Воронина, 1950, с. 190; Якубовский, 1950, с. 24—25, табл. 5, *1*, *2*; Якубов, 1979, с. 96—125; 1983, с. 158—168), Калаи-Кум (Якубов, 1983, с. 158—168; 1987, с. 186—193; 1988а, с. 384—385; 1988б, с. 29, 48, 49, 72, 75, 76, 86, 91, 93—95, 121—124, 126—128, рис. 16, 24), Кафыр-кала близ Самарканда (Шишкина, 1961, с. 192—222; 1977, с. 67), Бад-Асие (Шишкина, 1963, с. 87—109) и др.[3] Некоторые из этих замков представляют собой цитадели селений.

Большое внимание изучению сельских поселений Южного Согда в V—VI вв. уделил С. К. Кабанов (1966, с. 52—66; 1977). Из всех подвергавшихся исследованию замков в Южном Согде целиком раскопан только один — Аул-тепе (Кабанов, 1958, с. 144—151). При публикации многих из этих замков отмечалось их сходство в планировке и архитектуре помещений с богатыми жилыми

[3] Планы замков пенджикентской округи и верховьев Зеравшана опубликованы Ю. Якубовым (1988б, с. 29—56, рис. 2—13).

домами Пенджикента. Такое же сходство прослеживается и с замками более обширного региона от Тохаристана (Альбаум, 1963, с. 73—83; Нильсен, 1966, с. 140—172; Аннаев, 1988) до Уструшаны (Негматов, Зеймаль, 1959, с. 205—217; Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 45, 51—88; Негматов и др., 1973; Пулатов, 1975) и Чача (Зильпер, 1978, с. 167—173; Филанович, 1983, с. 78—83, 100—101, 181—187).

Здесь следует отметить, что во многих замках имелись пандусы и лестницы, ведущие во вторые этажи. Можно думать, что и замки, в которых сохранились лишь ряды сводчатых помещений, также имели верхние этажи, где располагалась парадная часть жилища, поэтому нет оснований противопоставлять эти замки замкам с сохранившейся парадной частью (ср.: Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 106—115; Негматов, 1977, с. 13—14).

Большинство замков вполне обоснованно считают жилищами земледельческой аристократии. Однако жилище сельского рядового населения оставалось почти неисследованным, хотя в долине Кашкадарьи на некоторых тепе раскопаны отдельные помещения, относящиеся к рядовой застройке, но структура этих поселений остается пока неясной. В Калаи-Муг на р. Магиан Б. Я. Стависким раскопан крестьянский дом V в., находящийся на склоне тепе (Ставиский, 1961, с. 101—112). До раскопок Ю. Якубова мы не имели согдийского села, раскопанного на достаточно большой площади, которое можно было бы сопоставить с согдийским городом раннего средневековья. Структура города этого времени исследуется в Пенджикенте в больших масштабах. В 1974 г., когда Ю. Якубовым были завершены раскопки Гардони Хисор, древнего селения Мадм, эта лакуна согдийской археологии была в определенной мере заполнена (Якубов, 1973, с. 154—155; 1975, с. 196—209; 1977а, с. 363—372; 1977б, с. 137—154; 1979, с. 126—170, рис. 26—47; 1988б, с. 148—168 и др.). Гардони Хисор ярко показывает типично крестьянское жилище, принципиально отличающееся от синхронного ему городского пенджикентского.

В непосредственной близости от городища древнего Пенджикента А. И. Исаковым и У. Эшонкуловым исследовано поселение Буранбой с типичными сельскими домами, относящимися, однако, к более позднему времени. На отдельных участках этого поселения обнаружены слои конца V—начала VI в. и конца VI—1-й половины VII в.

Таким образом, мы видим, что сравнительный материал по раннесредневековой Средней Азии обширен, но в то же время фрагментарен. За пределами Мавераннахра на раннесредневековых городищах вообще почти не раскопаны или, во всяком случае, не выделены отдельные многокомнатные городские жилища, быть может, за исключением Сирафа в Южном Иране (Whitehouse, 1971, p. 255—262). Г. А. Пугаченкова приводит несколько эскизных планов развалин домов Мервского оазиса, раскопки которых не производились (Пугаченкова, 1958, с. 139—142).

Важно было бы проследить истоки типов раннесредневекового жилища. Но в Согде нигде еще не исследовано жилище античного времени в городах. Материалы, полученные С. К. Кабановым по Афрасиабу, весьма фрагментарны (Кабанов, 1969, с. 183—198; 1973, с. 16—84). Поскольку раннесредневековые жилища Тохаристана (Занг-тепе, Кафыр-кала на Вахше, Калаи-Кафирниган) во многом сходны с согдийскими, то можно предположить, что и античные жилища Согда и Бактрии-Тохаристана были сходны. По богатому, как городскому, так и пригородному, жилищу в Бактрии прекрасные материалы получены на городищах Ай-ханум (Bernard, 1970, p. 310—316; 1971, p. 406—414; 1976, p. 245—275; Лекюйо, 1987, с. 59—67) и Дильберджин (Кругликова, 1974, с. 84—97; Пугаченкова, 1976б, с. 151—157; Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 5—47, 91—103), а в Северном Тохаристане — на городище Дальверзин (Пугаченкова, 1973, с. 96—97; 1975, с. 419—420; 1976а, с. 38—42; 1978, с. 57; Пугаченкова, Тургунов, 1974, с. 58—73; Беляева, 1978; Тургунов, 1978).

Рядовое жилище изучено в меньшей степени. Жилая застройка исследуется на городище Зар-тепе в долине Сурхандарьи (Завьялов, 1974; 1979; 1985; Завьялов, Осипов, 1976; Массон, 1976а; 1977; 1978).

Более поздняя стадия истории городских домов на территории Согда (IX—X вв.) прослежена в Афрасиабе, где раскопан как богатый дом (Ахраров, Ремпель, 1971), так и квартал с разнообразной застройкой (Шишкина, 1973а, с. 117—157). Важные результаты были получены также на Варахше (Кабанов, 1956, с. 95—126). В этот период происходит резкое изменение всего характера жилища.

При изучении раннесредневекового жилища исследователи в той или иной степени привлекают этнографический материал. Сопоставление археологического и этнографического материалов требует большой осторожности — нельзя забывать о принципиальном различии обществ, разделенных более чем тысячелетием. Однако при осторожном использовании данные этнографии во многом помогают правильному пониманию ряда особенностей жилищ и поселений эпохи раннего средневековья.

Территория Согда хорошо изучена этнографами, которые исследовали как городское (Воронина, 1951, с. 11—53; Андреев, Чехович, 1972; Писарчик, 1975 — в этом труде приведена литература вопроса), так и сельское жилище (Андреев, 1970; Давыдов, 1970; Пещерева, 1976). О. А. Сухарева посвятила специальное исследование городскому кварталу Бухары, которое позволяет сделать существенные сопоставления (Сухарева, 1976). Недавно опубликован сборник статей по среднеазиатскому жилищу (Жилище. . ., 1982).

Подводя итоги, следует отметить, что только по пенджикентскому жилищу накоплен массовый материал, хотя и этот материал обработан в разной степени. Он дает возможность проследить динамику развития во времени. В Пенджикенте благодаря тому, что здесь исследована значительная часть городской территории, жилище можно рассматривать в системе города как социального организма. Поэтому основной задачей этой работы будет изучение пенджикентского жилища в палеосоциологическом плане, что облегчается наличием синхронных письменных источников, относящихся по большей части к Пенджикенту и его округе, — архива согдийских документов с горы Муг. В этих документах содержатся важные данные о согдийском обществе (о семье, городской общине, сословном делении, экономике и т. д.). Работа с документами в большой степени облегчена наличием исторических комментариев, выполненных их издателями (Лившиц, 1962; Боголюбов, Смирнова, 1963).

Исследованию арабских и персидских источников, которые надо учитывать при разработке нашей темы, уделено большое внимание в уже неоднократно упоминавшейся монографии «Средневековый город Средней Азии» (разделы А. М. Беленицкого и О. Г. Большакова).

Обзор литературы показал, что сравнительный археологический материал представлен весьма разнообразно, но при этом чрезвычайно неравномерно. Особенно беден он по городскому жилищу изучаемой эпохи. Поэтому истолкование разрозненных данных по другим памятникам может быть предложено на основе исследования Пенджикента.

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩ

Прежде чем перейти к описанию конкретного материала, рассмотрим методические принципы, которым мы будем следовать при изучении пенджикентских жилищ. Предварительно должны быть освещены основные вопросы, это: 1) понятие о жилище и домовладении; 2) выявление домовладений и жилищ в ходе раскопок; 3) выявление домовладений и жилищ по планам, если в ходе раскопок не ставилась специальная задача исследования отдельных жилищ; 4) функциональный анализ отдельных помещений; 5) принципы сбора и фиксации керамического и вещевого материала на основе изучения стратиграфии; 6) обработка нумизматического материала в соответствии со стратиграфией и строительной историей жилища или домовладения; 7) возможность выделения синхронных слоев по отдельным домовладениям, строительным массивам и городу в целом.

В условиях Пенджикента понятия жилища и домовладения не всегда совпадают. Жилищем мы можем считать группу помещений, связанных между собой проходами и имеющих общий выход. Такая группа помещений включает в себя жилые, хозяйственные, нередко парадные и парадно-культовые помещения. Домовладение может состоять только из жилища, но в ряде случаев оно включает производственные и торговые помещения, выстроенные одновременно с жилищем у его фасадных стен и не связанные проходами с помещениями жилищ. Иногда в состав одного домовладения могли входить два или более жилищ. Такого рода домовладение сложно выделить. Одним из его наблюдаемых признаков является общий второй этаж над двумя группами жилых помещений первого этажа, имеющих каждое свой выход на улицу. Иногда стены двух отдельных жилищ строили вперевязку и между ними устраивали внутренний проход. Домовладение, выделяемое таким образом по археологическим признакам, не всегда совпадает, по-видимому, с участком земли, который принадлежал одному владельцу недвижимости в городе. Например, построенные совместно и одновременно на компактном участке жилища (даже без внутренних проходов между ними) могли входить в одно домовладение, но они могли и принадлежать, скажем, разделившимся братьям.

Выделение не только жилищ, но и, насколько это возможно, домовладений совершенно необходимо для исследования социальной жизни города. По жилищам можно решать вопросы истории семьи и социальной стратификации, а по домовладениям — более специфические вопросы распределения и перераспределения земельной собственности в городе, арендных отношений и т. д.

Раскопки древних городов обычно стараются вести большими площадями. При этом встречаются различные подходы к исследованию раскапываемой территории. Один из них состоит в том, что на выбранном прямоугольном участке раскапываются все помещения, часто входившие в состав нескольких различных комплексов. Найти стены и оконтурить комнаты не трудно, но если не затрачивать значительных усилий, чтобы установить, в какие комплексы входили отдельные помещения, то результаты обычно многочисленных перестроек сильно затруднят понимание плана. Во многих публикациях отчетов о раскопках на

планах мы видим помещения, не имеющие входа и выхода, и даже целые лабиринты. При таком подходе не получается завершенного представления об отдельных комплексах.

Существует и другой подход, когда заранее ставится задача полного исследования строительных комплексов. В Пенджикентской экспедиции постепенно выработалась своя методика, обусловленная этой задачей. Раскоп начинается с небольшого участка, включающего два-три помещения, а прирезки к раскопу делаются прежде всего по обнаруживаемым проходам. Поиски проходов приобретают особое значение, так как только по ним мы можем проследить взаимосвязь отдельных помещений. При этом устанавливается последовательность перестроек во всех помещениях, а затем и в комплексе в целом. Каждая стена, каждый проход и каждая закладка прохода соотносятся с тем или иным этапом строительной истории. В процессе работы обязательно фиксируются уровни полов и порогов, перевязки стен и все швы между стенами, материал, из которого сложены стены, находки монет и другие данные. Надо отметить, что одновременные полы в разных помещениях часто оказываются на разной глубине. Жилища делились, частично забрасывались, расширялись и т. д. Таким образом, выявить в городской застройке отдельное жилище гораздо сложнее, чем это может показаться.

В тех случаях, когда при раскопках не ставилась специальная задача исследования отдельных жилищ, на планах строительных массивов помещения жилых комплексов нередко кажутся не связанными между собой. Картина получается во многом неясной и запутанной. Немало таких участков есть и на пенджикентском городище. Полной информации по этим вскрытым в первые десятилетия участкам без длительных добавочных раскопок получить невозможно. Однако используя опыт, приобретенный позднее при раскопках специально исследованных жилищ, удается с известной степенью достоверности расчленить на отдельные дома и такие участки. Эту работу проводили В. Л. Воронина и затем О. Г. Большаков, который изложил применявшиеся им критерии вычленения планов отдельных жилищ. «Надежным признаком для выделения жилого дома является квадратный парадный зал. . . Второй признак — домашнее святилище. . . Третий признак — наличие в изолированном комплексе пандуса или лестницы» (Большаков, 1973, с. 259, примеч. 9). Сюда следует добавить наличие входа с улицы в группу помещений, связанность помещений проходами. Без связанности помещений проходами по всем остальным признакам выделение жилища будет приблизительным, так как в одном жилище могут быть два зала или зал неквадратной формы, бывают жилища, в которых не обнаруживаются лестницы или пандусы и т. д.

Выделение домовладения, если эта задача специально не ставилась во время раскопок, еще труднее. Примыкающие к жилищу лавки и мастерские можно отнести к тому же домовладению, что и жилище, если план показывает, что их устройство было специально предусмотрено во время возведения постройки.

В ходе многолетних работ Пенджикентской экспедицией накоплен опыт определения назначения отдельных помещений и целых строений. При определении функции каждого помещения учитываются площадь, высота, освещенность, связь с другими помещениями и с улицей, наличие суф и их характер, остатки производственных сооружений, дверные запоры, характер наслоений на полу, состав вещевых находок (включая монеты и керамику), характер заполнения помещений. По тем или иным из этих признаков выявлены специализированные помещения: айваны, вестибюли, при которых обычно есть лестница или пандус, коридоры, кладовые, кухни, домашние святилища, парадные залы, мастерские и лавки. Жилые помещения редко имеют специфические признаки. Одним из них является наличие очажка для обогрева, который, однако, не всегда легко отличим от кухонного очага. При исследовании пенджикентских жилищ прослеживаем устойчивую повторяемость помещений определенного типа. При этом при-

знак, который может быть понят неоднозначно, становится диагностическим признаком, индикатором после того, как он несколько раз встретился в одинаковом и хорошо определяемом контексте. Например, ганчевая обмазка стен и пола сама по себе возможна в помещениях разного назначения, но после того, как она встретилась в целой серии несомненных кладовых, ее стало возможным считать индикатором кладовых и в менее ясных случаях. Подтверждением правильности выбора этого индикатора служит его устойчивое сочетание с другой постоянной особенностью кладовых: это всегда непроходные помещения, расположенные в глубине жилища. Однако каждый такого рода индикатор является лишь указанием на возможную функцию помещения, но не дает окончательного ответа. Чтобы решить вопрос, нужно несколько признаков.

Для лавок-мастерских одним из индикаторов служит обилие монетных находок, гораздо менее типичных для жилых помещений. Но главным признаком, по которому выделяются лавки и мастерские без сохранившихся следов производства, является выход из этих помещений на улицу при изолированности от жилой застройки.

Более сложный случай — выделение домашних святилищ в богатых домах, где обычно имеется два зала — квадратный четырехколонный и прямоугольный меньшего размера с пристенным очагом типа камина, украшенного двумя колоннами. Наряду с очагом в этих помещениях устраивается тамбур при входе. Они часто располагаются на вторых этажах. Эти помещения определены В. Л. Ворониной как домашние святилища (Воронина, 1957а; 1969). Наличие очага и другие признаки святилищ могут быть поняты и не как культовые. Однако устойчивое различие в архитектуре большого зала и меньшего зала с очагом в одних и тех же домах, различие, повторенное десятки раз, явно не случайно. Оно может быть объяснено только функциональным различием этих залов. Устройство в помещениях с очагом особого тамбура и обычное расположение таких помещений на вторых этажах подчеркивает различие функций. Мы не можем уверенно говорить о культовой специфике этих помещений. Бесспорным является лишь различие функций двух типов залов в одном жилище. Однако культовая гипотеза в данном случае представляется вероятной, и к ней мы вернемся в дальнейшем.

В богатых домах функции помещений максимально дифференцированы. Особое внимание уделяется парадным помещениям. Кроме зала и часто украшенного росписью святилища в доме имелся парадный коридор со стенами, тоже украшенными росписями, а нередко еще и айван с росписью, выходящий на улицу. Такой дифференцированный план парадной части заставляет предположить, что каждое из помещений играло особую роль при приемах и обрядах. Во всех помещениях, в том числе и на стенах коридоров, имелись изображения божеств. Парадные залы, видимо, не служили для жилья. Как удалось установить в нескольких случаях, парадные залы, очевидно, вместе с находившимися в них ценностями запирались снаружи. В рядовых жилищах иногда выделяются особые парадные помещения без росписей, но чаще функцию представительства несет основная жилая комната.

При проверке правильности понимания назначения помещения по сочетанию нескольких признаков наиболее существенным считается место в планировочной структуре домовладения.

При исследовании жилища необходимо выработать принципы фиксации находок. В Пенджикенте стены, сохранившиеся на высоту 2—4 м, создают обманчивое впечатление однородности заполнения между ними. Иногда исследователю может показаться, что такое заполнение помещения можно считать единым слоем. Между тем в каждом помещении выделяются разные наслоения и соответственно комплексы керамики разного происхождения. Правильность выделения и понимания слоев может быть достаточно надежно проверена при одном-двух разрезах через каждое помещение.

Керамика, происходящая из помещений монументальной сырцовой или пахсовой архитектуры, может быть разделена на комплексы по двум группам признаков — месту нахождения и сохранности.

По месту нахождения выделяются комплексы керамики: 1) с полов; 2) из завалов конструкций; 3) из зольников при очагах; 4) из свалок, образовавшихся после запустения помещений; 5) из подсыпок и забутовок, связанных с перестройками.

По сохранности выделяются сосуды, найденные целыми или собирающимися из фрагментов, и фрагменты, по которым невозможно восстановление полного профиля сосуда.

Комплексы керамики, выделенные по месту нахождения и сохранности, могут быть интерпретированы следующим образом.

1. Сильно фрагментированная керамика с полов накопилась за отрезок времени жизни в помещениях.

2. Целые сосуды, найденные на полах, а также вкопанные и вмазанные в пол, и целые сосуды из завалов конструкций, т. е. с полов помещений верхних этажей или с жилых крыш, относятся к моменту гибели или запустения здания. К этому же моменту относятся собираемые из фрагментов сосуды из зольников при очагах.

3. Фрагментированная керамика из завалов конструкций относится как ко времени жизни в здании (с полов второго этажа), так и к более раннему времени, поскольку для пахсы, кирпича, раствора и забутовок использовали более ранний культурный слой. Сюда же могут попасть и брошенные в развалины черепки.

4. Керамика, происходящая из свалок, вместе с гумусом и костями животных, относится ко времени после запустения здания и с жилищем, в котором она найдена, никак не связана.

5. Комплексы из подсыпок, забутовок и комплексы, найденные между полами, состоят из двух компонентов: керамики из перемещенного более раннего культурного слоя и некоторого количества керамики момента перестройки.

Каждый из перечисленных комплексов керамики различается не только по датировке, сохранности, но и по набору форм. В пол затаптывались преимущественно мелкие фрагменты тонкостенной посуды (чаши, кружки и др.), а в оставленных людьми жилищах сохранились главным образом крупные сосуды. Имеются и другие различия (подробнее об этом см.: Распопова, 1970, с. 95—99).

Оказался необходимым полный учет керамики не при камеральной обработке после экспедиции, а в поле в связи с тем, что правильность выделения и понимания комплексов керамики контролируется археологическими разрезами и наблюдениями в ходе раскопок. Например, в ходе раскопок одного из сводчатых помещений благодаря одновременной фиксации керамического материала и археологических слоев удалось из завала выделить комплекс керамики, связанной с кухней, которая была расположена на втором несохранившемся этаже. Ее остатки были зафиксированы при докапывании помещения в его заполнении.

Однородные комплексы из отдельных помещений объединяются по жилищам. Так что удается выявить комплекс керамики, употреблявшейся жителями к моменту гибели или запустения дома.

Здесь мы остановились на принципах фиксации прежде всего керамики как самого массового материала. Но те же принципы используются и при фиксации всех других видов находок. Каждая вещевая находка фиксируется не только по глубине, но также дается ее привязка к тому или иному слою, так или иначе она увязывается с историей жилища. Таким же образом, как и при обработке керамики, выделяются комплексы вещей, связанные с тем или иным моментом истории жизни в доме, и находки, попавшие в слой, не связанный с жизнью в доме.

Керамика, вещи и стратиграфия позволяют установить относительную хро-

нологию как по отдельным жилищам, так и по всему городищу. По этим же материалам можно дать абсолютную хронологию с точностью порядка полувека. Но более точная привязка к временной шкале в условиях Пенджикента осуществима при сопоставлении всех этих видов материала с нумизматическими данными.

Древний Пенджикент — многослойный памятник со сложной стратиграфией, и верхний его строительный горизонт не един. Работы по изучению стратиграфии так называемого верхнего слоя Пенджикента были начаты О. Г. Большаковым, Б. Я. Стависким, Е. В. Зеймалем, которые установили три этапа, укладывающихся в 70—75 лет VIII в.

Конец первого этапа приходится на начало 20-х гг. VIII в., затем следует период запустения, к 40—50-м гг. VIII в. относятся ремонтные работы во многих зданиях; конец жизни древнего города приходится на 70-е гг. VIII в. Эти выводы были сделаны, как отмечено выше, на основании изучения стратиграфии и нумизматических материалов отдельных, сравнительно небольших участков. Но с тех пор как были опубликованы результаты О. Г. Большакова и Е. В. Зеймаля, появилось много нового материала и настало время свести результаты, полученные по отдельным участкам городища, воедино. В связи с этим представляется необходимым вести работы по двум взаимосвязанным направлениям: 1) исследование нумизматического материала и 2) уточнение стратиграфии.

За время раскопок с 1949 по 1988 г. в Пенджикенте найдено около 5000 монет. 1247 монет из раскопок 1949—1956 гг. опубликованы О. И. Смирновой в ее многочисленных, очень ценных статьях, положивших основу новой области нумизматики — согдийской (см., например: Смирнова, 1950, с. 224—231; 1951, с. 3—23; 1955, с. 3—13, и другие ее статьи). Итогом этих работ О. И. Смирновой являются «Каталог монет с городища древнего Пенджикента» (1963а) и «Сводный каталог согдийских монет» (1981), без которых сейчас не может обойтись ни один археолог, занимающийся вопросами раннесредневековой истории Средней Азии. О. И. Смирновой определены монеты из раскопок Пенджикента в 1957—1963 гг. включительно в количестве 1201. Монеты из раскопок 1964—1988 гг. определены мною по каталогу О. И. Смирновой. При определении монет мне большую помощь оказали В. А. Лившиц, А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак.

При таком обилии монет, казалось бы, просто датировать те слои, из которых они происходят. Но трудность заключается в том, что на согдийских монетах нет даты их выпуска. На них обозначено лишь имя правителя, который их выпустил. Даты имеются только на арабских монетах. О. И. Смирновой проделана большая работа по отождествлению правителей, имена которых приведены на монетах, с правителями, известными по письменным источникам. Благодаря этой работе установлены даты основных монетных типов. Монеты ихшидов Согда датируются так: Шишпира — не позже 642—не позже 655 гг., Вархумана — 2-й половиной VII в., Тукаспадака — рубежом VII—VIII вв., Тархуна — 700—710 гг., время правления Гурака устанавливается 710(?)—738 гг., Тургара — 738—750 гг., на каждом из арабских фельсов указана дата, все они приходятся на узкий период — 60—70-е гг. VIII в.

Раскопки последних лет в Согде позволили уточнить даты отдельных типов монет. Монеты неизвестного ихшида с двустрочной надписью MLK`tnwkk найдены при раскопках нижнего здания объекта XII Пенджикента в слое VII в. (Маршак, 1965, с. 20). Из слоя VII в. этого же здания происходят монеты деградировавшего типа у-шу (Там же), которые были найдены в мастерской ювелира (помещение 35 верхнего здания объекта XII), по керамике и стратиграфии датируемой VII в. (Распопова, 1969, с. 170). В Чилеке такие монеты найдены ниже уровня пола здания, которое датируется 2-й половиной VII в., и выше пола здания конца VI—начала VII в. (Маршак, Крикис, 1960, с. 58). Монеты так называемого Укара относятся ко 2-й половине VII в., так как в Чилеке они найдены в слое не позже этого времени (Там же). В Пенджикенте при раскопках

помещения 10 объекта XXI, которое по стратиграфии датируется рубежом VII—VIII вв., найден клад из 5 монет Укара.

Уточнена датировка монет пенджикентского литья: так называемого Бидйана и пенджикентской царицы. Важные материалы по этому вопросу получены при исследовании мастерской в помещении 72 объекта XVI, где монеты Бидйана найдены в слое с керамикой VII в., подстилающем слой с монетами царицы (Распопова, 1976, с. 39—48). В мастерской найдены два клада монет, один из которых состоял только из монет пенджикентского литья. Он найден в мастерской, перекрывающей остатки более ранней мастерской рубежа VII—VIII вв. В нем наряду с монетами Бидйана есть монеты безымянной пенджикентской царицы с обеими легендами. Остатки мастерской, из которой происходит клад монет пенджикентского литья, перекрыты поверхностью, соответствующей поверхности пола базарной площади и полам помещений, прилегающих к базару с юга. На полах всех этих построек лежит слой пожарища, связанного, по всем данным, с большим разгромом Пенджикента около 722 г. (Распопова, 1971, с. 67—75).

На основании этих наблюдений можно утверждать, что монеты Бидйана предшествуют монетам пенджикентских цариц. В сходных стратиграфических условиях (слой с монетами Бидйана перекрыт постройками 1-й четверти VIII в.) найдены монеты Бидйана на объекте VI (Ставиский, 1964, с. 174) и в верхнем здании XII объекта (Распопова, 1969, с. 171, примеч. 9). Мастерская, в которой отливались монеты Бидйана, на объекте XIII перекрыта помещениями, погибшими от пожара скорее всего около 722 г. В пожарище нет монет моложе 1-й четверти VIII в. (Распопова, 1976, с. 45). В кладке третьей городской стены внутреннего города были найдены монеты Вархумана и Бидйана (Маршак, 1975, с. 116). Эта стена была разрушена при строительстве тех домов III объекта, которые погибли во время пожара около 722 г. (Большаков, 1964, с. 88—120).

В. А. Лившиц (1970, p. 257, foot-note 5; 1979) вместо чтения «Бидйан» на монетах предложил читать «Бильга», что позволяет отождествить правителя, выпускавшего эти монеты, с упоминаемым в документе В-8 царем Чакин Чур Бильга, правившим до Деваштича. Все это хорошо согласуется с находками как в помещении 72 объекта XVI, так и в других местах городища. Монеты пенджикентской царицы, таким образом, приходятся на время правления Деваштича, и, учитывая условия находки клада монет пенджикентского литья, приходится пересмотреть предложение О. И. Смирновой о возможном выпуске монет пенджикентской царицы после 722 г. (Смирнова, 1963а, с. 16—17).

Здесь следует еще отметить, что монета Рамчитака в помещении 72 объекта XVI найдена под полом мастерской рубежа VII—VIII вв. Следовательно, эти монеты были выпущены никак не позже этой даты.

Последнее уточнение относится к монетам Гурака. О. Г. Большаков (1964) в результате раскопок объекта III установил, что «монеты с именем Гурака и изображением квадратного отверстия по стратиграфическим данным определенно относятся ко времени до Тургара, совпадая, таким образом, с правлением Гурака» (с. 118), т. е. до 783 г., и предположил, что они являются монетами самого Гурака. Наблюдения над взаимной встречаемостью монет на городище и, в частности, исследование монет в сочетании со стратиграфическими данными по базарчику на объекте XVI подтвердили предположение О. Г. Большакова (Распопова, 1971, с. 73—74). Монеты Гурака II типа встречаются в слоях, перекрытых слоями с монетами Тургара, т. е. в слоях 1-й четверти VIII в.

Все монеты, найденные при раскопках жилищ, сведены в таблицы, которые предполагалось опубликовать в данной работе, но, к сожалению, публикуем только три из них ввиду отсутствия места. Тем не менее рассмотрим здесь принципы, по которым составлены таблицы, так как датировка жилищ базируется прежде всего на нумизматическом материале. В таблицах распределения монет по отдельным помещениям жилых комплексов учитываются данные по датиров-

кам отдельных типов монет, условия, в которых найдена монета. Время возведения постройки показывают монеты, происходящие из кирпичей стен и сводов, из-под первоначальных полов. Монеты, найденные на полах помещений, суфах в нишах, дают дату жизни в этих помещениях. Монеты из завалов могут быть разного происхождения: из кирпичей стен и сводов, с просевших полов верхних этажей, могли быть потеряны посетителями развалин. Монеты из завалов приобретают важное значение для датировки в том случае, если этот завал перекрыт более поздними полами.

Одновременные слои в разных комнатах сопоставляются между собой по стратиграфии жилища, состоящего из нескольких помещений. Таким образом, выявляются синхронные срезы по отдельным домам, а на их основе с учетом наслоений улиц и площадей выявляются такие синхронные срезы уже для всего города в целом.

Не имея возможности прокомментировать все таблицы распределения монет в жилищах, остановимся лишь на нескольких наиболее характерных. По табл. 1 распределения монет в помещениях объекта XXI может создаться впечатление, что все здание построено в 740—770-е гг., так как здесь много монет Тургара и фельсов, происходящих с полов. Однако наблюдения над строительной историей этого здания показывают, что эти монеты датируют перестройки, действительно имевшие место как в 40-е гг. VIII в., так и позже. Важной монетой является монета Тургара I типа, найденная в толще пола второго периода в проходе помещения 1 (зала). Эта монета, выпущенная не раньше 738 г., датирует перестройку зала. По первоначальному плану зал был квадратным с суфами. Стены его были оштукатурены, но не расписаны. Затем со второго пола были возведены пилоны, образовавшие нишу в глубине зала. Стены, в том числе и стены пилонов, были расписаны. В коридоре (помещение 2) первоначальная штукатурка была расписана, но эта роспись сохранилась гораздо хуже, чем в зале. Видимо, владелец первоначального дома выстроил его, но не успел расписать главный зал дома до запустения после разгрома города в 720-х гг. Поэтому неудивительно отсутствие четких монетных комплексов 1-й четверти VIII в., так как к этому времени дом был выстроен, но почти не был обжит. В 40-е гг. VIII в. дом восстанавливается как аристократическое жилище. Однако вскоре с уровня верхних полов, датируемых фельсами 60—70-х гг. VIII в., начинается перепланировка этого дома: выделяются два сравнительно небольших жилища, срубается алтарь в помещении 4. Видимо, к этому же времени относится преднамеренная порча живописи.

В качестве еще одного примера рассмотрим материалы объекта XVI (табл. 2—3), представляющего собой в отличие от объекта XXI не единый дом, а строительный массив, состоящий из нескольких жилищ и примыкающих к ним лавочек и мастерских. Здесь четко выделяются комплексы, претерпевшие пожар в 720-х гг. Это комплекс базара, жилище, состоящее из помещений 10, 21, 30—32, 32а, 34, 73—75, 80, 81, и жилище, включающее помещения 1—3. На базаре пожарище так и осталось нерасчищенным, а находка более чем 50 монет дает надежную дату — 1-я четверть VIII в. Богатый комплекс, состоящий из помещений 10, 21 и т. д., после пожара был восстановлен. Наблюдаются следы ремонта в зале 31а, где стены были укреплены дополнительной кладкой, причем первоначальные и вторичные стены были покрыты прекрасной штукатуркой. Восстановление после пожара датируется находками монет Тургара на полах в помещениях 10, 32, 75 (табл. 2). На суфе в помещении 30 была найдена драхма Тургара. Фельсы в этом комплексе не встречены, и это не случайно — он был заброшен, видимо, вскоре после восстановления. Поверх развалин западной стены двора идут слои, продолжающие слои улицы за этой стеной, в которых были найдены фельсы. Эти слои, датированные фельсами, не переходят во двор, они четко ограничиваются западной стеной.

Южная часть квартала и частично восточная после пожара были восстановлены. На полах жилища, в которое входят помещения 14, 18, 24, 25, 33, 37, 38, найдены монеты 40—60-х гг. VIII в., а поверхность, продолжающая поверхность полов этих помещений, перекрывает мастерские в помещениях 49—51, которые перестали функционировать в результате разгрома города в 720-е гг.

Таким образом удалось проследить восстановление или обживание жилищ в 40-е гг. VIII в., которые представлены на рис. 3 (см. вкл.). Надо отметить, что вернувшиеся старые или новые владельцы не всегда сохраняли прежний облик жилища. Иногда парадные залы восстанавливались, а иногда превращались в места свалок. Жили часто только в небольших помещениях. Дворец Деваштича на цитадели был разделен на небольшие казарменного типа помещения. Но как бы там ни было, восстановление охватывает большую часть жилищ древнего города. Данные, представленные на рисунке, в результате дальнейшей работы с полевой документацией и доследований в поле, вероятно, будут пополнены. Необходимо отметить, что наряду с ремонтами некоторые дома в 40-е гг. VIII в. были выстроены заново, например 4 жилища верхнего здания объекта XII (помещения 5, 17, 21, 22; 13, 18, 19; 6, 8, 10 и 2, 4, 7, 9, 37; последние два жилища имели выход в помещение 12).

Если проблема выделения слоев 40—70-х гг. VIII в. была поставлена и по материалам отдельных участков городища решена сотрудниками экспедиции еще в 1950-е гг., то вопрос о времени постройки жилищ, претерпевших пожар 720-х гг., решался весьма приблизительно. Время постройки их датировали VII или 2-й половиной VII в.

В последние годы появился материал, правда очень небольшой, позволяющий уточнить этот вопрос. Шурфы под уровнем, соответствующим уровню пола базарчика XVI объекта, дают керамику и монеты конца VII или рубежа VII—VIII вв. Как уже отмечалось, к 1-й четверти VIII в. относится большой дом — объект XXI. Время постройки дома, состоящего из помещений 1—10 объекта XXV, определяется по монете пенджикентской царицы, найденной в кирпиче свода помещения 8, т. е. никак не раньше 1-й четверти VIII в. Этот дом сгорел и был восстановлен не ранее 740-х гг. Дворец Деваштича подстилает слой с керамикой 2-й половины VII или рубежа VII—VIII вв. (Исаков, 1977б, с. 131—135).

На большом участке исследованы остатки городской стены V—VII вв., проходившей вдоль оси С—Ю объектов III и VII (Маршак, 1975, с. 116). В кладке последнего периода этой стены, как уже отмечалось, имеются монеты Вархумана и Бидйана, т. е. не раньше конца VII в. К западу и востоку от этой стены, врезаясь в ее кладку, идут стены жилищ. Часть из этих жилищ претерпела пожар 720-х гг. (Большаков, 1964, с. 115). Таким образом, они были построены в той же 1-й четверти VIII в. незадолго до пожара.

Таковы данные о времени постройки зданий верхнего горизонта. Время постройки многих жилищ еще предстоит уточнить.

Ко времени правления Деваштича, а он вступил на престол в первое десятилетие VIII в. (Лившиц, 1979), относится без преувеличения грандиозное строительство (см. вкл., рис. 3). Сюжеты росписей дворца Деваштича — это осада города (возможно, как предполагает А. М. Беленицкий, Самарканда (Беленицкий, Маршак, 1973, с. 54—58). Здесь изображены арабские воины и их осадные машины. Имеются сцены коронации царя (видимо, самого Деваштича), пира царя в короне с какими-то арабами.

Надо учесть, что в 712 г. арабы взяли Самарканд и выселили жителей из центральной части города. Царь Самарканда Гурак уехал в Иштихан или Фринкент (Беленицкий и др., 1973, с. 222). Сыновья его предшественника — Тархуна оказались в Пенджикенте у Деваштича, сохранившего мирные отношения с арабами и неприкосновенность своих владений. Претензии Деваштича на власть

Распределение монет в помещениях 1—9, 15—23 объекта XXI

Таблица 1

Место находки	VII в.	2-я половина VII в.	Рубеж VII—VIII вв.	1-я четверть VIII в.	Середина VIII в.	3-я четверть VIII в.	Монеты, не имеющие твердой даты	Не определенные монеты
Пом. 1:								
в проходе между пом. 1 и 2, в полу 2-го периода	—	—	—	—	Тургар I	—	—	—
в кладке восточного пилона эстрады	—	—	—	—	—	—	С изображением лица	—
завал	—	—	—	Царица	—	—	С лучником	С квадратным отверстием
Пом. 2, пол	—	—	Тукаспадак (?)	—	—	Фельс, Самарканд 153 г. х./770 г.	—	Без отверстия
Пом. 3:								
суфа	—	—	—	Гурек II	—	—	—	—
завал	—	—	—	—	Тургар I	—	—	—
Пом. 4:								
суфа	—	—	—	—	—	—	С изображением лица	—
завал	—	—	Пенджикентское литье		Тургар II	Фельс, Самарканд 144 г. х./761—62 г.	—	—
Пом. 5, в очаге	—	—	Бидйан	—	—	—	—	—
Пом. 6:								
суфа	—	—	—	—	—	Фельс, Самарканд 144 г. х./761—62 г.	—	—
завал свода	—	—	—	Царица	—	—	—	—
завал	—	—	—	—	—	—	С лучником	С квадратным отверстием
Пом. 7:								
верхняя суфа	—	—	Бидйан	—	—			То же
верхний пол	—	—	Бидйан	—	—	Фельс (?); фельс, Самарканд 144 г. х./761—62 г. (2 экз.)	Типа № 747	—

восточная суфа	—	—	—	—	—	—	—	С квадратным отверстием
гумусный слой	—	—	—	—	—	—	—	То же
Пом. 9 (пандус), завал	—	Вархуман	—	—	—	—	—	—
Пом. 16:								
верхний пол	—	—	—	—	—	Фельс, Самарканд 144 г. х./ 761—62 г.	—	—
над верхним полом	—	Амогйан	—	—	Тургар II	—	Типа № 766	С квадратным отверстием
натек над верхним полом	—	—	—	—	—	—	—	Без отверстия
Пом. 17:								
суфа у западной стены	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
из золы над полом	—	—	—	—	—	Фельс, Самарканд 143 г. х./ 760—61 г.	—	—
гумусный слой над полом	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
завал в 0.5 м ниже пяты свода	—	—	—	Царица	—	—	—	—
Пом. 18:					—	—	—	—
верхний пол	—	—	—	Драхма бухархудатов	—	—	—	—
завал свода	—	—	Бидйан		—	—	—	—
Пом. 19:								
верхний пол	—	—	»	—	—	—	—	—
натек над верхним полом	—	—	—	—	—	Фельс, Самарканд 144 г. х./ 761—62 г.	—	—
Пом. 21:								
верхний пол	—	—	—	—	—	—	Типа № 741	—
гумусная прослойка над западной ямой на 0.2 м ниже верхнего пола	—	—	—	—	—	—	Типа № 747	—
Пом. 22:								
на втором полу (в 3 см над основным)	—	—	—	—	—	—	Монеты с изображением 2 голов в коронах	—
завал	—	Вархуман	—	—				
Пом. 23:								
пол около очага	—	Вархуман (?)	—	—	—	—	—	—
Южная улица:								
слой «тротуара» времени основания сырцовой стены между пом. 21 и 17	Деградировавший у-шу	—	—	—	—	—	—	—
плотный слой уровня основания сырцовой стены, но не ниже ее подошвы	—	—	—	—	Тургар I	—	—	—

Таблица 2

Распределение монет в жилище, состоящем из помещений 1—3 и 4—6 объекта XVI

Место находки	2-я половина VII в.	Рубеж VII—VIII вв.	1-я четверть VIII в.	Середина VIII в.	Монеты, не имеющие твердой даты	Не определенные монеты
Пом. 1, завал свода арки входа	—	—	Царица	—	—	—
Пом. 2:						
верхний пол	—	—	—	—	—	Согдийская с квадратным отверстием
западная стена, в закладке гнезда от балки над наклонными гнездами	Вархуман	—	—	—	—	То же
Пом. 2, завал	—	Бидйан	Царица	—	—	—
Пом. 3:						
пол	—	—	»	—	—	Без отверстия
у южной суфы	Типа № 301	—	—	—	—	—
завал	Вархуман	Мастан-Навйан	—	Ихрид, Кеша	Серебряная с лучником	Без отверстия
Пом. 4, завал	»	—	Царица	—	—	—
Бровка между пом. 4 и 5	—	Бидйан	—	—	—	—
Пом. 5:						
пол	—	»	—	—	—	—
завал	—	»	—	Тургар II	—	—
Пом. 6:						
на пожарище на втором сверху полу	—	»	—	—	—	—
завал	Шишпир	—	Гурек II Царица	—	—	—

Таблица 3

Распределение монет в жилище, состоящем из помещений 10, 21, 30—32, 32а, 34, 73—75, 80, 81 объекта XVI

Место находки	2-я половина VII в.	Рубеж VII—VIII вв.	1-я четверть VIII в.	Середина VIII в.	3-я четверть VIII в.	Монеты, не имеющие твердой даты	Не определенные монеты
Пом. 10:							
пол	—	—	—	Тургар II	—	С изображением лучника	С квадратным отверстием
завал	—	Бидйан	—	»	—	—	То же

Пом. 21, в глиняном растворе кладки стен в юго-восточном углу	Вархуман	—	—	—	—	—	—
Пом. 30:							
пол	—	—	—	—	—	Типа № 777 (?)	—
на суфе	—	—	—	Драхма Тургара	—	—	—
Пом. 31а:							
пол	—	—	—	—	—	На av. — лицо в фас	—
завал	—	—	—	—	—	—	С квадратным отверстием
Пом. 32:							
пол	—	—	Тархун	Тургар II	—	—	Без отверстия
на суфе	—	—	—	—	—	Типа № 741	—
Пом. 74, завал	—	—	—	—	—	—	Согдийская с квадратным отверстием
Пом. 75:							
пол	—	—	—	Тургар II	—	Типа № 747	—
верхний пол, натек с галькой	—	—	Гурек II (?)	—	—	—	—
серая земля над полом	—	—	—	—	Фельс, Самарканд 144 г. х./761—62 г., фельс	—	—
завал над полом	—	—	—	—	—	На av. — парный портрет	Согдийская с квадратным отверстием
сырцовый завал над западной стеной	—	—	—			—	—
зольник над западной стеной	—	Бидйан	Гурек II	Тургар II Тургар II; Тургар II деградировавшего типа		Фельс, Самарканд 143 г. х./760—61 г.; фельс, Самарканд, 144 г. х./761—62 г. (2 экз.); фельс (2 экз.)	—
Пом. 80:							
нижний четвертый сверху пол	—	»	—	—		—	Согдийская с квадратным отверстием
завал		—	—	—		Типа № 747	То же
Пом. 81, нижний пол	Типа № 301		—	—		—	»

над всем Согдом признавались арабами в течение по крайней мере двух лет. Девештич опирался не только на силы собственных владений, но и на силы своих сторонников в Самаркандском Согде (Лившиц, 1962, с. 109—124).

Бурный рост застройки в Пенджикенте может быть объяснен притоком переселенцев из Центрального Согда. Странно большой процент богатых жилищ с росписями в маленьком Пенджикенте VIII в. (более 30 % раскопанных домов) тоже может быть объяснен как результат переселения в этот окраинный город не желавшей жить с завоевателями знати.

В этом случае Пенджикент 1-й четверти VIII в. оказывается не рядовым согдийским городком, а местом особой концентрации знати, памятником, отразившим конкретные события бурной политической истории периода арабского завоевания. Разгром города в 720-х гг. давно известен, тогда как возобновление жизни в 740-х гг. показывает реальное значение договора согдийцев с арабами, завершившего полосу восстаний 720—730-х гг. (Большаков, 1964, с. 119; 1973, с. 154—155).

Слои с монетами Тургара, не содержащие фельсов, т. е. относящиеся к сроку от 738 до середины 750-х гг., выделены пока только на отдельных участках объектов III, XIV, XVI, XXIII, XXIV. Более поздние слои также имеют свою историко-культурную специфику. Так, разрушение восстановленных в 740-х гг. росписей где-то во время обращения фельсов, т. е. в 3-й четверти VIII в., прослеженное на объектах XXI, XXIV, XXV, видимо, показывает момент перехода в ислам жителей города Пенджикента после восстания Абу Муслима и смены династий в халифате. Любые подсчеты жилищ по социальной стратификации, подсчеты соотношения домов и торгово-ремесленных построек, жилищ с росписью и без росписи и т. д. необходимо делать по синхронным горизонтам, так как, во-первых, процентное соотношение этих видов построек не оставалось стабильным, а, во-вторых, на одном и том же месте в разные моменты жизни города могли быть разные по назначению постройки, поэтому, учитывая вместе, скажем, все мастерские VIII в., мы преувеличим их число, так как одни мастерские переставали функционировать, а другие вновь возникали. Здесь следует отметить, что в Пенджикенте зафиксированы мастерские, возникшие в 60-е гг. VIII в., когда жилища уже не строились.

Таким образом, каждый из трех синхронных горизонтов, выявленных в так называемом верхнем слое Пенджикента, по-своему отражает смены в судьбе согдийского города в переломную эпоху VIII в. Без выделения таких горизонтов мы не можем в полной мере использовать пенджикентское жилище как исторический источник, поскольку в таком случае мы не получим достоверной картины городской жизни в какой бы то ни было конкретный момент истории.

Монументальность сырцовых построек раннесредневекового города Средней Азии в сочетании с пластичностью материала давала возможность неоднократного использования одних и тех же стен. Поэтому синхронный горизонт не является горизонтом в прямом смысле слова, так как поздние полы могут быть выровнены по завалу или устроены на расчищенных или хорошо сохранившихся первоначальных полах. Выделение синхронных горизонтов по жилищам требует не только эмпирических наблюдений, но и логического анализа с учетом *стратиграфии, керамики, монетных данных и, конечно, всех следов ремонта и перестроек*. Необходимо также различать перестройки и ремонты, связанные с судьбами города в целом, от перестроек и ремонтов частного порядка, которые встречаются достаточно часто.

Здесь речь шла о выделении синхронных горизонтов для периода VIII в. Для более раннего времени широко исследованы храмы и фортификационные сооружения, а жилая застройка — лишь на небольших участках.

Таковы основные методические вопросы, которые пришлось разрешать при исследовании пенджикентского жилища.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ДАННЫХ ПО ДОМОВЛАДЕНИЯМ И ЖИЛИЩАМ ПЕНДЖИКЕНТА VII—VIII вв.

Данные по пенджикентским домовладениям и жилищам сведены в каталоги. По степени изученности жилища неравноценны. Прежде всего в каталоги включены полностью раскопанные домовладения и жилища, которые в них входят. Случаи, когда их исследование не вполне завершено, отмечаются в примечаниях. Отдельно выделены домовладения и жилища, нуждающиеся в серьезном доследовании в поле, при этом жилища, планировка и датировка которых не ясны, не учитывались. Также не учитывались жилища, в которых раскопаны отдельные помещения.

Для хорошо изученных жилищ составлен специальный каталог, в котором отмечается площадь и назначение каждого помещения, вид перекрытия — своды, колонны в залах и айванах; указываются такие характерные особенности хозяйственных помещений, как обмазки раствором на алебастровой основе, облицовка обожженной плиткой, а также наличие антресолей.

Табличный учет основных характеристик жилищ позволяет легко сопоставлять их между собой.

Следует отметить, что все данные приведены по первому этажу, хотя дома, как правило, двухэтажные. В тех случаях, когда у нас имеются сведения о помещениях верхних этажей, это отмечается особо. Антресоли на балках в сводчатых комнатах не считаются отдельным этажом.

Каталоги снабжены указателем распределения домовладений и жилищ по хронологии.

УКАЗАТЕЛЬ К КАТАЛОГАМ *

2-я половина VII в. 38, 39, 44, *60, 65*
Конец VII в. 37, 38, 40, *61, 63*
Не ранее 2-й половины VII в.—не позднее 1-й четверти VIII в. 32, 33, *54*
2-я половина VII—1-я четверть VIII в. 29, 30, 38, 40, *52, 63*
Конец VII—1-я четверть VIII в. 29, 39, *40, 45, 49, 52, 61, 63, 67*
1-я четверть VIII в. 28—30, 32—38, 40, 41, 43, 45—49, *50, 52—61, 63, 65—67*

1-я четверть—40—50-е гг. VIII в. 29, 33—35, 44, 47—49, *50, 56, 58, 66, 68*
1-я четверть—60—70-е гг. VIII в. 29, 32, 46, 47, *51, 68*
40—50-е гг. VIII в. 28—34, 36, 39—42, 44—49, *50, 53—60, 62, 64, 65, 67, 68*

40—70-е гг. VIII в. 29, 31, 33, 35—37, 42, 48, *51, 53—55, 57, 60, 65*
60—70-е гг. VIII в. 29, 31—33, 36, 37, 39, 42, 43, 46, 48, *52—55, 58, 59, 63, 65, 68*

* Прямыми цифрами обозначены страницы, на которых приводятся сведения о домовладениях, курсивными — о жилищах.

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
Объект III (рис. 5, вклейка; рис. 6—9)								
30, 31, 85, 87, 101, 103, 106, 108	1-я четверть VIII в.	195	54.5	23	77.5	20.5	—	В 40—50-е гг. VIII в. жилище было ненадолго восстановлено. В это же время на месте пом. 101 и 103 была свалка, а из пом. 106 пробит проход в пом. 88а
42—44, 47—49, 69, 70а, 74, 75, 78	То же	445	117.5	98	215.6	13.5	Роспись, резное дерево	Обнаружены следы пожара
45, 63—68, 72	»	195	46	36	Не менее 82	11.5(?)	Резное дерево	То же
86, 88, 93, 104, 107, 109, 110	»	220	101.5	25.5	127	9.5	Роспись, резное дерево	Здание построено с использованием стен более ранних построек. В 720-е гг. оно погибло в результате пожара. После пожара отмечается попытка восстановления пом. 93, 107 и 110. Под пом. 88 было два сводчатых помещения (не раскопаны), площадь их, вероятно, 20 м²
115, 117, 125, 129	»	82	—	46.5	46.5	—	—	
113, 120, 124	»	53	—	28	28	—	—	
37, 82, 83, 90, 91	40—50-е гг. VIII в.	95	16	27.5	27.5	Не менее 7.5	—	Пом. 37 было как парадным, так и жилым
42—44, 48, 49, 69, 70, 74, 75, 78, без номера	То же	?	—	86	86	72		Для периода восстановления (40—50-е гг. VIII в.) не ясно, какие из торгово-ремесленных построек принадлежат тому же домовладению, что и жилище. В 60—70-е гг. VIII в. в жилище продолжали жить, несмотря на частичные разрушения
45, 63—67	»	?	—	49	49	8.5?	—	Жилище изучено полностью, домовладение выделить затруднительно

45, 63—65, 67, без номера	60—70-е гг. VIII в.	114	—	42	42	14	—	Между периодами 40—50-х и 60—70-х гг. VIII в. в домовладении произошли серьезные изменения. Видимо, был период запустения
2 жилища: 92, 94, 97, 99 (жилище I)	1-я четверть — 40—50-е гг. VIII в.	156	—	45.5	45.5	—	—	Над пом. 92 находилось домашнее святилище с алтарем
95, 96, 100 (жилище II)				33	33			
18—23	1-я четверть — 60—70-е гг. VIII в.	105	—	48	48	—		
133—135, 137—140	То же	120	16	39.5	55.5	4.5	Роспись	Над пом. 133 было зернохранилище с вымосткой из обожженной плитки и обмазанное ганчем; над пом. 140 на 2-м этаже также зафиксированы остатки зернохранилища; над пом. 135, вероятно, был зал
2—6, 35, 89	40—70-е гг. VIII в.	230	53.5	60	113.5	—	Старая роспись	
136, 141	То же	60	—	23.5	23.5	—	—	
142—148	»	162	—	89.5	89.5	—	—	Здание было одноэтажным
150, 151, 156	»	65	—	36.5	36.5	5	—	
154—155	»	38	—	21.5	21.5	—	—	
				Объект VI (рис. 10—11)				
5, 8, 14, 15, 18, 19, 22, двор	Конец VII—1-я четверть VIII в.	330+ 400 (двор)	106	84	190	—	Роспись	При постройке использованы стены помещений более раннего здания
1—3, 16, 17, 20, 21, 24, 25, 27	2-я половина VII—1-я четверть VIII в.	230	75	65	140	—	То же	В пом. 17 отмечается после запустения ремонт стен и устройство пола; в пом. 1 размещены кухонные очаги; в пом. 3 зафиксированы следы обживания.

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
								Скорее всего следы жизни в этих помещениях после запустения относятся к 60—70-м гг. VIII в.
37, 39, 40, 44, айван	1-я четверть VIII в.	122	53.5	17.5	71	—	»	Над пом. 37 зафиксированы остатки помещений 2-го этажа. Вполне вероятно, что жилище, *состоящее из пом.* 28, 30—34, 36 (см. ниже), принадлежало к тому же домовладению, что и рассматриваемое. В таком случае мы имеем следующее домовладение
28, 30—32, 34, 36, 37, 39, 40, айван	То же	264	53.5	84	137.5	—	»	См. предыдущее примечание
50—53	2-я половина VII—1-я четверть VIII в.	55	—	28	28	—	—	Дом стоит на выровненных развалинах здания VI в.
4, 6, 7, 11, 46, 48	40—50-е гг. VIII в.	215	—	107.5	107.5	—	Следы росписи	Площадь указана по 1-му этажу. На 2-м этаже зафиксированы остатки парадного зала площадью 10 м²; площадь жилых помещений 2-го этажа более 52 м². Жилище исследовано по полу 40—50-х гг. VIII в., но построено оно, вероятно, с той же планировкой во 2-й пол. VII в. и функционировало в 1-ю четверть VIII в.
9, 10, 13, 23, 26, 29, 33, 35	То же	360	151	43.5	194.5	—	Роспись	Площадь под домовладением с контрофорсами наружных стен 380 м². Под внешние стены здания уходят остатки помещений с монетами Амогйана и Бидйана. Жилище пристроено к соседним. Все это указывает на то, что оно выстроено около середи-

								ны VIII в. В завалах 4 помещений этого жилища найдены фельсы, что может указывать на жизнь в 60—70-е гг. VIII в.
21, 27	»	?	—	17.5	17.5	—		
28, 30—32, 34, 36	»	142	—	66.5	66.5	—	—	См. выше примечание к домовладению VI объекта — пом. 37, 39, 40, 44. В рассматриваемом жилище не выявлен проход на улицу
41—43, 45, 49, 55, 56 и 4 объекта XIII	»	Не менее 260	82.5	59.5	142	—	Роспись	Жилище и домовладение изучены частично. В пом. 41, 42, 55 проведено исследование ранней застройки. Уже в VI в. при совершенно иной планировке здесь был двухэтажный дом с живописью. В VII в. он был перестроен. К 1-й четверти VIII в. в результате новой перестройки план дома уже в основном сложился. Стены пом. 42 и, видимо, 41 были расписаны. Во время запустения в 20—30-е гг. VIII в. произошли серьезные разрушения. При восстановлении жилища в 40-е гг. VIII в. в пом. 55 был переложен свод и оно было расписано. К этому же времени относится роспись пом. 41 и 42, нанесенная по верхнему слою штукатурки. Пом. 4 объекта XIII на рис. 11 не обозначено
57, 59, 60, 63	»	140	—	79	79	—	—	Судя по находкам монет, это домовладение функционировало и в 1-й четверти VIII в.
5, 14	60—70-е гг. VIII в.	?	—	44	44	—	—	
37, 39, 40, 44	40—70-е гг. VIII в.	122	—	66	66	—	—	

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
				Объект VII (рис. 12—14)				
1, 2, 4—8, два без номера	1-я четверть VIII в.	575	264	42	306	—	Подготовка стен для росписи	Следы пожара
3, пандус, 9—11	То же	210	75	40	115	—	Роспись, резное дерево	То же. Возможен второй этаж над улицей
12, 13, лестница, без номера	»	72	—	34	34	3.5	—	Возможно, жилище было обжито в 40—50-е гг. VIII в.
1—8, четыре без номера	40—50-е гг. VIII в.	660	181	136	317	—	Подготовка под роспись зала	
				Объект IX (рис. 15)				
2, 13, 14	60—70-е гг. VIII в.	85	—	34	34	—	—	
1, 12, пандус	То же	65	—	37.5	37.5	—	—	При строительстве дома использованы стены более ранней постройки
1 и 3, южный раскоп	1—3-я четверть VIII в.	77	—	24	24	—	—	
				Объект XII (рис. 16)				
29, 30, 33	Не ранее 2-й половины VII—не позднее 1-й четверти VIII в.	72	—	Ок. 27.5	Ок. 27.5	—	—	Пом. 30 было перестроено: уничтожена лестница, проход перенесен из северной стены в западную. Площадь стала 16 м². Время перестройки точно не датируется
23, 24	1-я четверть VIII в.	60	14	30.5	30.5	—	—	Пом. 24 было одновременно парадным залом и жилой комнатой

31, 32, 36, 38	То же	130	—	100.5	20.5	—	—	При подсчете площади хозяйственных построек учтена площадь двора
25—28, коридор	»	84	12	46.5	46.5	—	—	Пом. 25 (площадь 12 м²) было одновременно парадным четырехколонным залом и жилым. Пом. 28 погибло в результате пожара
11, 15	»	54	—	25	25	—	—	При строительстве пом. 11 использованы стены более раннего здания. В пом. 15 отмечаются следы пожара
13, 18, 19	40—70-е гг. VIII в.	85	—	46.5	46.5	—	Следы красной краски на стене вестибюля	
13, 18, 19, 24	60—70-е гг. VIII в.	?	—	60.5	60.5	—	—	
5, 17, 21, 22	40—70-е гг. VIII в.	98	—	48	48	—	—	Над пом. 17 было помещение 2-го этажа шириной 4.8 м с полом и стенами, обмазанными ганчем
2 жилища: 6, 8, 10 (жилище I) 2, 4, 7, 9, 37 (жилище II)	40—50-е гг. VIII в.	210	—	37 57.5	37 57.5	—	—	Выходы из обоих жилищ ведут во дворик — пом. 12 (24 м²). Жилище II погибло от пожара. Над пом. 7 на 2-м этаже было помещение с ганчевой обмазкой
3, 14, 16, 20, 34	»	102	Парадный зал на 2-м этаже	57	57	Ок. 8		При строительстве жилища использованы стены более раннего здания. Над сводчатыми пом. 3 и 34 был устроен парадный, видимо, с 4 колоннами зал (34 м²), который погиб от пожара. Над пом. 16 располагалась кухня и кладовая с хумами

Объект XIII

5—7	1-я четверть—40—50-е гг. VIII в.	84	—	53	53	—		

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
10, 20, 21, 22	То же	65	—	44	44	—		
				Объект XIV (рис. 17)				
5—8, 10, 11	1-я четверть VIII в.	78	—	40	34	—	—	При подсчете хозяйственных помещений учтена пристройка (пом. 8) снаружи жилища. Основание дома относится ко 2-й половине VII в. (Земаль, 1964, с. 257). В доме прослежено вторичное обживание, видимо недолгое, в 740—750-х гг.
1—2	**То же**	36	12	25	25	Орнаментальная роспись у очага	—	Пом. 1 использовалось как парадное и жилое. В доме прослежено вторичное обживание, видимо недолгое, в 740—750-х гг.
2 жилища: 3, 4, 9 (жилище I) 12—15 (жилище II)	»	125	23.5 —	51.5 39	51.5 39	—	—	Пом. 4 было парадным залом и жилым помещением. Над пом. 9 во 2-м этаже было зернохранилище с обожженными плитками и обмазкой ганчем. В жилище II прослежено вторичное обживание в 740—750-х гг. Над пом. 14 зафиксированы остатки помещения 2-го этажа
16, 17, 19, 20	»	125	25	65.5	65.5	—	—	Пом. 16 было парадным и жилым
16, 17	40—50-е гг. VIII в.	50	25	34	34	—	—	То же
				Объект XVI (рис. 18—27)				
2 жилища: 1—3 (жилище I) 4—6 (жилище II)	1-я четверть VIII в.	170.5	34 —	30.5 41	64.5 41	—	Резное дерево	Оба жилища сгорели в пожаре 720-х гг.; в обоих прослежено обживание на выровненных развалинах в 40—50-х гг. VIII в.

19, 85, 87, 88, два сводчатых под № 20	То же	140	—	53.25	53.25	—	—	Жилище представляет собой перепланированный дом VII в. Сохранились остатки стен помещений 2-го этажа
62, 63	»	77	21	36	36	?	Следы красной краски на белом фоне	Это домовладение выгорожено из более обширного домовладения VII в. Парадный зал с нишей был скорее всего и жилым
10, 21, 30—32, 32а, 34, 42—48, 52, 54, 56, 57, 59, 60, 73—82	»	Ок. 2100	791.5	118.3	909.8	251.5	Роспись	Домовладение сгорело в пожаре 720-х гг.
62, 63	40—70-е гг. VIII в.	70	—	36	36	—	—	

Объект XIX

(рис. 28—29)

18—23	1-я четверть VIII в.	82	—	37.5	37.5	3	—	Жилище изучено полностью, домовладение частично. В 40—50-е гг. VIII в. от жилища отсекается пом. 18. Помещения 2-го этажа над этим жилищем относятся к другому жилищу
6, 7, 11, 12, 12а, 13, 15	То же	195	44.5	65.5	110	—	Следы росписи	В 40—50-е гг. VIII в. жилище функционирует по тому же полу: к нему присоединяется пом. Б 2-го этажа (зернохранилище). В пом. 12 устанавливается танур, а в пом. 13 — очаги, т. е. жилище теряет свою парадную часть. В 60—70-е гг. жилище сохраняет прежнюю планировку, но некоторые стены ремонтируются, живопись уничтожается
4, 5, 16, 17а	1-я четверть— 40—50-е гг. VIII в.	58.5	—	29	29	—		В 1-й четверти VIII в. к этому жилищу относилось пом. А 2-го этажа, занятое зернохранилищем. В 40—50-е гг. в пом. 4 был устроен танур. Наблюдается ремонт пом. 4 и 5. Прекращает функционировать пандус

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
1—3, 3а	40—50-е гг. VIII в.	181.5	40	63	103	—	Следы росписи	В помещениях 2-го этажа зафиксирована кухня (27.5 м²) и жилая комната (10 м²). Кроме того, возможная площадь 2-го этажа над сводчатыми помещениями около 50 м²
1—3, 3а	60—70-е гг. VIII в.	181.5	—	99.5	99.5	—	—	
				Объект XX				
3, 4, 6, без номера	40—70-е гг. VIII в.	144	—	55+21.5(?)	55+21.5(?)	13	—	Нумерация помещений дается по: Беленицкий, 1965, рис. 2. Жилище перестроено из 2-го этажа здания 1-й четверти VIII в.
9, без номера	То же	62	—	30	30	6	—	То же
10, 11, 13, 14	»	64	—	36.5	36.5	4.5	—	»
2, 5, 7, 8	60—70-е (?) гг. VIII в.	105	—	55.5	55.5	5	—	Нумерация помещений указана по: Беленицкий, 1965, рис. 2
7—11	60—70-е гг. VIII в.	72	—	50	50	—	—	Нумерация помещений дана по отчету О. Г. Большакова о раскопках объектов III и XX в 1964 г. Дом выстроен с использованием стен 2-го этажа более раннего здания
				Объект XXI (рис. 30—31)				
1—9, 15—23	1-я четверть VIII в.	Не менее 1142	440	202	642	Не менее 29	Роспись	Дом достраивался к моменту запустения в 720-х гг. При строительстве использованы стены более ранних зданий
1—9, 15—21	40—50-е гг. VIII в.	То же	424.5	195.5	620	—	»	Над пом. 2 на 2-м этаже было зернохранилище с обожженными плитками

2 жилища: 1—4, 7—9, 15, 17 (жилище I) 5, 6, 18, 20, 21, на месте 22 и 23 — дворик (жилище II)	60—70-е гг. VIII в.	Не менее 1142	Не ясно То же	Не ясно 91	515.5 Не менее, 124 (с двориком)	—	Намеренное уничтожение росписи —	Оба жилища скорее всего относятся к одному домовладению. В жилище II выход на улицу шел через дворик, нет выхода на 2-й этаж. В пом. 4 прослежено два уровня пола, соответствующих периоду 60—70-х гг.; порча живописи в пом. 4 относится, видимо, еще к 50-м гг. VIII в. В пом. 7 поверх пола 60—70-х гг. был поздний пол, на котором зафиксирована железоплавильная мастерская
Объект XXII (рис. 32—33)								
2—4, 14, 15	Два периода: 1) 1-я четверть VIII в. 2) 40—70-е гг. VIII в.	168	—	82.5	82.5	—	—	Дом основан, видимо, в VII в. Выявлены фасадные стены дома VII в., к которым был пристроен дом, состоящий из пом. 1, 9, 10, 12, 20. Планировка дома и назначение отдельных помещений в обоих периодах не меняются. В 3-й четверти VIII в. в доме был пожар
2 жилища: 5, 17, 19 (жилище I) 16, 18 (жилище II)	40—70-е гг. VIII в.	117	—	44.5 21.5	44.5 21.5		— См. примечание	В завале пом. 16 обнаружены мелкие фрагменты штукатурки с красной краской на белом фоне
Объект XXIII (рис. 34—42)								
2 жилища: 9, 19, 21, 21а, 24, 25, 34 (жилище I) 17, 17а, 22 (жилище II)	Конец VII в.	235	51.5 —	39 24.5	90.5 24.5	12.5(?) -	Роспись —	Пом. 19 позднее было разделено на два. Вероятно, к этому же домовладению относятся торгово-ремесленные постройки в пом. 18, 20
9, 17, 17а, 18—22, 24, 25, 34	1-я четверть VIII в.	235	51.5	62.5	114	13.5	Роспись	В доме зафиксированы следы пожара. На 2-м этаже над пом. 17 и 17а был зал (около 25 м^2) с росписью

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
10, 10а, 35	Конец VII в.	75	16	42.5	42.5	13	Роспись	Видимо, к этому домовладению относится пом. 2-го этажа (площадь не менее 15 м²) над крытым переулком. Пом. 10 было одновременно парадным и жилым, а пом. 35 одновременно служило лавочкой и вестибюлем жилища
10, 10а, 35	1-я четверть VIII в.	75	—	36	36	—	—	
27—31, 37, 38 + 26, 36 и без номера [1]	2-я половина VII в.	185	По 2-му этажу не менее 98	85.5	85.5 + не менее 98	—	—	
40, 41, 43	То же	78	—	37	37	—	—	
27—31, 37, 38, 40, 41, 43+26, 36А, 40 и 41 и помещения 2-го этажа над пом. 27 и 4, 21 объекта XXIV	1-я четверть VIII в.	264+36 по 2-му этажу над крытым переулком	12+114.5	114 + более 22	126 (площадь жилища по 1—3-му этажам ок. 350)		Роспись на 2-м этаже; роспись и резное дерево	Несохранившаяся часть помещений 2-го этажа занимала 50—60 м². Помещения 2-го этажа (за исключением 4 и 21 объекта XXIV) были высокими. Над пом. 4 и 21 объекта XXIV был 3-й этаж (ок. 25—30 м²), подведенный под общую крышу с высоким 2-м этажом. Здесь мы имеем редкий случай, когда можно судить о площади жилища не только по 1-му этажу. Общая площадь достигала около 350 м². Дом погиб в пожаре, больше не восстанавливался. Однако в отдельных помещениях бывшего 2-го этажа жизнь возобновилась в 760-х гг. над завалом первых этажей. *В развалинах пом.* 41

[1] Здесь и далее после знака «+» все помещения и площадь соответственно даются по 2-му этажу.

								была устроена комната со сводчатым очагом, позднее в ней соорудили печь из хума, поставленного на венчик и охваченного футляром из сырцового кирпича. В соседнем пом. 42 тоже был пристенный очаг. Использовались и пом. 4 и 21 объекта XXIV
6, 8, 14—16 + помещения 2-го этажа над пом. 8	Конец VII—1-я четверть VIII в.	67	Святилище на 2-м этаже	36.5	36.5	—	Роспись в святилище	Над пом. 8 сохранилось святилище с алтарем и росписью (площадью ок. 18 м^2)
19/1, 19/2, 21, 21а, 21б, 22, 24	40—50-е гг. VIII в.	130	—	68.5	68.5	—	—	Пом. 19 было разгорожено на два
3, 4, 7, 11	То же	Ок. 170	55+9	48	103+27.5	—	Роспись на 2-м этаже	При постройке дома использованы более ранние пом. 7 и 11. Над пом. 7 на 2-м этаже сохранились остатки двух помещений: святилища с живописью (9 м^2) и другого (12 м^2), назначение которого неясно. К этому же жилищу относится проходное пом. 12 (6.5 м^2) на 2-м этаже. Общая площадь помещений 2-го этажа жилища ок. 27.5 м^2
3, 11, 2-й этаж над пом. 7, 12	60—70-е гг. VIII в.	—	—	27.5	27.5+27.5	—	—	Святилище над пом. 7 в этот период превращается в кухню (9 м^2). Другие помещения 2-го этажа назначения не меняют, площадь их остается прежней
11, 33, 54, 55, 57—59, 61, 62, 64—70, 74, 2-й этаж над пом. 12, 54—56	2-я половина VII в.	439	94.6	141.2	235.8	34.8	Резное дерево	
3 жилища:								
54, 55, 57—59, 61 (жилище I)	Конец VII—1-я четверть VIII в.	320	65.6	59.3	124.9	—	То же	Судя по сохранности стен скромных жилищ с пом. 62, 64, 68 и 65, 69, 74 в 1-й четверти VIII в. над ними был 2-й этаж, но относился он к дому с пом. 54,
62, 64, 68 (жилище II)			—	38.3	38.3	—	—	
65, 69, 74 (жилище III)			—	16.4	16.4	—	—	

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
								55, 57—59, 61 и в него попадали по лестнице в пом. 58. Таким образом, три жилища могли входить в одно домовладение
54, 55, 57, 59, 61	40—50-е гг. VIII в.	217.5	—	124.9	124.9	—	—	
62, 64, 68	То же	62	—	38.3	38.3	—	—	
72, 75, 77—80+71	1-я четверть VIII в.	100	По 2-му этажу ок. 24	47.5	47.5	—	—	Пом. 71 над пом. 72. Домовладение имело амбар (около 17 м²) с входом только из переулка, что необычно. Дом перестроен из более раннего здания. В помещениях два пола. По верхнему полу пом. 72 уже не использовалось как амбар, проход из вестибюля в другие помещения заложили, так что осталась лишь одна комната с выходом в переулок. Датировка этого пола неясна. Монет старше Бидйана и моложе Гурека II типа в доме не найдено
				Объект XXIV (рис. 43—48)				
19, 20, 30	Конец VII в.	Не менее 75	—	37	37	14	—	Сводчатое пом. 19 одновременно служило вестибюлем с лестницей и кузницей
1—3, 4а, 6, 7, 9, 10++2, 3, 7, 9/10	2-я половина VII—1-я четверть VIII в.	215	80+45.5	23+30	103+75.5	—	Роспись	
38—45+41, 42, 44/45	Конец VII в.—1-я четверть VIII в.	132	21+23	42+ок. 47	63+ок. 70	—	Ниша загрунтована под роспись (?)	При постройке жилища использованы стены более раннего здания

26—28	1-я четверть VIII в.	63	—	28	28	—	—	Внешние стены этого жилища принадлежат постройке VII в. Площадь помещений 2-го этажа была не менее 40 м². Жилище с небольшими изменениями функционировало и в 40—50-е гг. VIII в. После разрушения помещений 2-го этажа прослеживается недолгое использование в 60—70-е гг. VIII в.
30, 31, 34, 35	То же	97	—	51	51	—	—	Дом выстроен с использованием более ранних построек
11, 12, 19, 20, 29, 32, 33	1-я четверть VIII в.	Не менее 175	21	Не менее 63	Не менее 84	—	—	Дом перестроен из ранних зданий
2 жилища: 16, 17, 23+16, 17, 18, 23, 24 (жилище I)	То же	128	32 — зал (?) на 2-м этаже	45	45+90	—	—	Пом. 17, 23 и 18, 22 перестроены из двух больших сводчатых помещений VII в.
18, 22 (жилище II)			—	17.5	17.5			
13, 13б, 14, 15+13—15	»	85	32 по 2-му этажу	42+25.5	43+57.5	—	—	Хозяйственная часть жилища располагалась на 1-м этаже, жилая и парадная на 2-м этаже. В обе половины жилища были самостоятельные входы с улицы: в 1-й, полуподвальный, этаж со спуском, во 2-й — с подъемом. В жилище отмечены следы пожара
1—3, 4а, 6, 7, 9, 10+2, 3, 7, 9, 10	40—50-е гг. VIII в.	215	76+45.5	29+30	105+75.5	—	Роспись	В 60—70-е гг. VIII в. пом. 7 отсекается, выход в переулок прорубается из пом. 3; к этому же времени относится намеренная порча росписей и небрежное использование помещений, явно потерявших парадный характер. Под пандусом проход превращен в кладовку
13а, 13б, 14—16+13—16	То же	150	64 по 2-му этажу	74+25.5	74+89.5	—	Роспись 2-го этажа	Хозяйственная часть жилища, как и в предыдущий период, располагалась на 1-м этаже, жилая

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
								и парадная часть находились на 2-м этаже. В обе половины жилища были самостоятельные входы с улицы. В 1-й, полуподвальный, этаж со спуском, во 2-й — с подъемом
2 жилища: 17, 23+17, 18, 22 (жилище I) 18, 22 (жилище II)	То же	64	—	14+28 17.5	14+28 17.5	—	—	Вполне возможно, что в пом. 18 и 22 располагалось жилище ремесленника, работавшего с бронзой, так как в помещениях и у входа с улицы найдены обрывки бронзовых пластин, проволочек и т. д.
19, 20, 30, 31, 34, 35, 38—42+19, 20/30, 41, 43, 44/45	»	277	21+45	122.5+150	143.5+195	—	—	Жилище образовалось в результате слияния двух жилищ (пом. 38—45 и 30, 31, 34, 35) и присоединения пом. 19, 20 от третьего жилища. В этот период часть пом. 45 была отсечена от жилища, остался участок площадью 1.2 м². Над пом. 38/42, 40, вероятно, были помещения 2-го этажа общей площадью ок. 30 м². Пом. 40 (1-й этаж) играло одновременно роль зала и жилой комнаты, а пом. 19 2-го этажа — домашнего святилища и жилой комнаты. Ниша в зале была заложена
29	40—50-е гг. VIII в.	?	—	21	21	—	—	Помещение выделено из более раннего здания
11, 12+11, 12	40—70-е гг. VIII в.	?	—	17+23.5	17+23.5	—	—	Жилище выделено и перестроено из более раннего здания
29	60—70-е гг. VIII в.	?	—	19	19	—	—	

19, 20, 30, 31, 34, 35+19, 20/30, 31	То же	153	—	76.5+89	76.5+89	—	—	Дом выделен из большого жилища предыдущего периода
14, 15+13—16	»	150(?)	—	19+57.5	19+57.5	32(?)	—	В это время в связи с подъемом уровня улицы 1-й этаж превращается в подвальный. Кузница оказывается на уровне улицы, куда, возможно, вел выход из нее
				Объект XXV (рис. 49—61)				
1—6, 8—9	1-я четверть VIII в.	220	84.5	28.5	113	—	Роспись	Над пом. 4 и 5 — сводчатое пом. 2-го этажа (34 м^2), в котором оборудовано зернохранилище (с обожженной плиткой и обмазкой ганчем) примерно на 18 т зерна. Время постройки здания определяется монетой пенджикентской царицы, найденной в своде пом. 8, — временем Деваштича. Здание погибло в пожаре 720-х гг. На протяжении 40—70-х гг. VIII в. жилище претерпело изменения: зал был восстановлен без живописи; в пом. 3 замазаны полуколонны и уничтожены выступы суфы; через некоторое время после восстановления заложен проход в пом. 2. Площадь жилища стала 94 м^2. Парадная часть для этого времени не выделяется
25—31+25—27, 51/XXIII, 5/XXIV [2]	1-я четверть VIII в.	175	40.2	56.7+89.3	96.9+89.3	—	Роспись	Дом перестроен из другого здания с использованием старых стен. Над тремя параллельными сводчатыми амбарами был 3-й этаж, видимо, жилой, иначе в доме оказалась бы лишь одна жилая комната (51/XXIII). Общий объем зернохранилищ около 70 м^3. Предполагаемая площадь пом. 3-го этажа 55 м^2

[2] Римская цифра в знаменателе здесь и далее указывает номер объекта.

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
11—22, 24+52/XXIII	1-я четверть—40—50-е гг. VIII в.	419	73	191.3	264.3	—	Роспись	В начале 3-й четверти VIII в. был устроен выход со 2-го этажа в пом. 51 (по нумерации объекта XXIII), которое принадлежало жилищу с пом. 26—28, 30, 31. Стены пом. 19 построены не ранее 2-й половины VII в. Пом. 16—18, 20, 21 принадлежали в VII в. другим жилищам. Пом. 20 и 21 в начале VIII в. были единым большим залом
27, 28+25—27/XXV, 51, 51а, 51б/XXIII, 5/XXIV	40—50-е гг. VIII в.	175	40.2	13+85.7	53.2+85.7	—	»	Пом. 51а и 51б выгорожены из пом. 51 при ремонте после падения сводов в пом. 25, 26, 30, 31. Эти помещения 1-го этажа не восстановили, но пом. 26, 27 2-го этажа были восстановлены в прежнем виде, как, видимо, и 3-й этаж над ними, около 740 г. Таким образом, ко 2-му этажу пом. 25, 26, 51а, 51б можно отнести только условно: в них поднимались по пандусу в пом. 27, но 1-го этажа под ними уже не было. В конце периода пандус в пом. 51а сделал пом. 51 и 51б доступными и для обитателей дома с пом. 11—22, 24 объекта XXV: в пом. 51а был устроен проход со 2-го этажа над пом. 19 и 22 объекта XXV. В 760—770-е гг. дом с пом. 25—28, 30, 31 объекта XXV, 5 объекта XXIV и 51, 51а, 51б объекта XXIII запустел. В его руинах тогда образовались свалки
32, 33, 37, 38	2-я половина VII в.	73	—	34	34	—	—	
32 34, 37—38	40—50-е гг. VIII в.	152.5	—	79	79	—	—	

Объект XXIII/XXV [3]

32, 33, 39, 46—50, 53, 60, 63, 23*, 32*, 39*+13, 13а	1-я четверть VIII в.	862.5	425.5	184	609.5	—	Роспись	План этого периода был в значительной мере обусловлен сохранением стен более ранних жилищ. Однако в VII в. распределение территории между домовладениями было иным, о чем свидетельствуют заложенные проходы: из пом. 48 проход на юг, из пом. 2-го этажа над ним — на запад, из пом. 32 — на север, т. е. за пределы домовладения 1-й четверти VIII в. Между пом. 49, 50 и пом. 53 двойная стена, что обычно бывает на границе между домами. При строительстве в 1-й четверти VIII в. к дому присоединили пом. 33 и две или три комнаты 2-го этажа, принадлежавшие ранее другому домовладению, а также целый дом, состоявший из пом. 32, 33, 37, 38 объекта XXV. Помещения 2-го этажа всего большого жилища имели общую площадь около 160—170 м^2
32, 33, 39, 46—50, 53, 60, 63, 23*, 35*, 36*, 39*+13, 13а	40—50-е гг. VIII в.	710	425.5	105	530.5	—	»	В 760—770-е гг. в северной части домовладения жизнь продолжалась. Очаг-алтарь был превращен в бытовой очаг. Однако здесь едва ли было целое жилище этого периода. Скорее, речь может идти об обживании развалин

Объект XXVIII
(рис. 62—64)

2, 4—8+1	Конец VII—1-я четверть VIII в.	151.25	—	86.9	86.9	—	—	В 740—750-х гг. использовались пом. 7, 8 и 2-й этаж, частично восстановленный над завалом. До перестроек начала VIII в. пом. 6 имело площадь 18.4 м^2, но еще не было кладовой в теле городской стены

[3] Звездочкой (*) отмечены помещения объекта XXV.

Продолжение

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
				Загородные усадьбы [4]				
				Объект VIII				
1 [5]	1-я четверть VIII в.	130	—	66	66	—	—	
2:								
жилище I	1-я четверть—60—70-е гг. VIII в.	167	—	Более 47.5	Более 47.5	22.5	—	Усадьба сохранилась частично
жилище II				24	24	—	—	
3	60—70-е гг. VIII в.	87	—	27	27	—	—	Отмечены следы пожара. Рядом с этим домом зафиксированы остатки более ранней постройки
4	Два периода: 1) 1-я четверть VIII в. 2) 40—50-е гг. VIII в.	Не менее 148	—	58.5	58.5	8.5		Дом сохранился не полностью
5	?—60—70-е гг. VIII в.	Не менее 61.5	—	21.5	21.5	—	—	То же
6	?	119	—	Более 27	Более 27	—	—	То же. Построен после пожара
9	60—70-е гг. VIII в.	200	—	77.5	77.5	18	—	
11	1-я четверть VIII в.	Ок. 80	—	36.5	36.5	—	—	Дом построен на развалинах здания VII в.

[4] Мастерские в загородных усадьбах находились внутри дома.
[5] Вместо номера помещений, входящих в домовладение, даны номера домов.

КАТАЛОГ ЖИЛИЩ И ДОМОВЛАДЕНИЙ, ИССЛЕДОВАННЫХ ЧАСТИЧНО

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
				Объект III				
1—6, 34, 35, 39—41, 60, 62, 89	1-я четверть VIII в.	500	53.5	?	?	—	Роспись	
7—11, 13—17, 25, 26, 38, 102, 121—123	То же	Ок. 800	Не менее 240	?	?	Не менее 29	»	Судя по нумизматическим данным, жизнь в этом жилище продолжалась в 40—70-е гг. VIII в.
50—53	»	Не менее 400	Не менее 95	Не менее 80	Не менее 175	—	Резное дерево, роспись	В доме зафиксирован пожар
105а, 111, 112, 114, 118, 119, 126, 130	»	165	—	?	?	—	—	То же. Все помещения без сводов
80, 84, без номера	1-я четверть—40—50-е гг. VIII в.	77	—	41	41	—	—	
22а, 24	1-я четверть—60—70-е гг. VIII в.	55	—	38	38	—	—	
27—29	То же	95	48.5	68.5	68.5	—	—	Парадная часть одновременно была и жилой. Жилище исследовано по верхнему уровню, но стены идут глубоко вниз
116, 128 и помещение к югу от них на забутовке VII в.	1-я четверть VIII в.; обжигание в 40—50-е гг. VIII в.	Ок. 400	Не менее 140	?	?	?	?	

Помещение	Время функционирования	Площадь, м²					Декор	Примечания
		домовладения	парадной части	жилых и хозяйственных помещений	жилища	торгово-ремесленных построек		
105	40—70-е гг. VIII в.	?	?	?	?	?	—	
111	То же	?	?	?	16.5	—	?	
1, пандус, 34, 39	»	88	—	46	46	—	—	
46, 55, 58, 59, 71, 73, 76, 77	60—70-е гг. VIII в.	285	44	24	68	18+6(?)	Резное дерево	Дом сгорел
121—123	То же	Более 120	?	?	?	?	—	
Объект V								
1—3, 5, 7	1-я четверть (?) VIII в.	139	18.5	57	75.5	?	Следы красной росписи на белом фоне	Жилище изучено полностью, домовладение частично
Объект IX								
3, 6—11		675	125.5	?	?	?	Следы росписи	
15—17		97	18.5	?	?	?	—	
Объект XVI								
14—18, 24, 25, 29, 33, 37—41, 49—51, 55, 58, 83, 84	1-я четверть VIII в.	685	214.5	?	?	145.5	Роспись, резное дерево	Дом погиб в пожаре 720-х гг.
7—9, 12,13, 22, 23, 26—28, без номера	1-я четверть —40—50-е гг. VIII в.	Ок. 260	?	?	?	41?	—	
14—18, 24, 25, 33, 37, 38	40—50-е гг. VIII в.	?	?	?	202.5	?	Роспись	Пом. 14 в последний период жизни дома восстанавливают как парадное

Объект XVII								
14—18 и 6—13	1-я четверть VIII в.	350	40.5	47	87.5	128	Роспись	Пом. 6—13 — торгово-ремесленные постройки. Прослеживается восстановление дома в 40—50-е гг. VIII в. Из 350 м², занятых домовладением, на жилище приходится 195 м²
Без номера (южная часть объекта)	1-я четверть—40—50-е гг. VIII в.	500	?	?	?	?	»	Роспись была в небольшом сводчатом помещении
Объект XVIII								
1—5	1-я четверть VIII в.	260	77	80	157	—	Резное дерево	Прослежено частично обживание дома в 40—70-е гг. VIII в.
Объект XXII								
1, 9, 10, 12, 13, 20	То же	Не менее 355	Не менее 121	Не менее 52	Не менее 173	?	Роспись, резное дерево	В 40—70-е гг. VIII в. был возведен новый пандус, жилище продолжало функционировать
Объект XXIII								
2 жилища: 82, 84 (жилище I)				18.3	18.3	—	—	На 2-й этаж над пом. 82 и 84 можно было попасть по пандусу (пом. 89), относящемуся к другому жилищу
	Конец VII—1-я четверть VIII в.	Не менее 114	—					
85, 88—90 (жилище II)				Более 26.5	Более 26.5	—	—	По стратиграфии не исключено, что жилище II функционировало и в 740—750-е гг. VIII в., хотя прямых данных об этом нет
80, 81, 83	То же	Не менее 96	19.8	35.6	55.4	—	—	
80, 81, 83, 87	40—50-е гг. VIII в.	Более 140	19.8	64.4	84.2	—	—	

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
		Объект III	
		Жилища I-й четверти VIII в.	
30	6.5	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
31	25	Парадный четырехколонный зал	—
85	10	Сводчатое хозяйственное (кладовая?)	—
87	6.5	Лестница	—
106	23.5	Парадный коридор	—
108	6	Айван	—
101 и 103	20.5	Торгово-ремесленная постройка	—
42/49	45	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
43	20	Сводчатое жилое	—
44	21	» »	—
47	62.5	Парадный четырехколонный зал	Роспись, резное дерево
48	26	Сводчатый парадный коридор	Мог быть расписан
69	9.5	Пандус	—
70а	29	Айван с колоннами	Резное дерево
74	7	Лавка	—
75	6.5	»	—
78	2.5	Кладовка	—
45	15	Сводчатое жилое	—
63	8	Пандус	—
64	13	Сводчатое жилое	—
65	13	Сводчатый вестибюль	—
67	?	Лоджия второго этажа	—
68	33	Айван с колоннами	Резное дерево
72	3	Сводчатое, лавка?	—
66	8.5	» »	—
86	36	Парадный зал	Роспись, резное дерево
88	25	Святилище на втором этаже	—
93	15	Кулуар перед залом, с лестницей в святилище	—
104	5.5	Сводчатая жилая комната	—
107	28	Парадный коридор	—
109	9.5	Мастерская	—
110	22.5	Айван	—
115	12	Вестибюль	—
117	11	Сводчатый коридор	—
125	14	Сводчатое, жилое или хозяйственное	—
129	9.5	Зернохранилище примерно на 3 т зерна	—
113	14	Вестибюль и жилое	—
120	5	Коридор, вероятно, была деревянная лестница	—
124	9	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
		Жилища I-й четверти—40—50-х гг. VIII в.	
92	16	Сводчатое хозяйственное	—
94	16	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
97	8.5	Пандус	
99	5	Сводчатый вестибюль	—
92[1]	*?*	*Домашнее святилище с алтарем*	—
95	14.5	Сводчатое хозяйственное	—
96	11.5	Сводчатое жилое	
100	7	Вестибюль	—
		Жилища 40—50-х гг. VIII в.	
37	16	Зал парадный и жилой	—

[1] Здесь и далее курсивом выделены сведения, относящиеся ко второму этажу.

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
82	Ок. 4	Лавочка	—
83	Ок. 4	»	—
90	11.5	Пандус	—
91	10	Сводчатое изолированное от жилища помещение	—
43	20	Сводчатое жилое	—
44	21	» »	—
48	26	» »	—
69	9.5	Пандус	—
78	2.5	Кладовка	—
—	7	Входной коридор	—
42	29	Мастерская	—
49	19	Лавка при мастерской в пом. 42	—
70	12	Лавка	—
74	7	»	—
75	5	»	—
45	15	Сводчатое жилое	—
63	8	Пандус	—
64	13	Сводчатое жилое	—
65	13	Сводчатый вестибюль	—
66	8.5	Лавка	—
67	?	Лоджия (?) второго этажа	—
		Жилища 1-й четверти—60—70-е гг. VIII в.	
18	9	Сводчатое с антресолями с алебастром хозяйственное	—
19	10	Сводчатое проходное с антресолями хозяйственное	—
20	4.5	Пандус	—
21	12	Сводчатый вестибюль	—
22	8.5	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
23	4	Зернохранилище с полом с обожженной плиткой	—
18	*?*	*То же*	—
133	6	Сводчатый парадный коридор	Роспись
134	7	Пандус	—
135	21.5	Сводчатое хозяйственное	—
137	7.5	Сводчатое, кухня (?)	—
138	10	Сводчатый парадный коридор	Роспись со следами намеренной порчи
139	3.5	Лавочка	—
140	4.5	Айван	—
133	*?*	*Зернохранилище с вымосткой из обожженной плитки и обмазкой ганчем*	—
140	*?*	*Зернохранилище*	—
135	*?*	*Вероятно, зал*	—
		Жилища 40—70-х гг. VIII в.	
2 (южное колено)	14	Парадная часть коридора, перекрытие сводчатое	—
2 (восточное колено)	17	Коридор	—
3	10	»	—
4	8	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
5	8	То же	—
6	39.5	Парадный зал	Старая роспись
35	12	Жилое (?) помещение	—
89	5	Коридор	—
136	13	Сводчатое жилое и хозяйственное	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
141	8	Вестибюль	—
Лестница	2.5	Лестница	—
142	4	Вестибюль	—
143	20	Жилое	—
144	29	»	
145	10	Лавочка	—
146	12.5	Хозяйственное или жилое	—
147	11	То же	—
148	10	Хозяйственное	—
150	13.5	Жилое и хозяйственное	—
151	23	Жилое	—
156	5	Лавочка	—
154	11	Хозяйственное и жилое	—
155	10.5	Вестибюль с пандусом	—
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
45	15	Сводчатое жилое	—
63	8	Пандус	—
64	13	Сводчатое жилое	—
65	9	Лавка	—
67	6	Айван	—
—	5	Айван перед лавкой	—
		Объект VI	
		Жилище конца VII—1-й четверти VIII в.	
5 и 14	50	Сводчатый парадный коридор	—
8	36	Парадный зал с четырьмя колоннами	Роспись
15	20	Сводчатый вестибюль	—
18	45	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
19	15	Пандус	—
22	24	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
Двор	400	Двор	—
		Жилища 2-й половины VII—1-й четверти VIII в.	
1	37	Парадный зал с четырьмя колоннами	Роспись
2	16	Парадный сводчатый коридор	—
3	26	Сводчатое хозяйственное	—
16	5.5	Пандус	—
17	17	Айван с двумя колоннами	Роспись
20	5	Сводчатый вестибюль	—
21	17	Сводчатое жилое	—
24	7.5	Сводчатое кухня (?)	—
25	4	Кладовая	—
27	5	Сводчатое жилое	—
Над 24, 27	*?*	*Зернохранилище*	—
50	8	Жилое или хозяйственное	—
51	10	То же	—
52	6	Вестибюль с лестницей	—
53	4	Хозяйственное — кладовая	—
		Жилище 1-й четверти VIII в.	
Айван	5	Айван	—
37	12.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
39	27.5	Парадный зал с четырьмя колоннами	Предположительно роспись
40	21	Сводчатый парадный коридор	Роспись
44	5	Лестничная клетка	—
Над 37	*?*	*Не ясно*	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
		Жилища 40—50-х гг. VIII в.	
4	38	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
—	10	Сводчатое (не докопано)	—
6	10.5	Сводчатое жилое	—
7	9.5	Пандус	—
11	12	Сводчатый вестибюль	—
46	12	Сводчатое хозяйственное	—
48	15.5	Сводчатое жилое	—
11	*26*	*Зернохранилище*	—
Над 4-Е	*?*	*Парадный зал*	*Следы росписи*
Над 4-Ж	*?*	*Кухня*	—
9	16.5	Сводчатая кладовая	—
10	16	Сводчатое проходное парадное	Роспись
13	77	Парадный зал	»
23	11	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
26	49.5	Сводчатый парадный коридор	Роспись
29	8.5	Полукупольный айван-вестибюль	»
33	13	Пандус	—
35	3	Кладовка под пандусом	—
21	12.5	Сводчатое жилое	—
27	5	Сводчатое	—
28	15	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
30	8.5	Сводчатое жилое	—
31	7.5	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
32	6.5	То же	—
34	3	Не сводчатое, возможно, клетка деревянной лестницы	—
36	26	Сводчатое жилое (?)	—
41	56	Парадный зал с четырьмя колоннами	Роспись
42	9.5	Сводчатый парадный коридор	»
43	4	Сводчатая хозяйственная комната	—
45	13.5	То же	—
49	4	Сводчатый вестибюль	—
55	13	Сводчатое парадного характера	Роспись
56	7	Пандус	—
4/XIII	35	Сводчатое жилое	—
57	26	Вестибюль	—
59	26	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
60	9	Пандус	—
63	18	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
		Жилище 40—70-х гг. VIII в.	
37	12.5	Сводчатое жилое	—
39	27.5	Дворик с тануром	—
40	21	Сводчатое жилое	—
44	5	Лестничная клетка	—
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
5	16	Жилое (?)	—
5/14	28	Жилое (?)	—
		Объект VII	
		Жилища 1-й четверти VIII в.	
1	78	Парадный зал с нишей	Роспись ?
2/5	76	Парадный коридор	—
4	25	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
6	48	Парадный вестибюль	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
7/8	51	Зал	—
Айван	11	Айван	—
—	17	Пандус	—
3	31	Сводчатое помещение с антресолями и нишами хозяйственное и жилое	—
9	8.5	Полукупольный парадный айван	—
10	26.5	Парадный сводчатый коридор	—
11	40	Парадный зал с нишей	Роспись, резное дерево
—	9	Пандус	—
Возможен 2-й этаж над улицей около айвана			*Резное дерево*
12	10.5	Сводчатое жилое и хозяйственное	—
13	17	То же	—
—	6.5	Вестибюль с лестницей	—
15	3.5	Лавочка	—
		Жилище 40—50-х гг. VIII в.	
1	76	Парадный зал	Стены подготовлены под роспись
2/5	70	Парадный коридор	—
3	33.5	Сводчатое хозяйственное и жилое	—
4	25	То же	—
6	24	Парадный вестибюль	—
7	15	Сводчатое хозяйственное и жилое	—
8	16	Сводчатое жилое	—
—	11	Айван	—
—	27	Дворик	—
—	6	Пандус	—
—	9.5	Комната при дворике	—
		Объект IX, южный раскоп	
		Жилище I-й четверти VIII в.	
1	11	Сводчатый вестибюль	—
3	13	Сводчатое жилое и хозяйственное	—
Помещения 2-го этажа над пом. 3			
		Жилище 40—70-х гг. VIII в.	
1	11	Сводчатое, в западной части помещения — вестибюль с лестницей, в восточной части — кухня	—
3	13	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
Над пом. 3 — зернохранилище с обмазкой алебастром			
		Объект IX	
		Жилища 60—70-х гг. VIII в.	
2	15	Сводчатое хозяйственное и жилое	—
13	13	То же	—
14	6	Вестибюль	—
Без номера	*22*	*Не ясно*	—
1	14	Сводчатое жилое	—
12	16.5	Вестибюль с антресолями	—
—	7	Пандус	—
		Объект XII	
		Жилище, функционировавшее не ранее 2-й половины VII в.—не позднее I-й четверти VIII в.	
29	11	Сводчатое жилое	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
30	Более 6	Вестибюль с лестницей (?)	—
33	10.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
		Жилища I-й четверти VIII в.	
23	16.5	Вестибюль с пандусом	—
24	14	Зал с двумя колоннами парадный и жилой	—
31	14.5	Жилая комната	—
32	6	Вестибюль	—
36/38	80	Двор, частично крытый, вероятно, хозяйственный	—
25	12	Зал с четырьмя колоннами парадный и жилой	—
26	7.5	Жилое или хозяйственное	—
27	8	Сводчатое с лестницей	—
28	10	Хозяйственное	—
—	9	Коридор	—
11	11	Сводчатое хозяйственное	—
15	14	Вестибюль с пандусом	—
		Жилище 40—50-х гг. VIII в.	
13	13	Сводчатое хозяйственное с обожженной плиткой и алебастром	—
18	13.5	Вестибюль с лестницей	Следы красной краски
19	20	Хозяйственное	—
		Жилища 40—70-х гг. VIII в.	
5	17	Сводчатое с нишей жилое	—
17	13	Сводчатое с нишей жилое и хранилище	—
21	7	Помещение с лестницей	—
22	11	Вестибюль	—
17	*?*	*Зернохранилище с алебастровой обмазкой*	—
6	13	Сводчатое жилое	—
8	11.5	Вестибюль с пандусом	—
10	12.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
12	24	Дворик, общий с жилищем из помещений 2, 4, 7, 9	—
2	19.5	Хозяйственное	—
4	6.5	Проходная комната	—
7	14	Жилая или хозяйственная	—
9	9.5	Пандус	—
37	8	Проходное помещение	—
12	24	*Дворик, общий с жилищем из помещений 6, 8, 10, 12*	—
7	—	*Зернохранилище с алебастровой обмазкой*	—
3	14	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
14	11	Вестибюль с лестницей	—
16	17	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
20	5	Коридор	—
34	10	Сводчатое хозяйственное	—
3/34	*34*	*Зал, видимо, с четырьмя колоннами, парадный*	—
16	*?*	*Кухня и кладовая*	—
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
13	13	Сводчатое проходное	—
18	13.5	Вестибюль с лестницей	—
19	20	Хозяйственное	—
24	14	Хозяйственное с алебастровой обмазкой	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
		Объект XIII	
		Жилища 1-й четверти—40—50-х гг. VIII в.	
5	26	Вестибюль, жилое или хозяйственное	—
6	15	Сводчатое с нишей жилое	—
7	12	Сводчатое с нишей жилое	—
10	9	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
20	10	То же	—
21	9	Жилое или хозяйственное	—
22	16	Айван	—
		Объект XIV	
		Жилища 1-й четверти VIII в.	
5	10	Сводчатое хозяйственное	—
6	9	Вестибюль	—
7	2.5	Пандус	—
8	6	Хозяйственная пристройка	—
10	9	Жилое или хозяйственное	—
11	3.5	Коридор	—
1	13	Жилое и парадное (перекрытие плоское)	Орнаментальная роспись у очага
2	12	Сводчатый вестибюль с лестницей	—
3	11.5	Вестибюль	—
4	23.5	Зал парадный и жилой	—
9	14.5	Сводчатое жилое	—
Айван	2	Айван	—
9	*2*	*Зернохранилище с обожженными плитками и обмазкой алебастром*	—
12	9	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
13	8	То же	—
14	8.5	»	—
15	13.5	Вестибюль с очагом	—
14	*?*	*Не ясно*	—
16	25	Жилое и парадное	—
17	8	Сводчатый вестибюль с лестницей	—
19	9	Сводчатое хозяйственное	—
20	23.5	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
		Жилище 40—50-х гг. VIII в.	
16	25	Жилое и парадное	—
17	8	Сводчатый вестибюль с лестницей	—
		Объект XVI	
		Жилища 1-й четверти VIII в.	
6	18	Вестибюль с антресолями и кладовкой под лестницей помещения 1	—
4	12	Хозяйственное	—
5	11	»	—
1	20	Вестибюль с лестницей	—
2	10.6	Хозяйственное с антресолями	—
3	34	Парадный зал	Резное дерево
88	11	Вестибюль с пандусом	—
87	8.5	Сводчатый коридор	—
85	5.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
19	6	То же	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
20а	11.25	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
20б	11.3	Сводчатое хозяйственное (хранилище зерна)	—
20	*?*	*Судя по набору керамики в завале, здесь располагался зал для приема гостей и кухня. Использовалось в 40—50-е гг. VIII в. Над пом. 19, 85 — остатки стен помещений 2-го этажа*	—
62	15	Вестибюль и хозяйственное	—
63	21	Парадный зал с нишей и жилая комната	Следы красной краски на белом фоне
10	47	Домашнее святилище	Роспись
21	42	Парадный зал	—
30	30	Парадный коридор	—
31	19	» »	—
32	250	Многоколонный зал	Следы росписи в завале
32а	97	Парадный зал с четырьмя колоннами	—
34	26.5	Домашнее святилище	—
42	10.5	Лавочка на базаре	—
43	9	Складское помещение при лавочках на базаре	—
44	13	То же	—
45	6.5	Лавочка на базаре	—
46	6	Мастерская на базаре	—
47	5.5	Лавочка на базаре	—
48	7	Тот же	—
52	8.5	Лавочка или мастерская на базаре	—
54	6	Лавочка на базаре	—
56	7.5	Тот же	—
57	5	» »	—
59	11	Мастерская у западного фасада дома	—
60	9	Мастерская на базаре	—
73	4.5	Хозяйственное	—
74	12	Коридор, использовавшийся как хозяйственное помещение	—
75	280	Парадный двор	Роспись над входом в зал 32
76	6	Лавочка у западного фасада дома	—
77	7	Лавочка или мастерская у западного фасада дома	—
78	6	Лепешечная у западного фасада дома	—
79	6	Лавочка у западного фасада дома	—
80	25	Кухня	—
81	40	«Людская»	—
82	45	Торгово-ремесленное помещение у северного фасада дома	—
—	20	Пандус	У входа в завале роспись от свода
—	8.4	Сводчатое хозяйственное с антресолями (объекта XV)	—
—	8.4	То же	—
		Жилище 40—70-х гг. VIII в.	
62	15	Вестибюль и хозяйственное	—
63	21	Жилая комната и, возможно, мастерская	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
		Объект XIX	
		Жилища I-й четверти VIII в.	
6	30	Сводчатое с жилыми антресолями (помещение Д)	—
7	10	Сводчатое с жилыми антресолями	—
11	9.5	Пандус	—
12	16	Сводчатое проходное	—
12а	11	Парадный сводчатый коридор	—
13	29	Парадный зал с нишей	Следы росписи
15	4.5	Айван	То же
18	7.5	Сводчатое жилое или кухня	—
19	8.5	Сводчатое жилое	—
20	6.5	Сводчатая кладовая	—
21	6	Не ясно	—
22	3	Лавочка	—
23	9	Сводчатый коридор	—
Помещения 2-го этажа (И, К, З) над этим жилищем относятся к другому жилищу			
		Жилище I-й четверти—40—50-х гг. VIII в.	
4[2]	8	Сводчатое с очагами	—
5	8	Сводчатое жилое	—
16	9	Вестибюль с очагами	—
17а	4	Пандус	—
А	*?*	*Зернохранилище, относится только к I-й четверти VIII в.*	—
		Жилище 40—50-х гг. VIII в.	
1	19	Сводчатое парадное	Следы росписи
2	19	» »	—
3	16.5	Сводчатое жилое или кухня	—
3а	9	Пандус	—
Ж	10	Жилое	—
А	27.5	Кухня	—
Айван	2	Парадный айван	
Над сводчатыми помещениями были помещения 2-го этажа (ок. 50 м²), в которых располагалась кухня и жилая комната			
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
1	19	Сводчатое жилое	—
Айван	2	Айван	—
2	19	Сводчатое жилое	—
3	13	» »	—
3а	9	Пандус	—
Ж	10	Жилое	—
А	27.5	Не ясно	—
		Объект XX	
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
7	6.5	Кладовая с обожженными плитками	—
8	13	Жилое	На западной стене остатки росписи от более раннего здания
9	11.5		В завале фрагменты росписи от более раннего здания

[2] В 40—50-е гг. VIII в. в пом. 4 был устроен тануp. Наблюдается ремонт помещений. Прекращает функционировать пандус.

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
10	10	Проходная комната	—
11	9	Вестибюль	—
		Объект XXI	
		Жилище 1-й четверти VIII в.	
1	78.5	Парадный зал	Подготовлено под роспись
2	90	Парадный коридор	Роспись
3	12	Не ясно	»
4	47.5	Домашнее святилище	—
5	25	Сводчатое жилое	—
6	19	« «	—
7	177	Многоколонный зал	—
8	58	«Людская»	—
9	24.5	Пандус	—
15	6	Кухня	—
16	20	Вестибюль	—
17	16	Кухня	—
18	24.5	Сводчатое жилое проходное	
19	15	Айван сводчатый	—
20	21	Жилое	—
21	8	Не ясно	—
22	21.5	Мастерская	—
23	7.5	Лавка	—
		Жилища 40—50-х гг. VIII в.	
1	64.5	Парадный зал	Роспись
2	90	Парадный коридор	Роспись 1-й четв. VIII в.
3	12	Не ясно	То же
4	47.5	Домашнее святилище	Роспись
5	25	Сводчатое хозяйственное	—
6	19	Сводчатое жилое	—
7	177	Многоколонный зал	—
8	58	«Людская»	—
9	24.5	Пандус	—
15	6	Кухня	—
16	20	Вестибюль	—
17	16	Кухня	—
18	24.4	Сводчатое проходное жилое	—
19	13.5	Сводчатый айван	—
20	16.5	Жилое	—
21	6	Туалет	—
22		Место свалки	—
23		Не использовалось	—
2	*?*	*Зернохранилище с вымосткой обожженной плиткой*	
		Жилища 60—70-х гг. VIII в.	
1	64.5	Парадный зал ?	Намеренная порча росписи
2	90	Парадный (?) коридор	То же
3	12	Жилое или кухня	Остатки росписи
4	47.5	Жилое	Роспись испорчена, алтарь уничтожен
7	177	Многоколонный зал	—
8	58	«Людская»	—
9	24.5	Пандус	—
15	6	Жилое	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
16	20	Жилое или хозяйственное	—
17	16	Кухня	—
5	25	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
6	19	Сводчатое жилое	—
18	24.5	Сводчатое проходное жилое или хозяйственное	—
20	16.5	Хозяйственное	—
21	6	»	—
22, 23	Не менее 33	Дворик	—
		Объект XXII	
		Жилища 1-й четверти VIII в., 40—70-х гг. VIII в. с единой планировкой в обоих периодах	
2	16.5	Сводчатое жилое	—
3	17	Сводчатое хозяйственное	—
4	16.5	Сводчатое хозяйственное с алебастровой обмазкой	—
14	9.5	Пандус	—
15	23	Вестибюль	—
		Жилища 40—70-х гг. VIII в.	
5	22.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
17	15	Хозяйственное	—
19	7	Вестибюль с лестницей	—
16	18	Жилое	В завале фрагменты росписи
18	3.5	Вестибюль	—
		Объект XXIII	
		Жилища 2-й половины VII в.	
27	11	Пандус	—
28, 31	16	Сводчатый вестибюль	—
29	Ок. 15	Сводчатое хозяйственное	—
30	15.5	Сводчатая кладовая	—
37	11	Сводчатое жилое	—
38	12	» »	—
26	*46*	*Парадный зал*	*Роспись*
36	*37*	» »	»
К северу от № 26, без номера	*15(?)*	*Парадное*	»
40	12	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
41	13	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
43	12	Сводчатый вестибюль	—
11	14.9	Пандус	—
33	18	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
54	15.2	Сводчатое жилое с кухонным очагом	—
55	16.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
57	65.6	Парадный четырехколонный зал	Резное дерево
58, 61, 62	29	Парадный коридор	—
59	16.6	Сводчатое проходное	—
64, 65, 69	Ок. 30	Жилое	—
66	23.1	Комната при мастерской	—
67	12	Коридор-вестибюль	—
68, 74	18	Сводчатое жилое	—
70	11.7	Мастерская с печью (харчевня?)	—
12, 56	*16.6*	*Коридор*	—
54, 55	*13.4*	*Жилое*	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
		Жилища конца VII в.[3]	
9	19	Сводчатое жилое	—
19	38	Парадный зал без колонн	Следы росписи
21	13.5	Сводчатый вестибюль	—
24	8	Сводчатое проходное жилое (?)	—
21а, 25	9	Пандус с кладовкой	—
34	3	Кладовая	—
17	8.5	Сводчатое проходное жилое (?)	—
17а	10	Не раскопано	—
22	6	Сводчатый вестибюль	—
18*	6	Сводчатая лавка	—
20*	6.5	Сводчатая кладовая с антресолями	—
10	16	Парадный и жилой зал с лестницей	Роспись в нише
10а	13.5	Жилое или хозяйственное	—
35	13	Лавка и вестибюль одновременно	—
		Жилища конца VII—1-й четверти VIII в.	
6	4	Амбар с обожженной плиткой на 6 т зерна	—
8	18	Сводчатое хозяйственное	—
14	2	Лестничная клетка	—
15	6.5	Сводчатое жилое	—
16	6	Вестибюль	—
8	*Ок. 18*	*Домашнее святилище с очагом-алтарем*	*Роспись*
54	15.2	Сводчатое жилое с кухонным очагом	—
55	16.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
57	65.6	Парадный четырехколонный зал	Резное дерево
58	4	Лестница	—
59	16.6	Сводчатое жилое проходное	—
61	7	Коридор-вестибюль	—
62	12.2	Сводчатое жилое и хозяйственное с антресолями (зернохранилище) и очагом	—
64	8.6	Хозяйственное проходное	—
68	17.5	Вестибюль и хозяйственное с очагом и ямой-хранилищем	—
65	7	Сводчатое жилое с антресолями	—
69	7	Вестибюль с лестницей на антресоли	—
74	2.4	Кладовая	—
82	6	Вестибюль с кухонным очагом и лестницей на антресоли	—
84	12.3	Сводчатое с антресолями жилое и хозяйственное	—
		Жилища 1-й четверти VIII в.	
9	19	Сводчатое жилое	—
17	8.5	Сводчатое проходное жилое (?)	—
17а	10	Сводчатое не раскопано	—
18	7	Сводчатая лавочка	—
19	38	Парадный зал без колонн	Следы росписи
20	6.5	Сводчатая кладовка с антресолями при лавке	—
21	13.5	Сводчатый вестибюль	—
22	6	Сводчатое проходное	—
24	8	Сводчатое проходное жилое (?)	—
21а, 25	9	Пандус с кладовкой	—
34	3	Кладовая	—

[3] Здесь звездочкой (*) отмечены два помещения, которые, вероятно, относятся к одному из двух предыдущих жилищ.

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
17, 17А	*Ок. 25*	*Зал*	*Роспись*
10	10.5	Сводчатый вестибюль с лестницей	—
10а	12.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
35	13	Хозяйственное с обмазкой стен алебастром	—
Над крытым переулком	*Не менее 15*	*Не ясно*	—
27	11	Пандус	—
28	12	Сводчатый парадный вестибюль	Роспись
29	15.5	Сводчатое хозяйственное	—
30	15.5	Сводчатая кладовая с хумами	—
31	12	Сводчатое проходное жилое (?)	—
37	11	Амбар на 16—18 т зерна	—
38	12	Сводчатое приемник для зерна и кухня	—
40	12	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
41	13	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
43	12	То же	—
26	*42*	*Парадный зал с нишей*	*Роспись, резное дерево*
36	*37*	*Парадный зал*	*Роспись*
27	*15*	*Парадное*	»
40	*?*	*Пандус на третий этаж*	—
41	*20.5*	*Парадное*	*Роспись*
4/XXIV	*12*	*Расхожее зернохранилище с алебастровой обмазкой на 3 т зерна*	—
21/XXIV	*10*	*Хозяйственное или жилое*	—
Не менее 50 м² занимали несохранившиеся помещения			
72	10.2	Сводчатый амбар с обмазкой алебастром	—
75	8.8	Сводчатое жилое	—
77	7.15	Сводчатое жилое или производственное	—
78	6.8	Проходное с люком (?) на второй этаж	—
79	6.5	Сводчатое хозяйственное	—
80	8	Вестибюль с очагом	—
71	*Ок. 24*	*Зал*	—
		Жилища 40—50-х гг. VIII в.	
19/1	10	Жилое	—
19/2	24	Жилое, кухня и домашнее святилище (?)	—
21	13.5(?)	Проходное	—
21а, 21б	7	Вестибюль и коридор	—
22	6	Сводчатая кладовая	—
24	8	Жилое	—
3	12	Парадный коридор	—
4	43	Зал с четырьмя колоннами	—
11	15.5	Пандус	—
7	32.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
7/1	*9*	*Домашнее святилище*	*Роспись*
7/2	*12*	*Не ясно*	—
12	6.5	Проходное	—
54	15.2	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
55	16.5	То же	—
57	65.6	Дворик	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
58	4	Лестница	—
59	16.6	Сводчатое жилое проходное	—
61	7	Коридор-вестибюль	—
62	12.2	Сводчатое хозяйственное и жилое	—
64	8.6	Жилое проходное	—
68	17.5	Вестибюль и жилое (?)	
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
3	12	Вестибюль и кладовая	—
11	15.5	Пандус	—
7/1	*9*	*Кухня*	—
7/2	*12*	*Не ясно*	—
12	*6.5*	*Проходное*	—
		Объект XXIV	
		Жилище конца VII в.	
19	14	Сводчатый вестибюль с лестницей, кузница	—
20	13.5	Сводчатое жилое	—
30	9.5	» »	
		Жилище 2-й половины VII—1-й четверти VIII в.	
1	34	Парадный зал	Роспись
2,3	26.5	Парадный коридор	»
4а, 6	8	Пандус	—
7	6	Сводчатый айван	—
9	15	Сводчатое проходное хозяйственное	—
10	13.5	Сводчатое жилое и парадное	Роспись
2	*16.5(?)*	*Хозяйственное*	—
3	*13.5*	*Вестибюль 2-го этажа*	—
7	*10.5*	*Айван-лоджия*	—
9, 10	*35*	*Домашнее святилище*	—
		Жилище конца VII—1-й четверти VIII в.	
38	6	Коридор с водосливом	—
39	5	Пандус	—
40	21	Зал с двумя нишами	Ниша загрунтована под роспись (?)
41	4	Сводчатое хозяйственное	—
42	2	Сводчатый вестибюль	—
43/44	15	Сводчатое хозяйственное	—
45	10	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
41	*9*	*Вестибюль 2-го этажа*	—
43	*9*	*Кухня и зернохранилище с ларями с обмазкой алебастром*	—
44/45	*23*	*Домашнее святилище или жилая комната*	—
		Жилища 1-й четверти VIII в.	
26	3	Вестибюль с лестницей	—
27	4	Хозяйственное с антресолями, зерновой ямой	—
28	21	Хозяйственное с четырьмя столбами и антресолями, зерновой ямой, хумами	—
Площадь 2-го этажа не менее 40 м²			
30	9.5	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
31	19.5	Сводчатое жилое	—
34	17	Вестибюль	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
35	5	Пандус	—
11	11+12	Пандус или лестница	—
12	Ок. 18	Не ясно	—
19	14	Сводчатое проходное	—
20	13.5	Сводчатое с обмазкой алебастром хозяйственное	—
29	21	Наполовину сводчатый, парадный вестибюль	—
32, 33	17.5	Сводчатое проходное жилое (?)	—
16	31	Для содержания животных	—
17	9	Сводчатое жилое	—
23	5	Пандус	—
16	*32*	*Зал*	—
17, 18	*Ок. 20*	*Не ясно*	—
22	*8*	» »	—
24	*30*	» »	—
18	10.5	Сводчатое с антресолями хозяйственное или жилое	—
22	7	Вестибюль с антресолями	—
13а	12	Сводчатое хозяйственное	—
13б	12	Сводчатое (не докопано)	—
14	8	Сводчатое хозяйственное	—
15	11	Вестибюль с очагом	—
13	*32*	*Домашнее святилище*	—
14	*10.5*	*Проходная с очагом*	—
15	*15(?)*	*Вестибюль 2-го этажа*	—
		Жилища 40—50-х гг. VIII в.	
1	34	Парадный зал	Роспись
2, 3	26.5	Парадный коридор	»
4а, 6	8	Пандус	Роспись в подпандусном проходе
7	8	Сводчатый айван	Роспись
9	15	Сводчатое проходное хозяйственное или жилое	—
10	13.5	Сводчатое хозяйственное с антресолями и алебастром	—
2	*16.5(?)*	*Хозяйственное*	—
3	*13.5*	*Вестибюль 2-го этажа*	—
7	*10.5*	*Айван-лоджия*	*Роспись*
9, 10	*35*	*Домашнее святилище*	*Роспись (?)*
13а	12	Сводчатое хозяйственное	—
13б	12	Сводчатое (не докопано)	—
14	8	Сводчатое хозяйственное	—
15	11	Вестибюль с очагом	—
16	31	Помещение для животных	—
13	*32*	*Домашнее святилище*	*Роспись*
14	*10.5*	*Проходное с очагом*	*Стены окрашены в красный цвет*
15	*15(?)*	*Вестибюль 2-го этажа*	*То же*
16	*32*	*Зал*	*Роспись*
17	9	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
23	5	Пандус	—
17, 18	*Ок. 20*	*Жилое*	—
22	*8*	*Жилое или хозяйственное*	—
18	10.5	Сводчатое с антресолями, жилое или хозяйственное	—
22	7	Вестибюль с антресолями	—
19	14	Сводчатое проходное	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
20	13.5	Сводчатое с обмазкой ганчем хозяйственное	—
30	9.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
31	19.5	То же	—
34	17	Вестибюль	—
35	5	Пандус	—
38/42	8	Коридор	—
39	5	Пандус	—
40	21	Зал или жилое	Ниша заложена
45	10	Сводчатое хозяйственное	—
19	*22*	*Домашнее святилище или жилая комната*	—
20/30	*31*	*Жилое*	—
31	*26*	»	—
41	*9*	*Вестибюль 2-го этажа*	—
43	*9*	*Кухня и зернохранилище*	—
44/45	*23*	*Домашнее святилище или жилая комната*	—
29	21	Жилое (?)	—
		Жилище 40—70-х гг. VIII в.	
11	7	Сводчатый вестибюль с остатками лестницы	—
12	10	Сводчатое жилое	—
11	*14.5*	*Жилое и кухня*	—
12	*9*	*Жилое или хозяйственное*	—
		Жилища 60—70-х гг. VIII в.	
29	19	Жилое (?)	—
19	14	Сводчатое проходное	—
20	13.5	Сводчатое хозяйственное	—
30	9.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
31	19.5	То же	—
34	15	Айван	—
35	5	Пандус	—
19	*22*	*Жилое с очагом*	—
20/30	*31*	*Жилое*	—
31	*36*	»	—
14	8	Сводчатое хозяйственное	—
15	11	Вестибюль	—
13	*32*	*Жилое*	*Преднамеренная порча росписи*
14	*10.5*	*Проходное*	—
15	*15(?)*	*Вестибюль 2-го этажа*	—
16	*32(?)*	*Кузница*	—
		Объект XXV	
		Жилище 2-й половины VII в.	
32	9.9	Сводчатое проходное жилое и хозяйственное	—
33	3.6	Лестница	—
37	9.5	Сводчатое хозяйственное	—
38	11	Сводчатое проходное жилое	—
		Жилища 1-й четверти VIII в.	
1	40	Парадный четырехколонный зал	Следы росписи
2	19	Домашнее святилище	—
3	20	Парадное сводчатое	Стены с глиняными полуколоннами
4	11	Сводчатое хозяйственное	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
5	10	Сводчатое хозяйственное	—
6	2	Коридорчик	—
8	5.5	Сводчатый парадный коридор	Роспись в нише
9	5.5	Пандус	
4/5	*34*	*Сводчатое, специально оборудованное зернохранилище*	—
25	6.8	Сводчатое хозяйственное	—
27	13	Вестибюль с пандусом	—
26	7.9	Сводчатое хозяйственное	—
28	40.2	Парадный зал	Роспись
30	10.5	Сводчатое хозяйственное	—
31	8.5	Сводчатое проходное хозяйственное	—
—	Ок. 10	Сводчатое хозяйственное	—
25	*9.2*	*Сводчатое зернохранилище с обмазкой алебастром*	—
26	*11*	*То же*	—
27	*3.8*	»	—
5/XXIV	*29.3*	»	—
51/XXIII	*36*	*Жилое*	—
		Жилища 1-й четверти—40—50-х гг. VIII в.	
11	27	Сводчатый парадный коридор	—
12	32.5	Парадный зал с нишей	Роспись
13	27	Жилое	—
14	9.2	Вестибюль	—
15	6	Пандус	—
16	21	*Сводчатое с антресолями хозяйственное*	—
17	35.6	Зернохранилище	—
18	14.6	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
19	22.1	Сводчатое с антресолями хозяйственное	—
20	31.5	Четырехколонный зал	—
21	12.2	Проходное	—
22	21.3	Сводчатое хозяйственное	—
24	4.3	Айван	Роспись
52/XXIII	*(?)*	*Парадное*	»
32	9.9	Сводчатое проходное	—
33	3.6	Лестница	—
34	45	Хозяйственное с кухонными очагами	—
37	9.5	Сводчатое хозяйственное	—
38	11	Сводчатый вестибюль	—
		Объекты XXIII/XXV[4]	
		Жилище 1-й четверти VIII в.	
32	8	Пандус	—
33	18	Сводчатое хозяйственное	—
39	12.5	Сводчатое проходное	—
46	19.5	Сводчатое жилое	—
47	19.4	» »	—
48	19.6	» »	—
49	50.6	Парадный четырехколонный зал	Следы росписи
50	26.3	Парадное	—
53	41	Домашнее святилище с очагом-алтарем	—
60	20.3	Коридор парадной части	—
63	253	Двор с навесами на столбах	—
32*	9.9	Сводчатое проходное	—
33*	3.6	Лестница	—
34*	45	«Людская»	—

[4] Звездочкой (*) отмечены помещения, пронумерованные по объекту XXV.

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
35*	22.3	Вестибюль	—
36*	12	Айван	—
37*	9.5	Сводчатое хозяйственное или жилое	—
38*	11	То же	—
39*	8	Пандус (привходной части)	—
13а	*Ок. 27*	*Жилое проходное*	—
13	*6.4*	*Жилое*	—
		Жилища 40—50-х гг. VIII в.	
27*	13	Вестибюль с пандусом	—
28*	40.2	Парадный зал	Роспись
*25**	*9.2*	*Сводчатое зернохранилище с обмазкой алебастром*	—
*26**	*11*	*То же*	—
*27**	*3.8*	*Зернохранилище с обмазкой алебастром*	—
51	*18*	*Дворик-кухня*	—
51а	*6*	*Хозяйственное (затем пандус)*	—
51б	*8.4*	*Хозяйственное*	—
5/XXIV	*29.3*	*Сводчатое зернохранилище с обмазкой алебастром*	—
32	8	Пандус	—
33	18	Сводчатое хозяйственное	—
39	12.5	Сводчатое проходное	—
46	19.5	Сводчатое жилое	—
47	19.4	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
48	19.6	Амбар на 18 т зерна	—
49	50.6	Парадный четырехколонный зал	—
50	26.3	Парадное	Роспись
53	41	Домашнее святилище	—
60	20.3	Коридор парадной части	—
63	253	Двор	—
35*	22.3	Вестибюль	—
36*	12	Айван	—
39*	8	Пандус привходной части	—
13а	*Ок. 27*	*Жилое проходное*	—
13	*6.4*	*Жилое*	—
		Объект XXVIII	
		Жилище конца VII—1-й четверти VIII в.	
2	2.8	Сводчатое зернохранилище с обмазкой алебастром	—
4	20.7	Сводчатое хозяйственное (с хумами)	—
5	20.8	Сводчатое хозяйственное (с закромами)	—
6	11.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
7	18.5	Сводчатый вестибюль	—
8	7	Пандус	—
—	5.6	Кладовая в теле городской стены	—
1	*4.3*	*Жилое*	—
		Загородные усадьбы. Объект VIII	
		Жилище 1-й четверти VIII в.	
		Дом I	
2	6	Коридор	—
3	14	Сводчатое хозяйственное	—
4	14	То же	—
5	15	Сводчатое жилое	—
Пандус	12	Пандус	—
Айван	5	Айван	—
		Дом II	
1	6.5	Пандус	—

Продолжение

Помещение	Площадь, м²	Характер перекрытия и назначение	Декор
2	8	Вестибюль	—
3	9.5	Жилое или хозяйственное	—
4	12.5	То же	—
		Жилище 1-й четверти — 40—50-х гг. VIII в.	
		Дом 4	
1	15	Зал	—
3	8.5	Проходное, мастерская (?)	—
4	9	Айван	—
—	18	Центральный коридор	—
—	2	Айван	—
Пандус	6	Пандус и кладовка под ним	—
		Жилища 1-й четверти—60—70-х гг. VIII в.	
		Дом 2	
1	14.5	Сводчатое с лестницей	—
3	10.5	Сводчатое жилое или хозяйственное	—
4	22.5	Мастерская, связанная со стеклоделием	—
2	16	Зал	—
Айван	8	Айван (?)	—
		Жилище 60—70-х гг. VIII в.	
		Дом 3	
1	14	Жилая	—
2	6.5	Вестибюль с очагом	—
—	6.5	Пандус	—
		Дом 9	
1	22	Сводчатый вестибюль с очагом	—
2	12	Сводчатое жилое	—
3	14.5	Хозяйственное	—
4	18	Винодельня	—
—	11	Пандус	—

Рис. 6. Объект III. Айван (помещение 68).

Слева — проход в помещение 73, *справа* — в помещение 65.

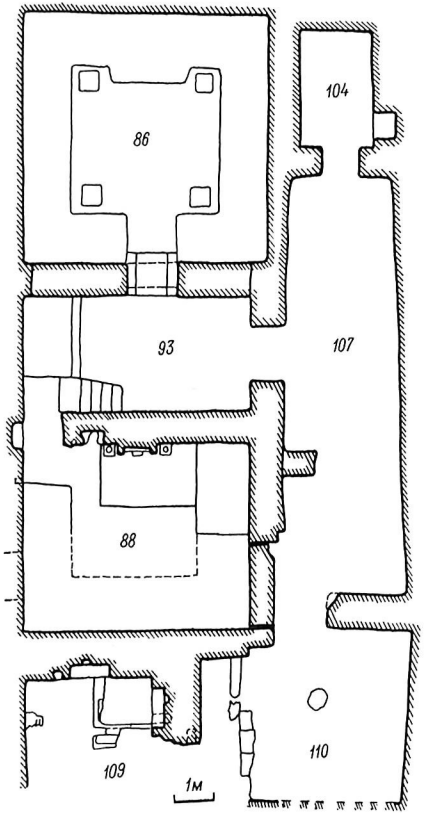

Рис. 7. Объект III. План жилища.

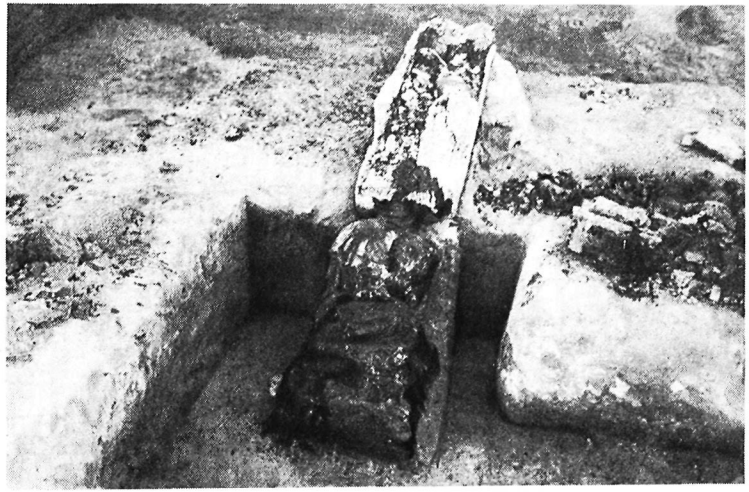

Рис. 8. Объект III. Обуглившаяся деревянная колонна (помещение 86).
Справа — ритуальный выступ суфы.

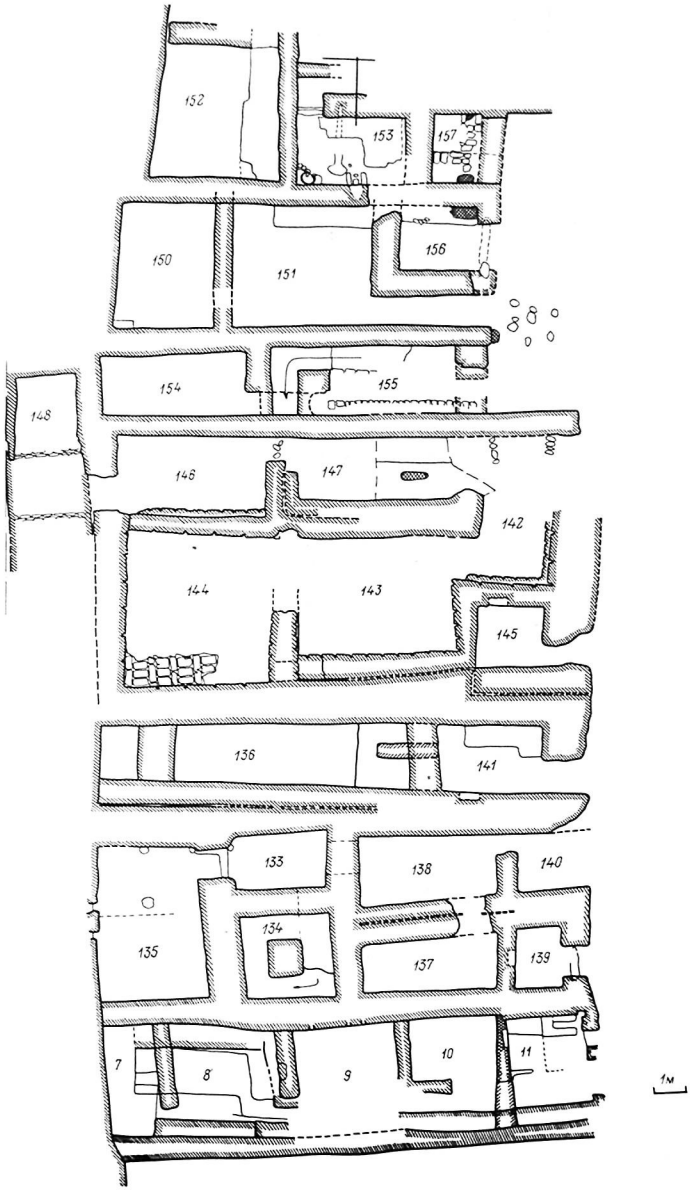

Рис. 9. Объекты III/XX. План.

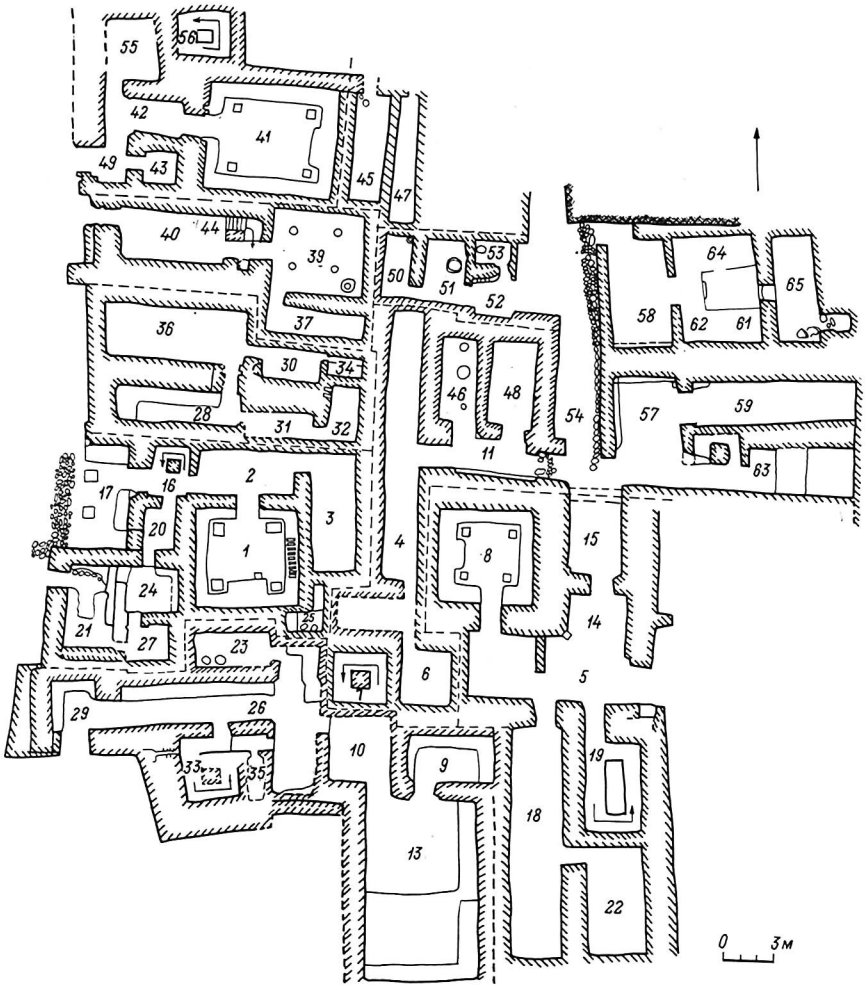

Рис. 10. Объект VI. План.

Стрелкой здесь и далее обозначено направление подъема.

Рис. 12. Объект VII. План богатого дома. ⟶

Рис. 11. Объект VI. Остатки зернохранилища, вымощенного обожженной плиткой, на 2-м этаже над помещениями 24, 27.

⟶

Рис. 13. Объект VII. Айван (помещение 9).
Рис. В. Л. Ворониной.

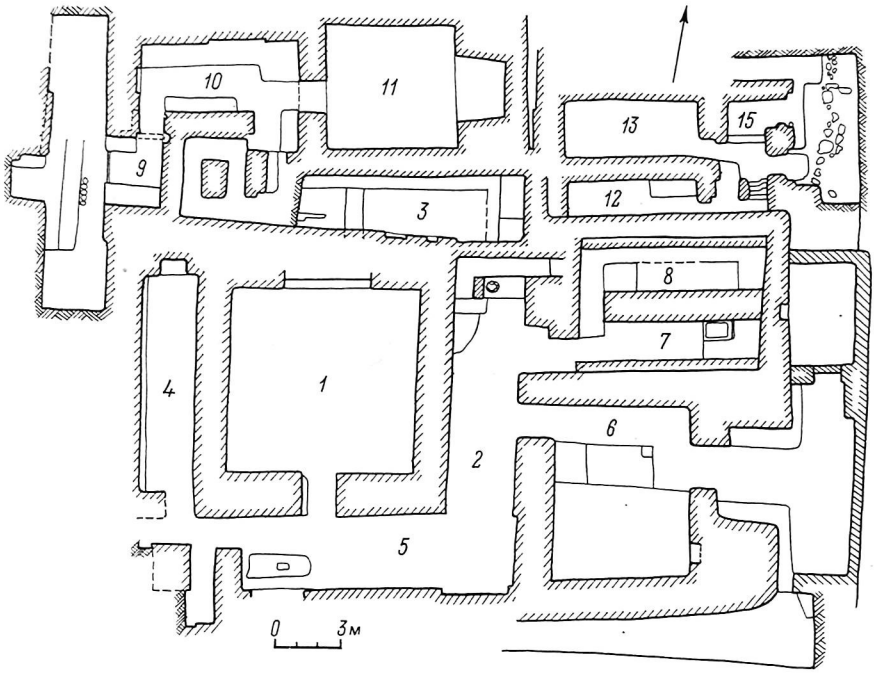

10
11
13
15
9
3
12
8
7
4
1
6
2
5
0
3м

Рис. 14. Объект VII. Айван (помещение 9). Видны тромп и окна.

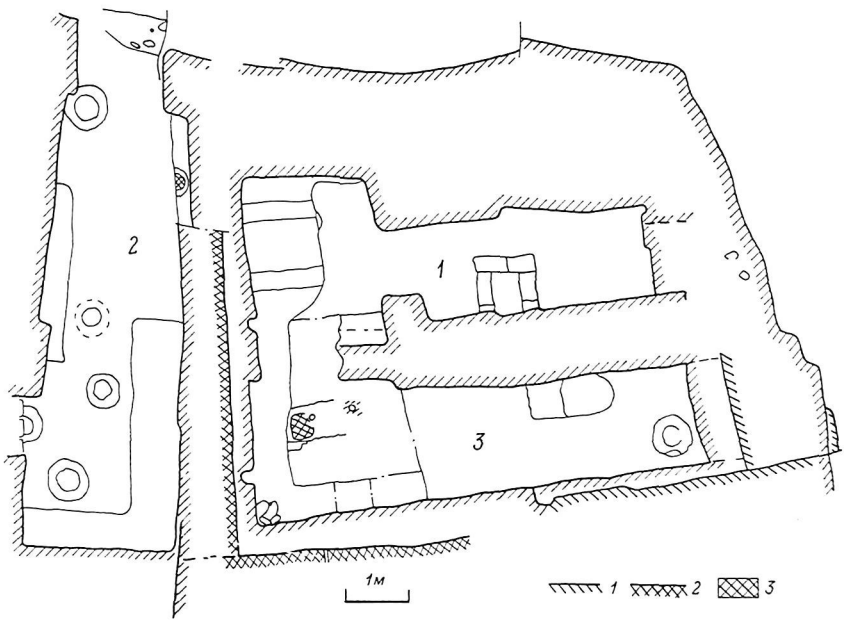

Рис. 15. Объект IX, южный раскоп. План жилища.

1 — стены 1-го этажа; *2* — стены 2-го этажа; *3* — края раскопов.

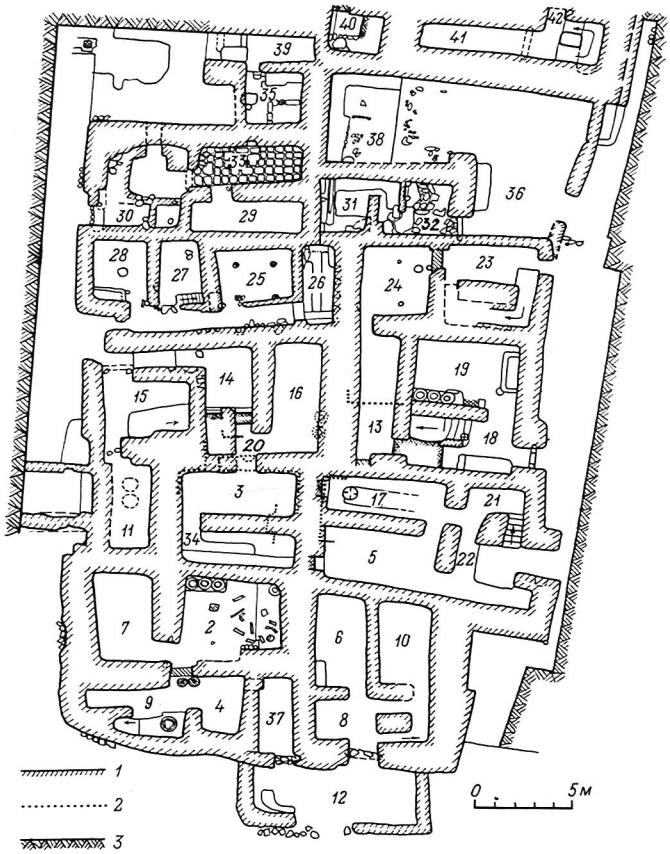

Рис. 16. Объект XII. Верхнее здание. План квартала.
Обозначения те же, что и на рис. 15.

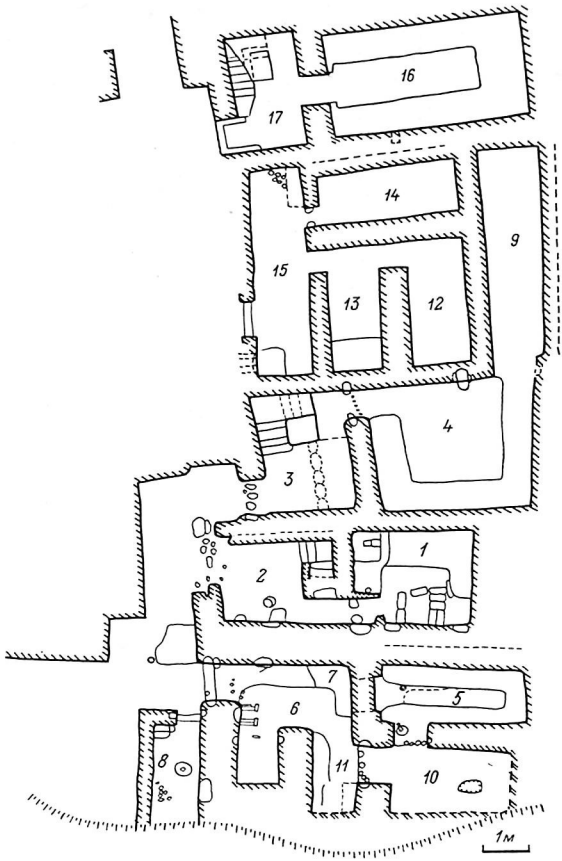

Рис. 17. Объект XIV. План.

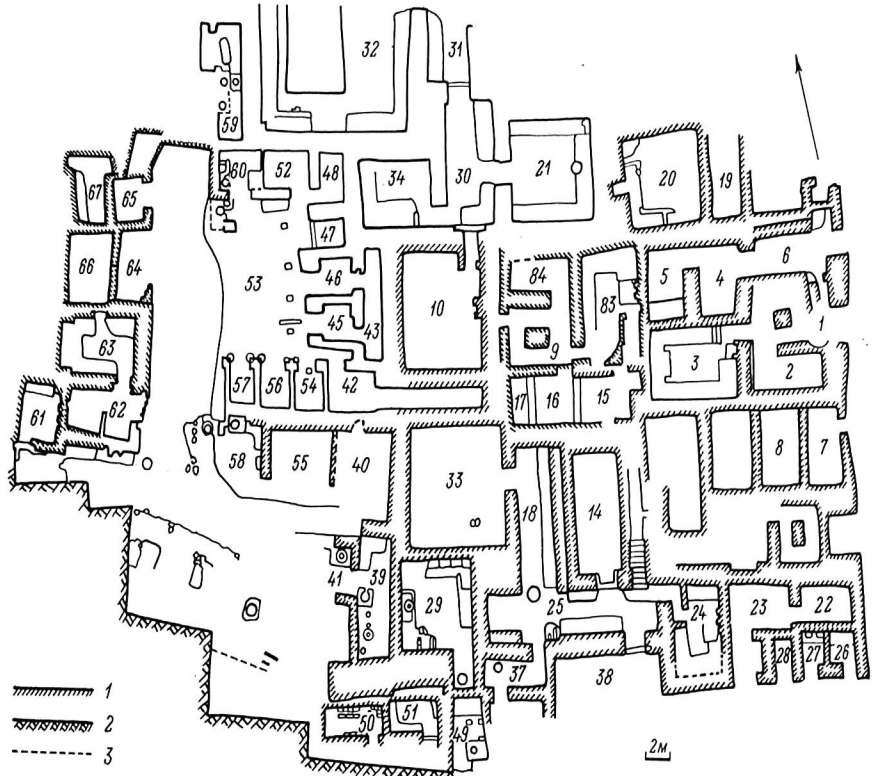

Рис. 18. Объект XVI. План южной части квартала.

1 — стены, *2* — край раскопа, *3* — реконструируемые части.

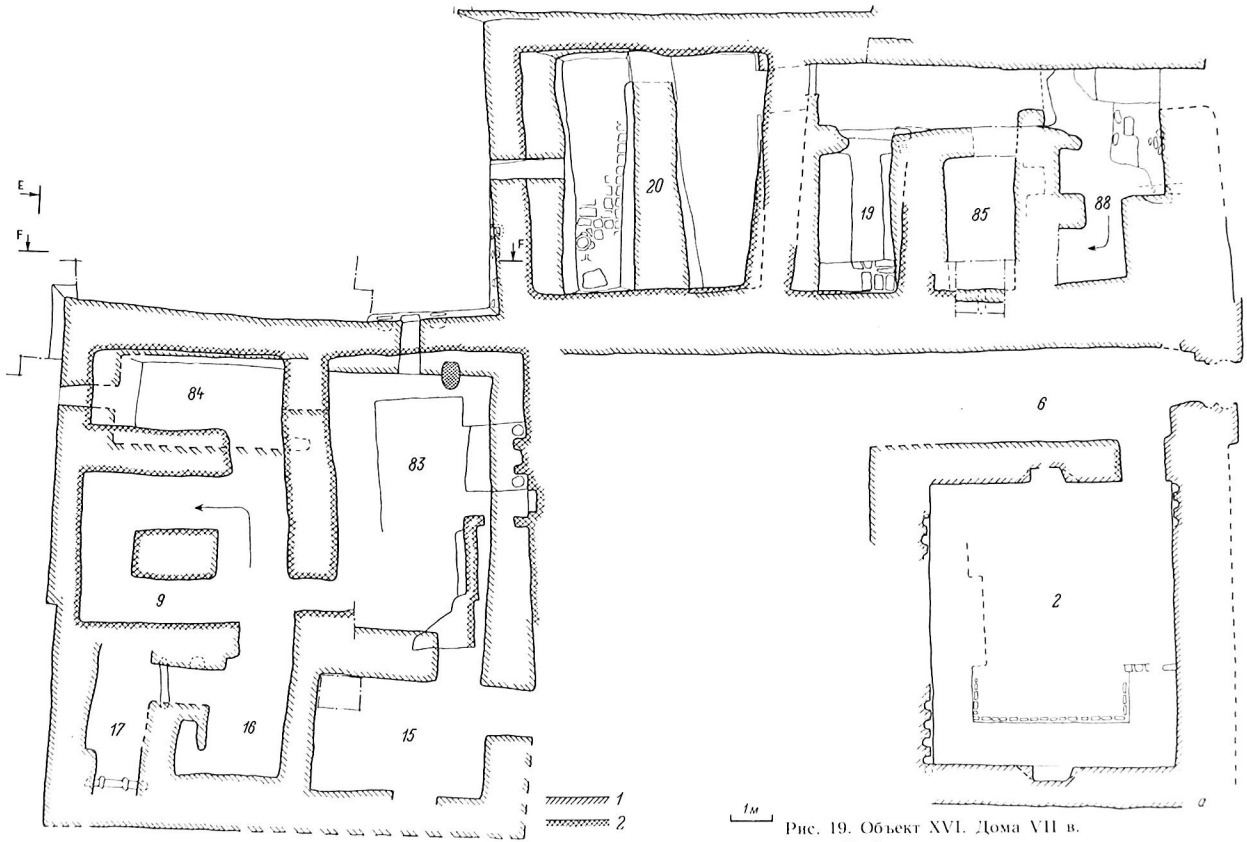

Рис. 19. Объект XVI. Дома VII в.

а — план, *б* — разрез, *в* — разрез Е—Е. *1* — стены 1-го этажа, *2* — стены 2-го этажа.

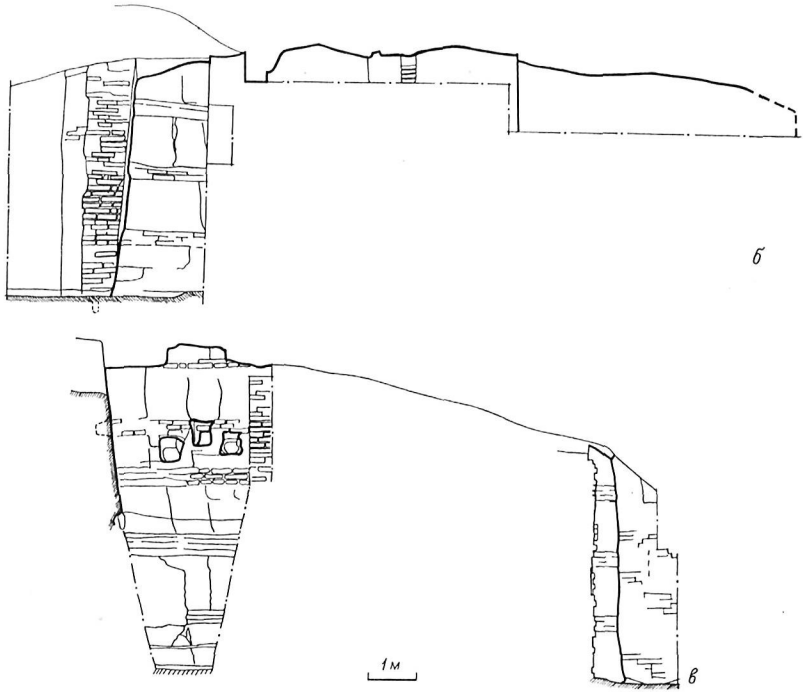

Рис. 19 (*продолжение*)

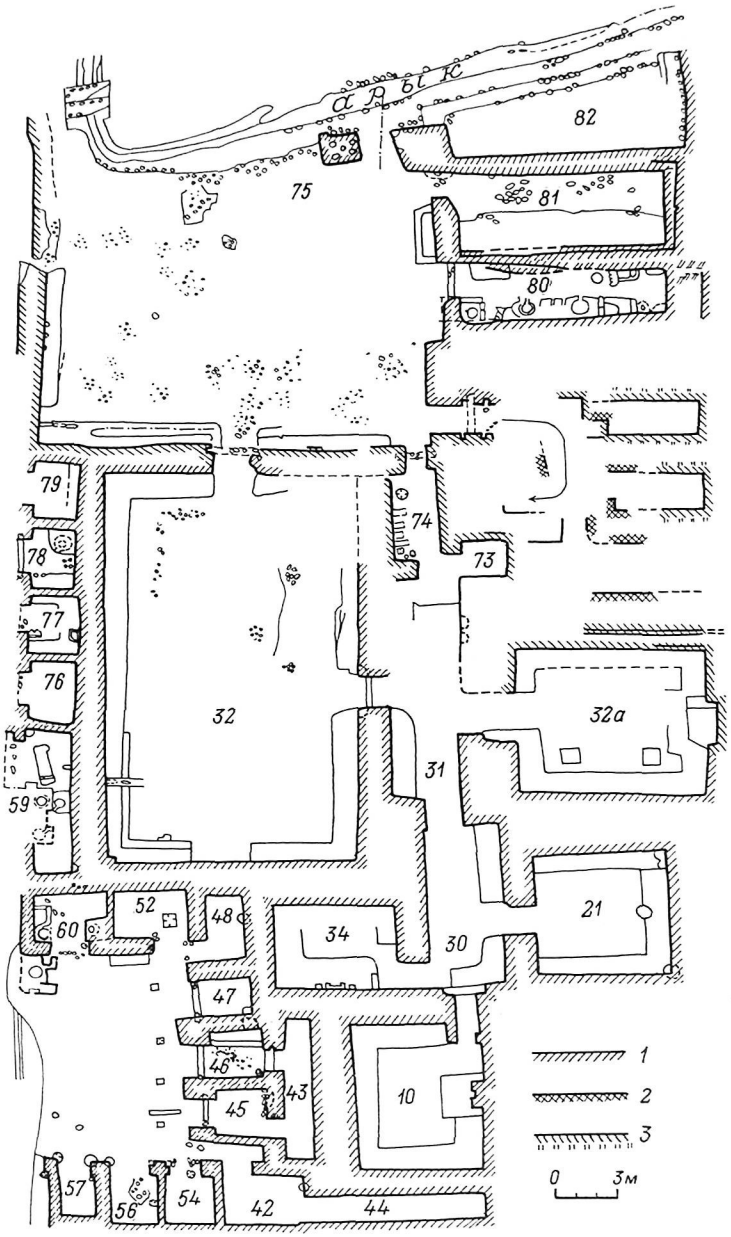

Рис. 20. Объект XVI. План самого крупного домовладения Пенджикента.

Рис. 21. Объект XVI. Вид с запада на двор, помещения 80—82 и пандус.

Рис. 22. Объект XVI. Помещение 80 (кухня), на заднем плане выход во двор.

Рис. 23. Объект XVI. Вид на парадный коридор (помещение 31), замыкает перспективу помещение 10.

Рис. 24. Объект XVI. На переднем плане помещение 10, *справа* — помещение 32, *слева* — проход в помещение 32а.

Рис. 26. Объект XVI. Среднеперсидская надпись на северной стене помещения 21. ⟶

Рис. 25. Объект XVI, помещение 10.

У восточной стены — очаг-алтарь, вдоль стен — суфы, на стенах — остатки живописи.

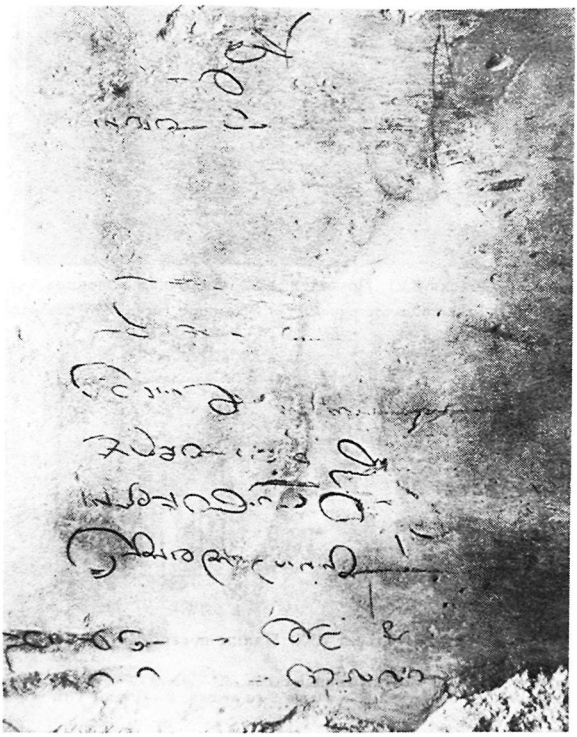
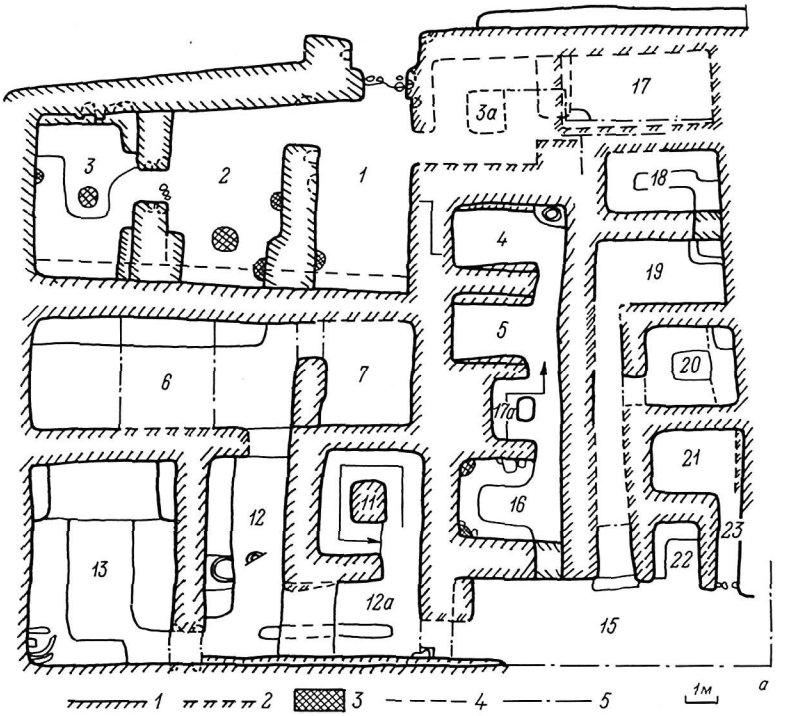

Рис. 27. Объект XVI. Помещение 32, восточная половина.
Видны суфы вдоль южной и восточной стен и камни в гнездах от баз колонн.

Рис. 28. Объект XIX. Планы построек. ⟶

а — 1-й этаж: *1* — стены 1-го этажа, *2* — разрушенные стены, *3* — очаги, *4* — реконструируемые части, *5* — край раскопа; *б* — 2-й этаж: *1* — стены 2-го этажа, *2* — стены 1-го этажа.

3
2
1
3а
17
18
4
19
5
20
6
7
17а
21
16
23
22
12
11
13
12а
15
1
2
3
4
5
1м
а

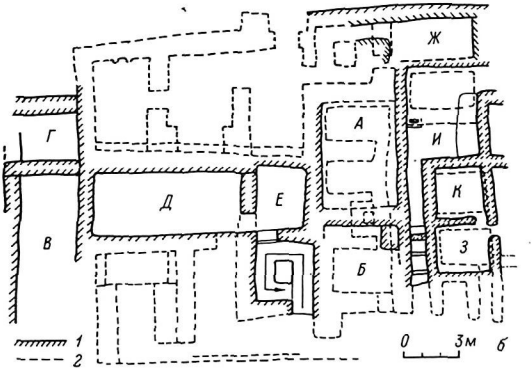

Ж
Г
А
И
Д
Е
К
В
З
Б
1
2
0
3м
б

Рис. 29. Объект XIX. Помещение 12, суфа вдоль северной стены; в суфе устроен танур.

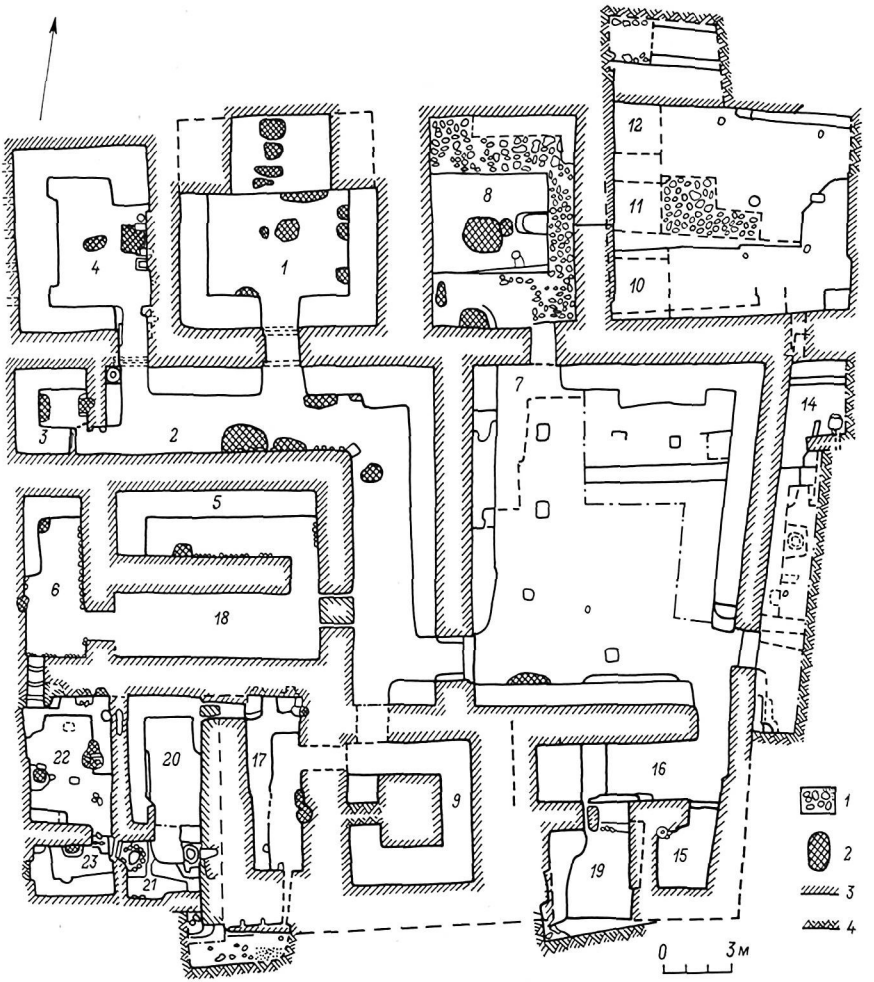

Рис. 30. Объект XXI. План.

1 — каменная вымостка, *2* — очаги, *3* — стены, *4* — края раскопов.

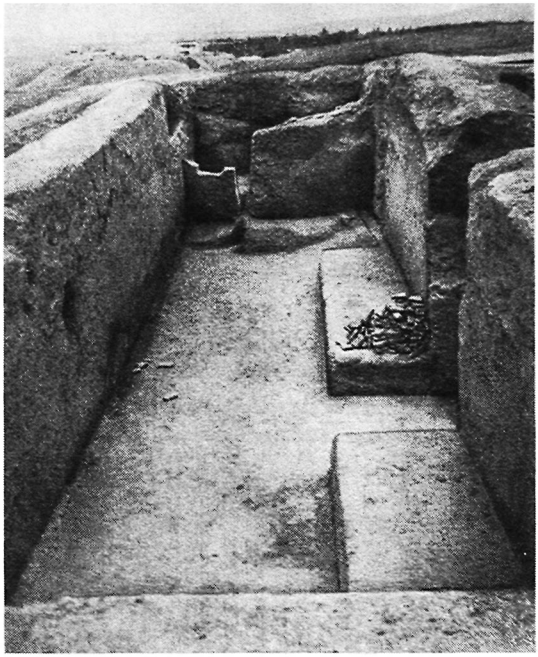

Рис. 31. Объект XXI. Парадный коридор.

На заднем плане — тамбурная стенка при входе в помещение 3, на суфе вдоль северной стены у входа в зал (помещение 1) сложена обожженная плитка из завала 2-го этажа над коридором.

Рис. 32. Объект XXII. Вид с запада на помещения 14—15.

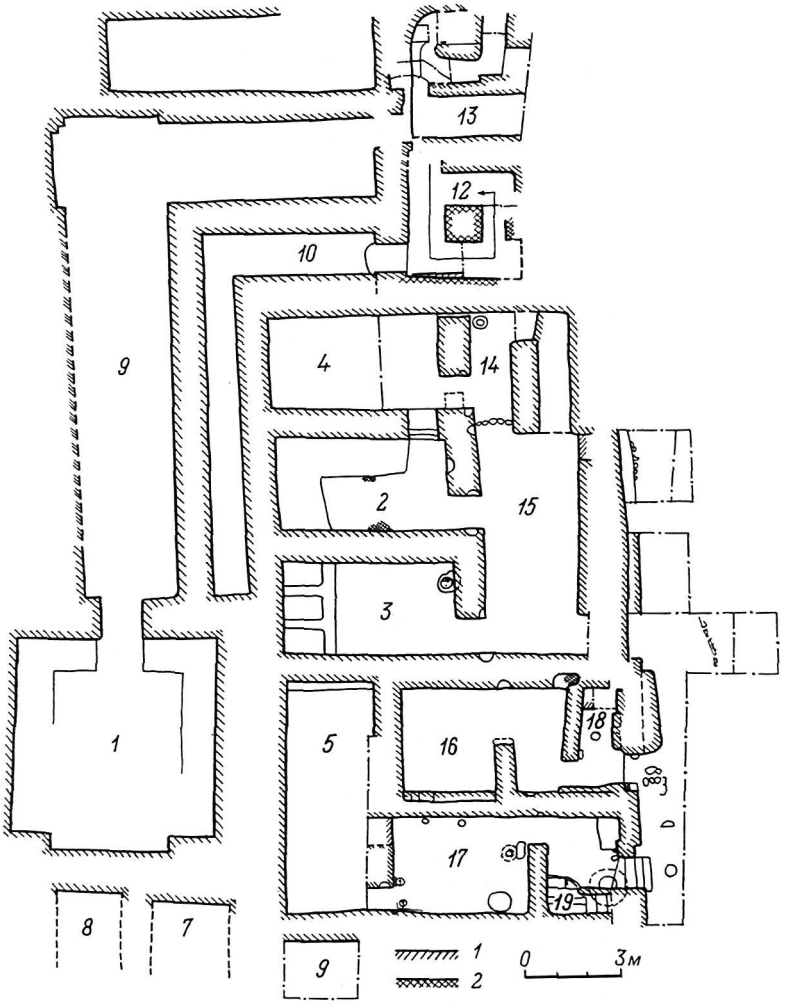

Рис. 33. Объект XXII. План.

1 — стены 1-го этажа, *2* — стены 2-го этажа.

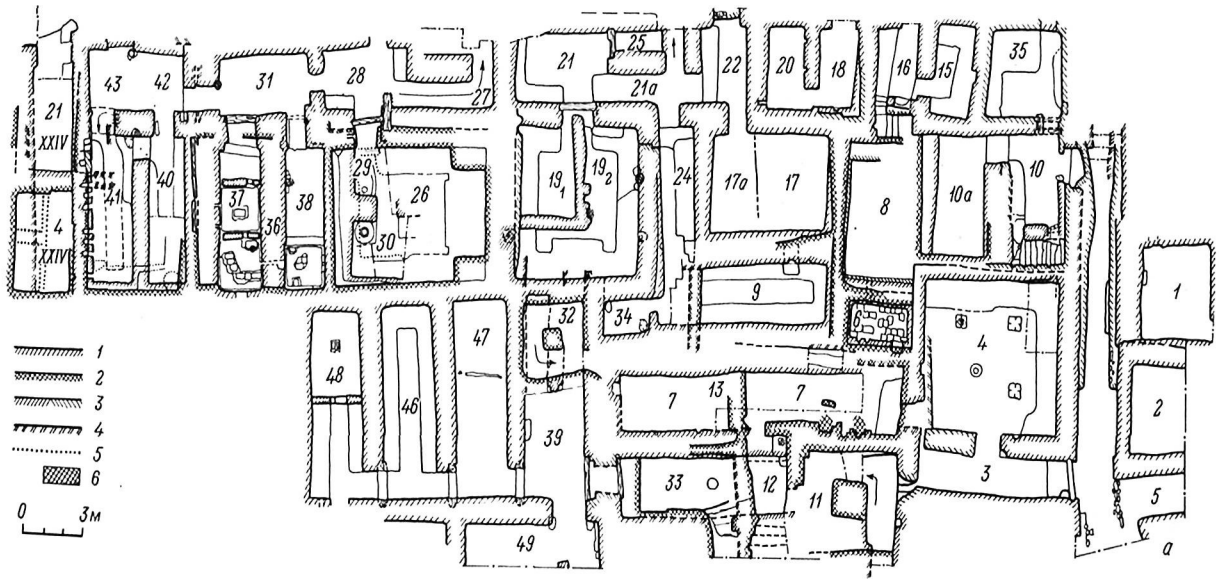

Рис. 34. Объект XXIII.

а — план северной части: *1* — стены 1-го этажа, *2* — стены 2-го этажа, *3* — перестроенные стены 1-го этажа, *4* — стены от зданий более раннего периода, *5* — суфы помещений 2-го этажа, расположенные над раскопанными помещениями 1-го этажа, *6* — очаги; *б—д* — планы отдельных жилищ.

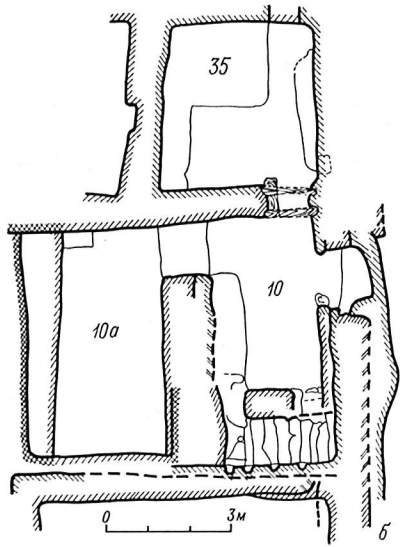
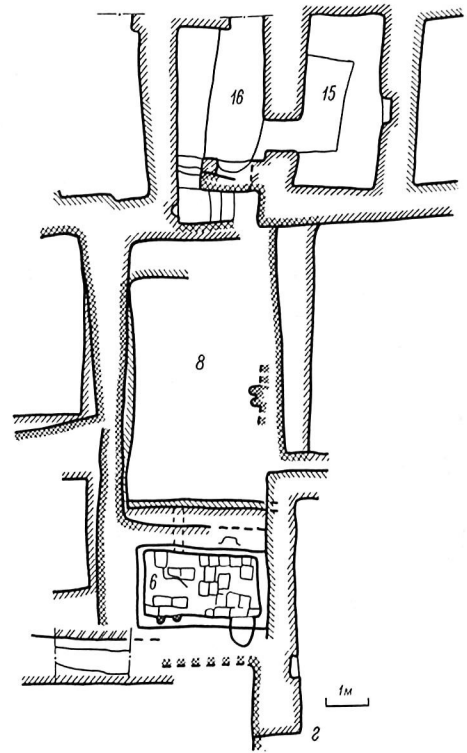

Рис. 34 (*продолжение*).

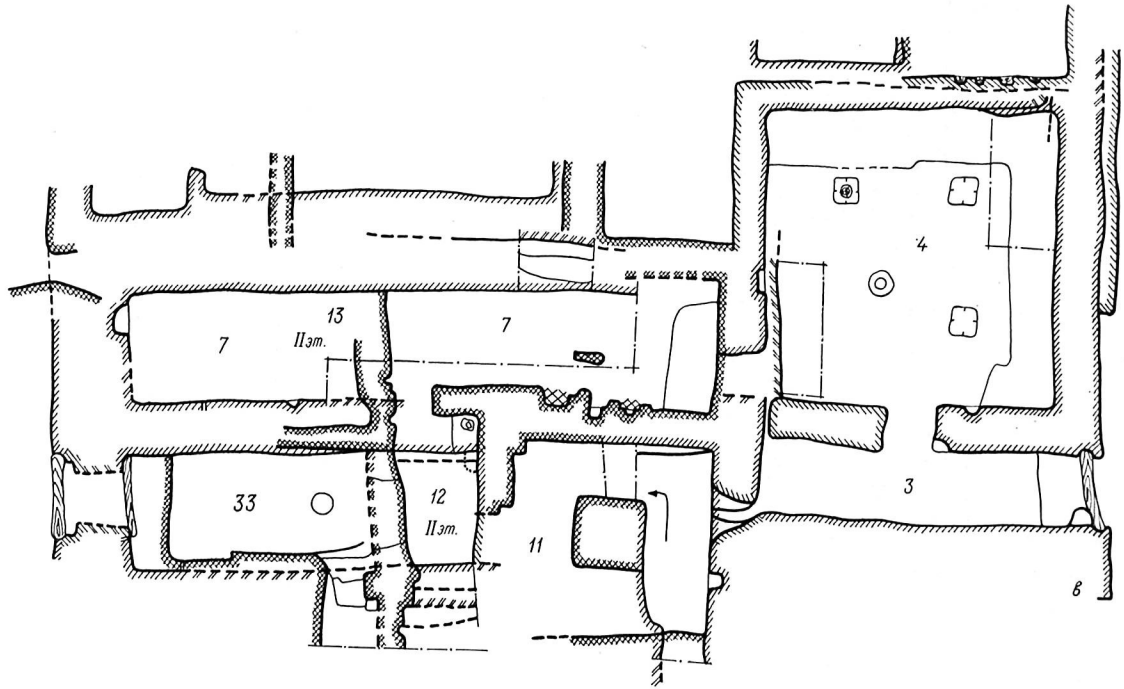

Рис. 34 (*продолжение*).

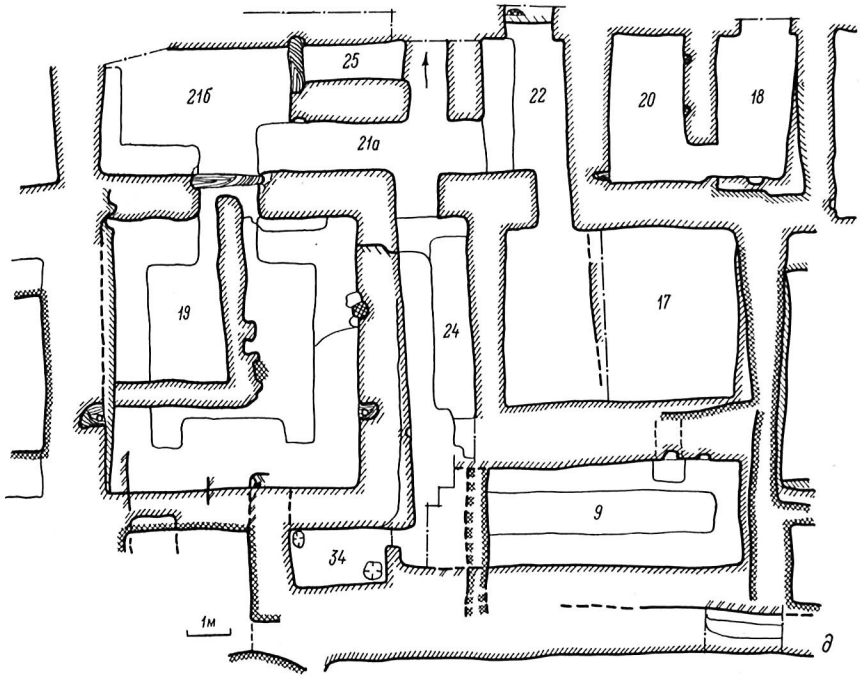

Рис. 34 (*продолжение*).

Рис. 35. Объект XXIII. Вид с севера.

а — восточная часть, *б* — западная.

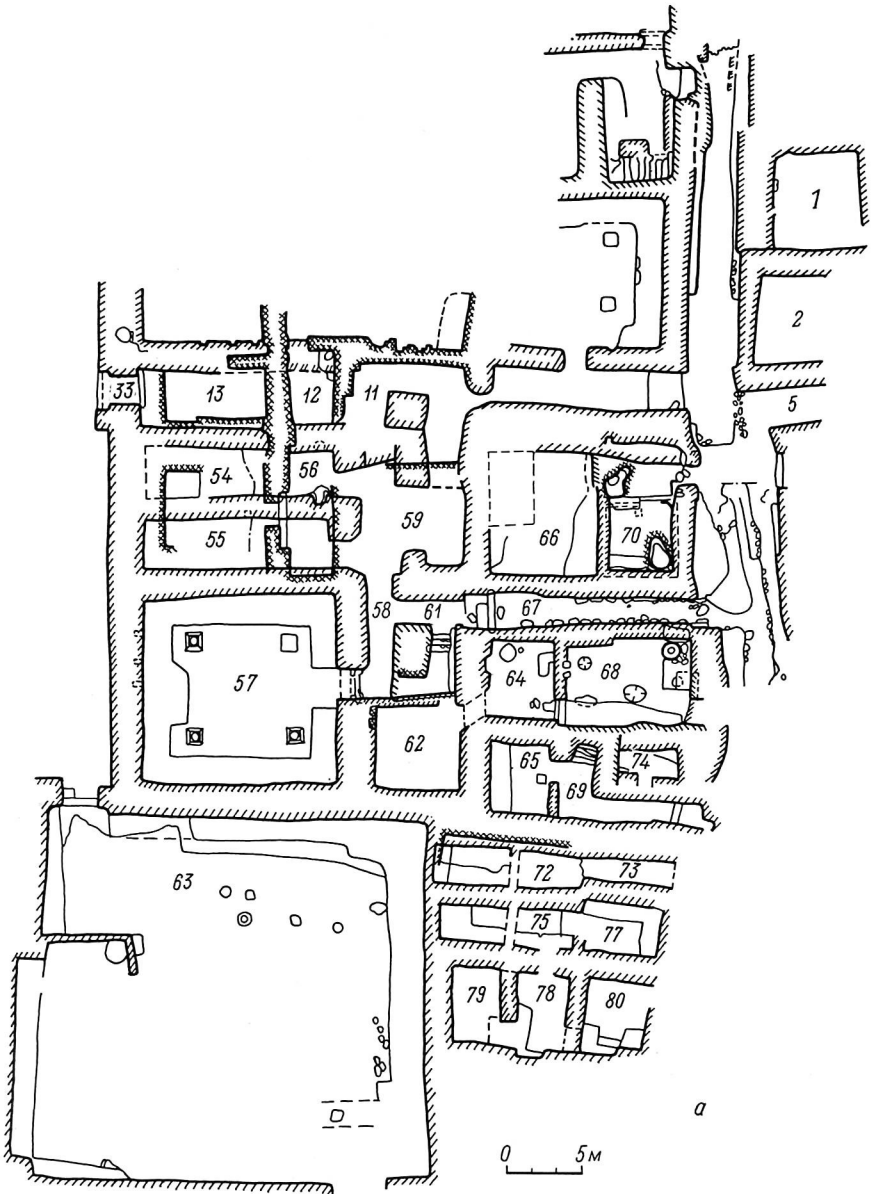

Рис. 36. Объект XXIII. Восточная часть.

а — план; *б* — аксонометрия дома с залом (помещение 57), украшенным резным деревом; *в* — аксонометрия дома у юго-западного угла квартала.

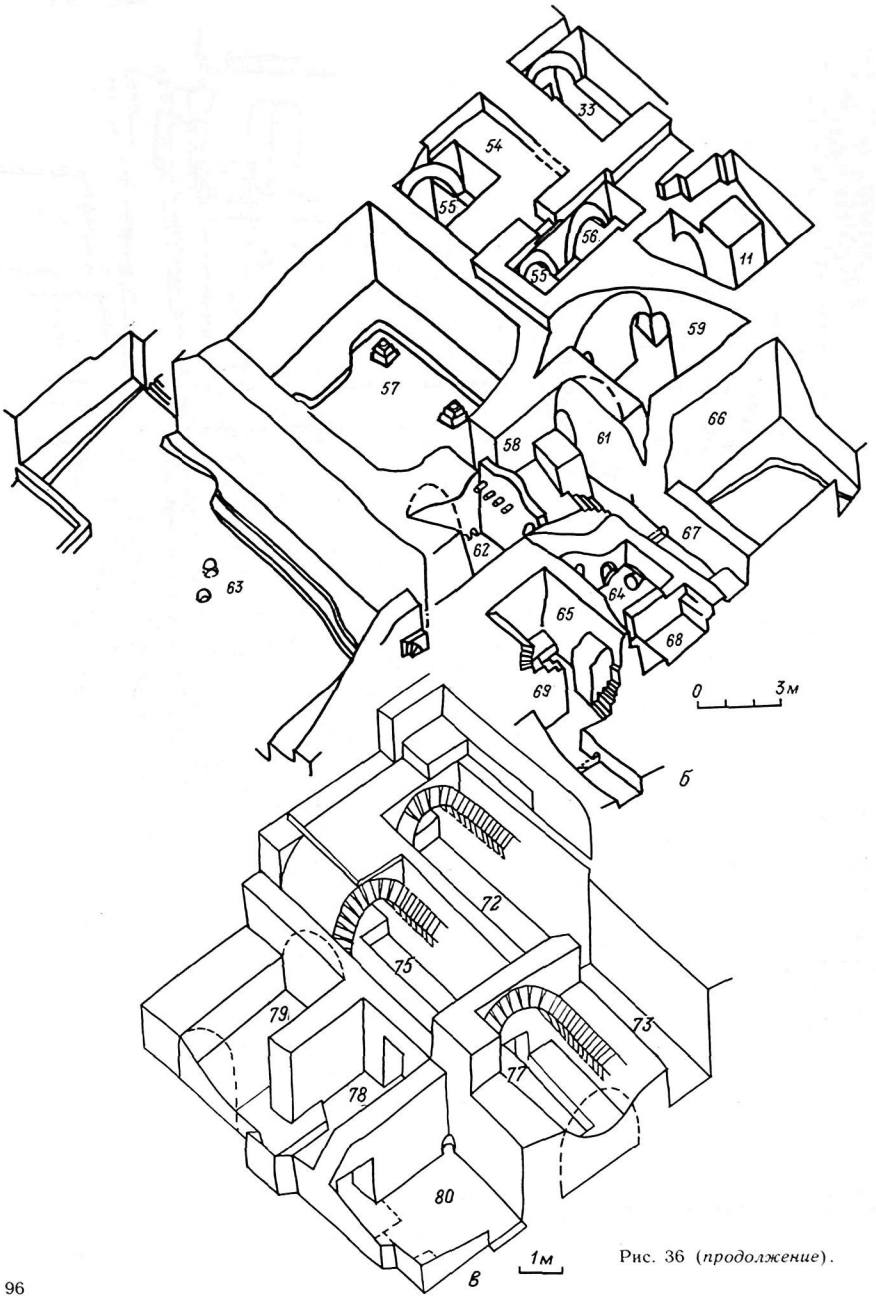

Рис. 36 (*продолжение*).

Рис. 37. Объект XXIII. Вид на помещение 57 и соседние с ним.

Рис. 38. Объект XXIII. Сводчатый вестибюль (помещение 35), служивший одновременно лавочкой.

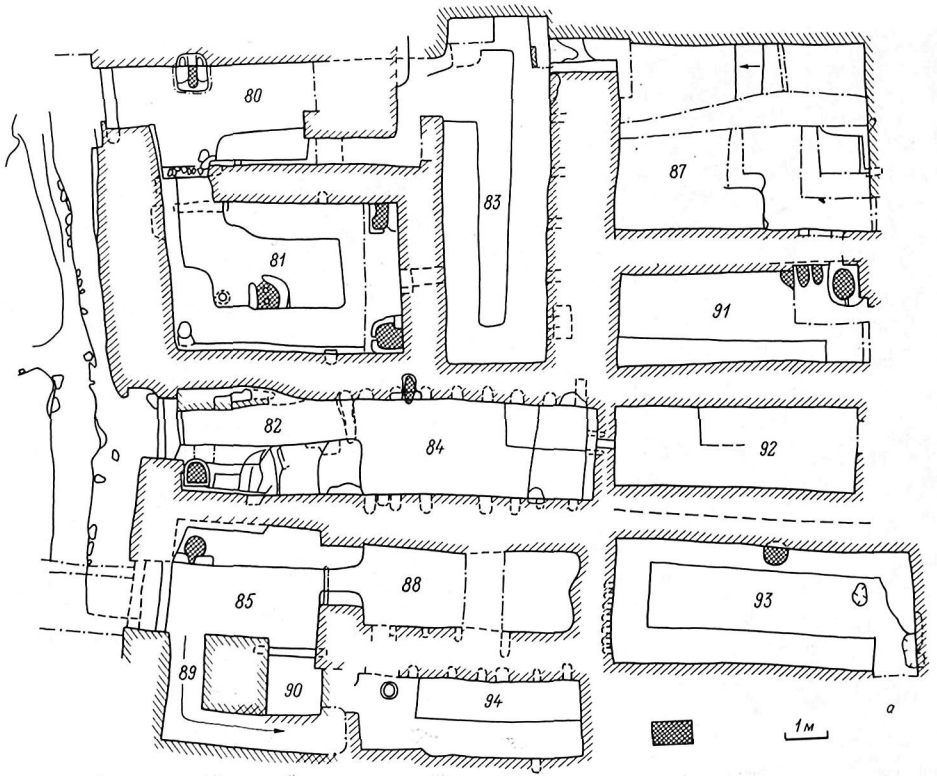

Рис. 39. Объект XXIII. Жилища на восточной стороне переулка между улицами, ведущими к цитадели и к южным воротам города.
а — план, *б* — аксонометрия.
Заштрихованы очаги.

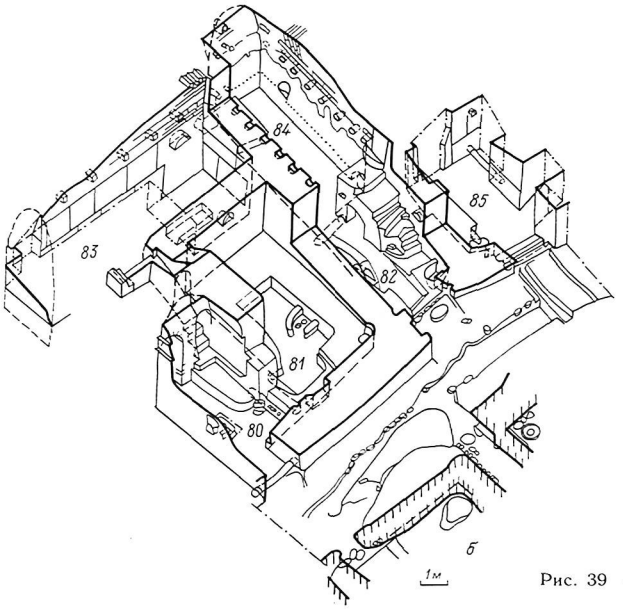

Рис. 39 (*продолжение*).

Рис. 40. Объект XXIII. Помещение 81, *юго-восточный угол.* Рейка стоит на суфе, в восточной стене ниша.

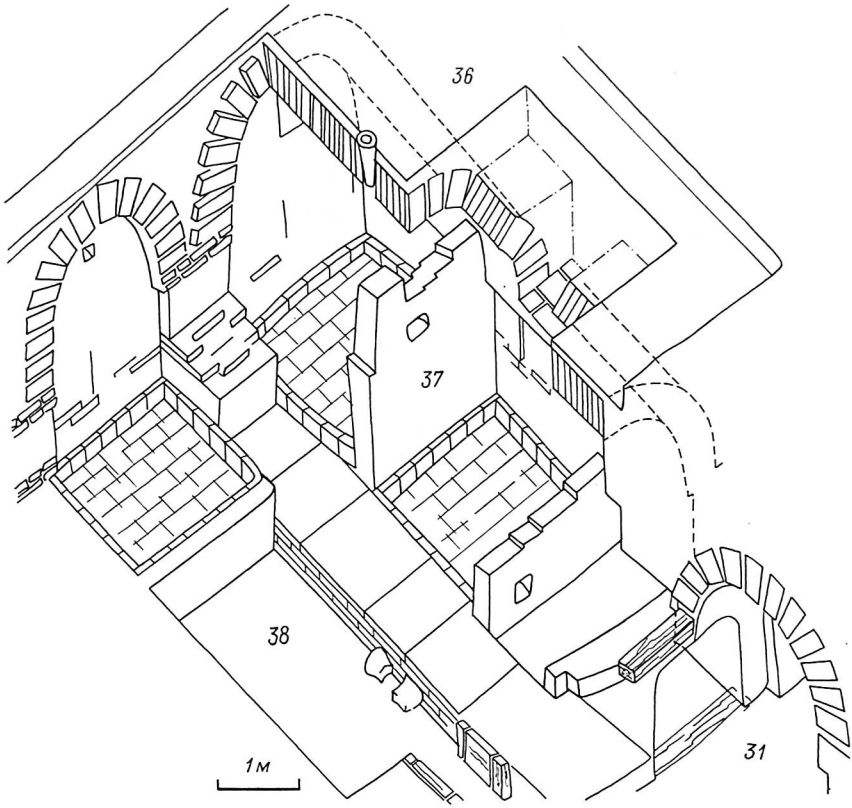

Рис. 41. Объект XXIII. Астрометрия зернохранилища.

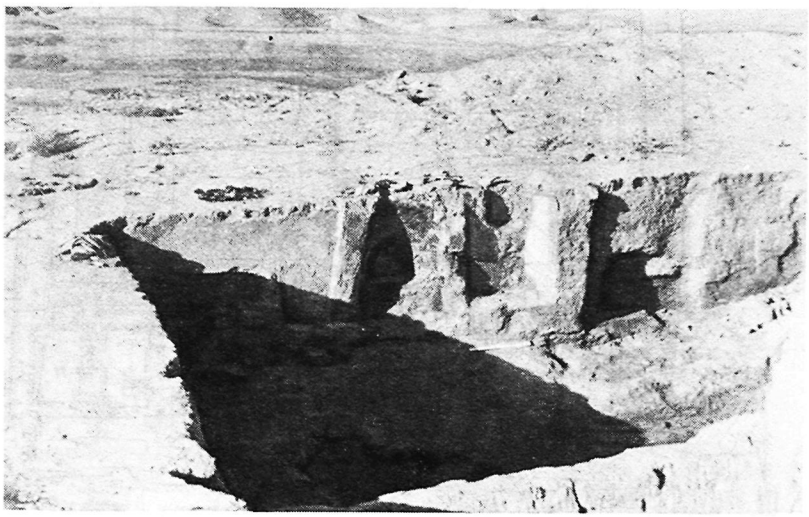

Рис. 42. Объект XXIII. Очаг-алтарь у южной стены помещения 2-го этажа (помещение 7).

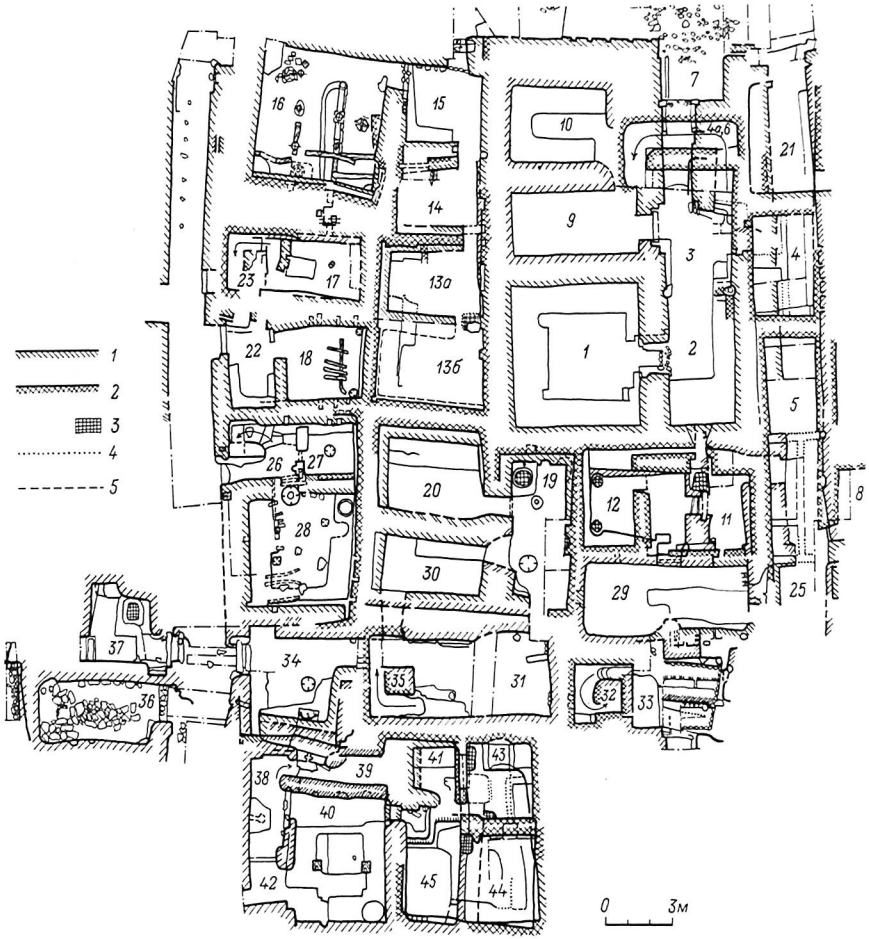

Рис. 43. Объект XXIV. План.

1 — стены 1-го этажа, *2* — стены 2-го этажа, *3* — очаги, *4* — реконструируемые части, *5* — стены, реконструируемые по сохранившимся следам.

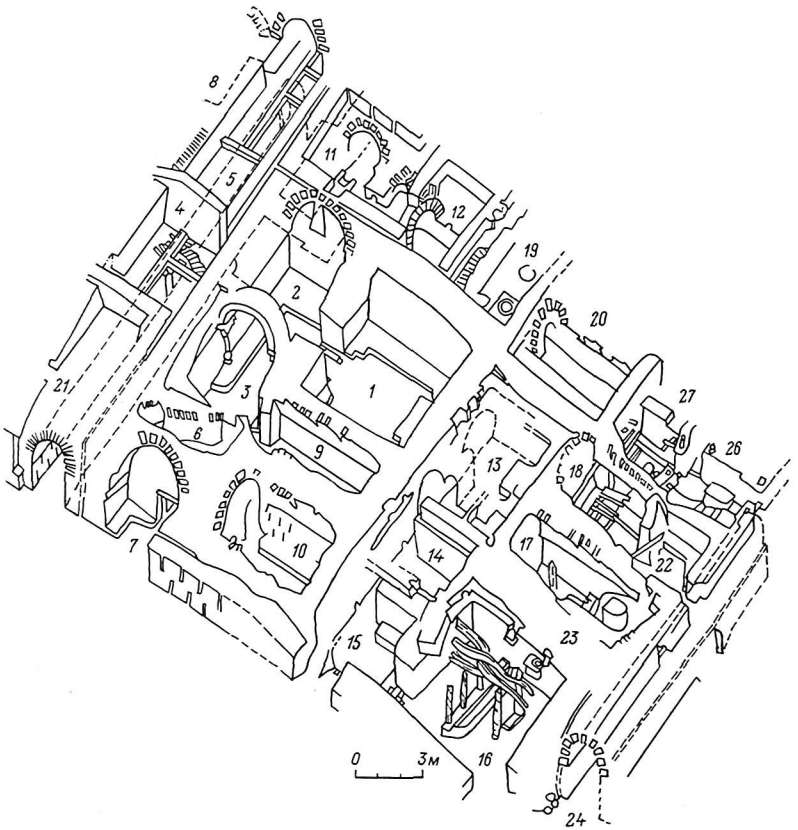

Рис. 44. Объект XXIV. Аксонометрия северной части объекта.

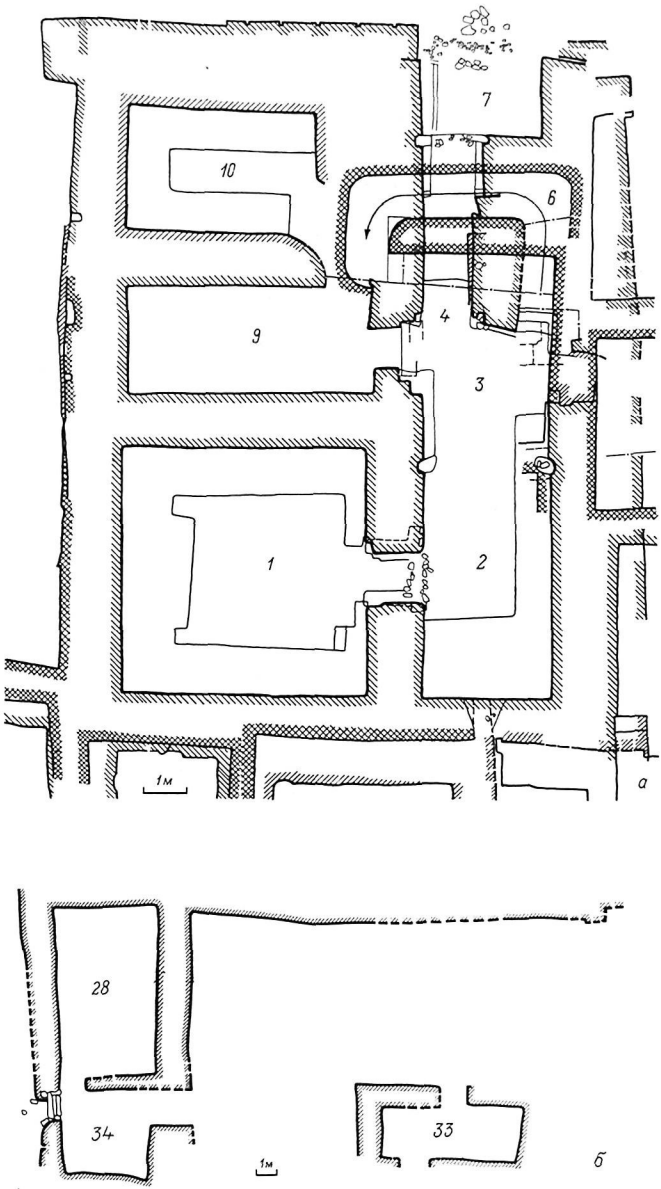
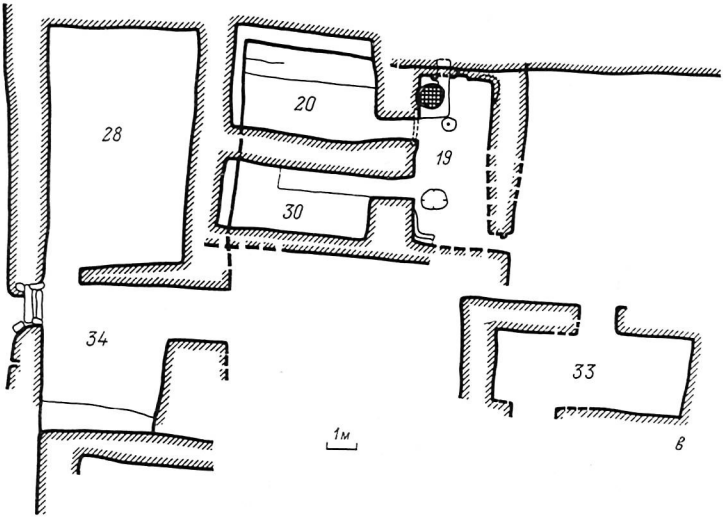

Рис. 45. Объект XXIV. Планы жилищ (*а—г*) и аксонометрия (*д*).

а — план прямоугольного жилища VII—1-й четверти VIII в., *б* — план жилища 2-й половины VII в., *в* — конца VII в., *г* — конца VII—1-й четверти VIII в.; *д* — аксонометрия жилища конца VII—1-й четверти VIII в.

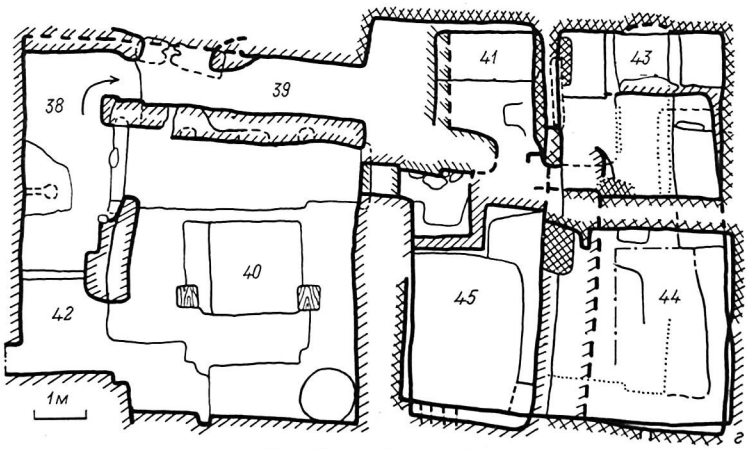

Рис. 45 (*продолжение*).

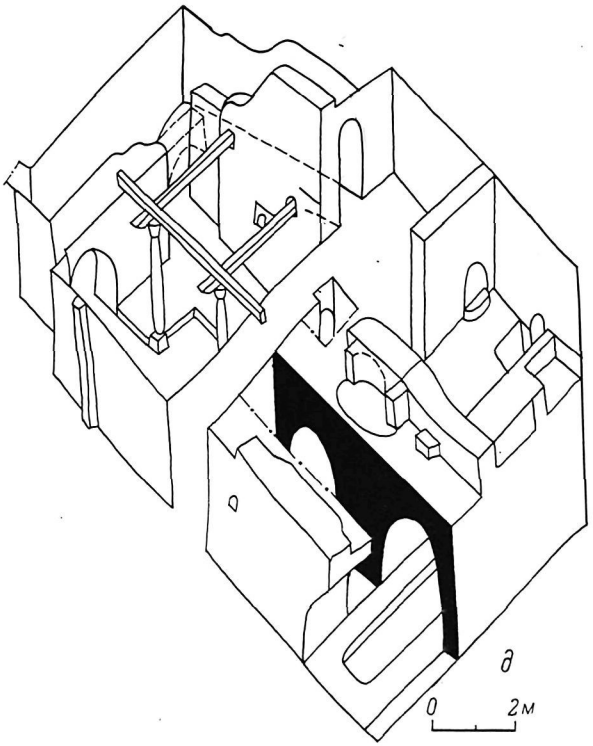
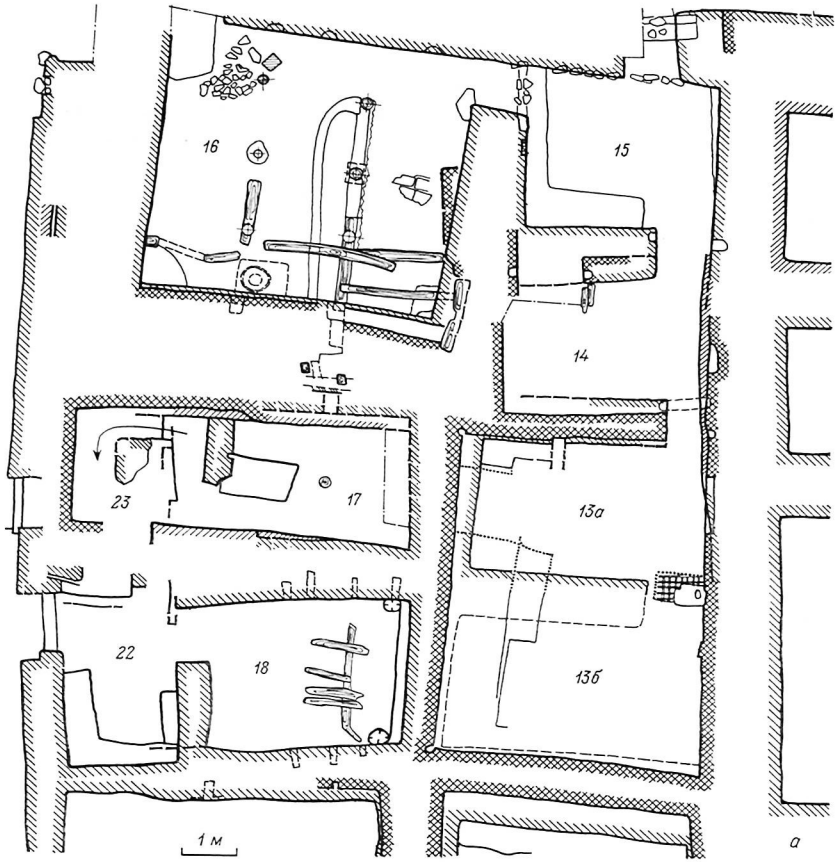

Рис. 45 (*продолжение*).

Рис. 46. Объект XXIV. Планы жилищ VIII в.

а — план жилища 1-й четверти VIII в. (в северо-западном углу квартала), *б* — 1-й четверти, *в* — 40—50-х гг., *г* — 60—70-х гг. VIII в.

16
15
14
23
17
13а
22
18
13б
1 м
а

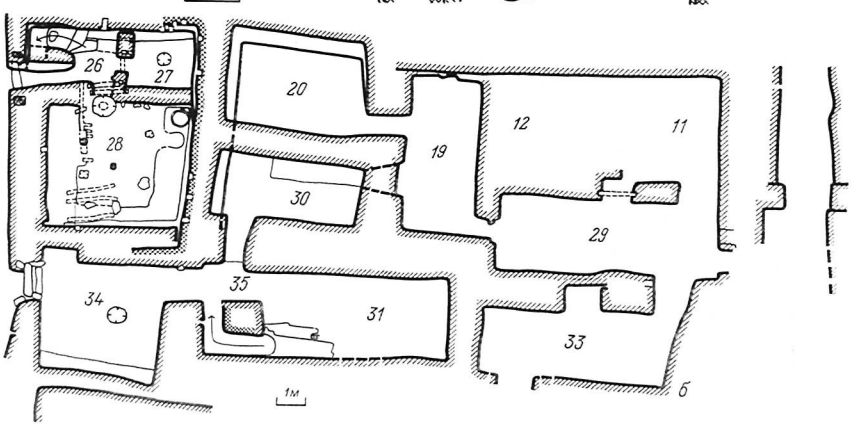

26
27
20
12
11
28
19
30
29
35
34
31
33
1м
б

Рис. 46 (*продолжение*).

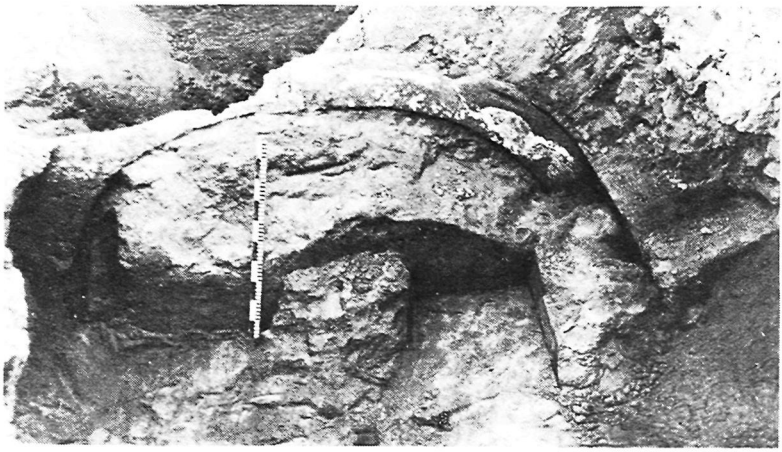

Рис. 47. Объект XXIV. Вид с севера. Арка между помещениями 2 и 3.
Видны остатки росписи.

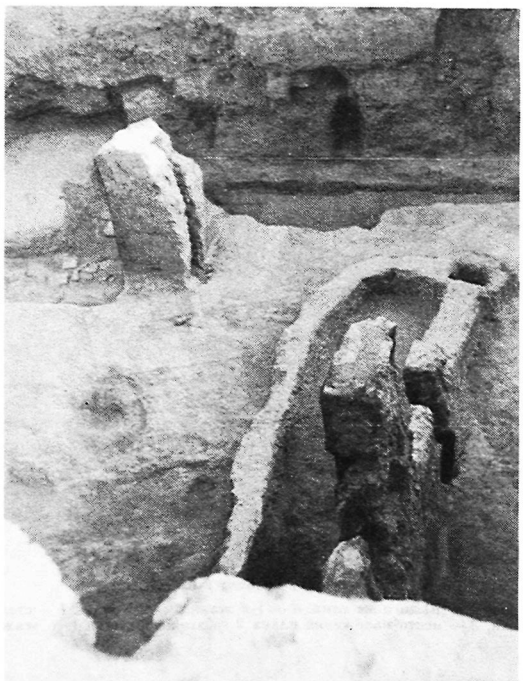

Рис. 48. Объект XXIV. Помещение 16.
Видны гнезда от столбов и глиняная кормушка для ослов.

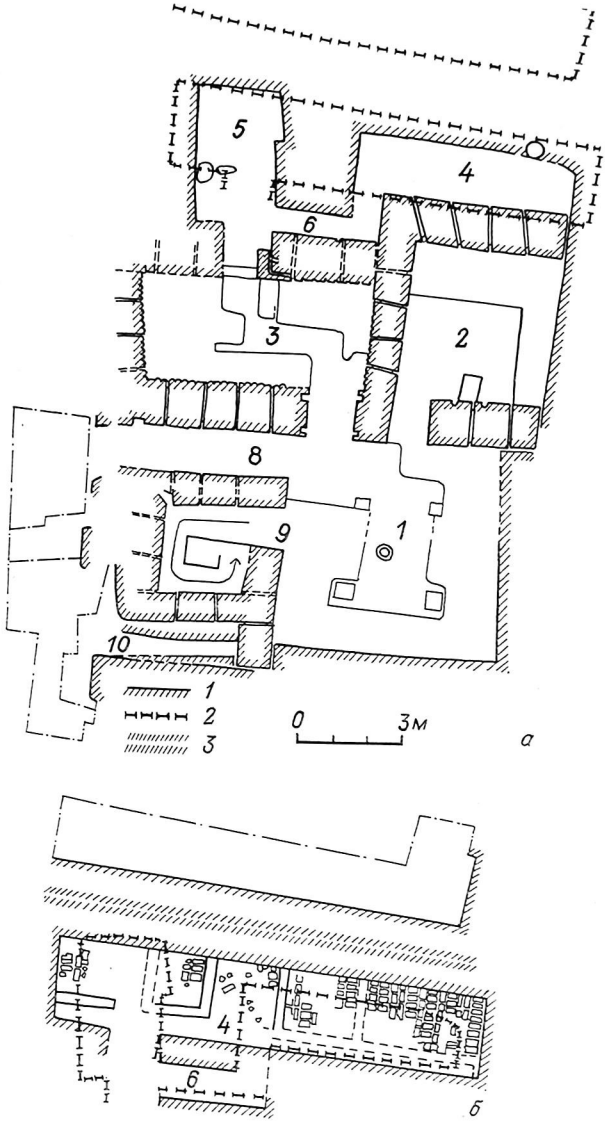

Рис. 49. Объект XXV.

Планы (*а—б*) и аксонометрия (*в*) того же дома. *а* — 1-й этаж, *б* — 2-й этаж. *1* — стены, *2* — стены другого этажа, *3* — места наложения плана 2-го этажа на план 1-го этажа.

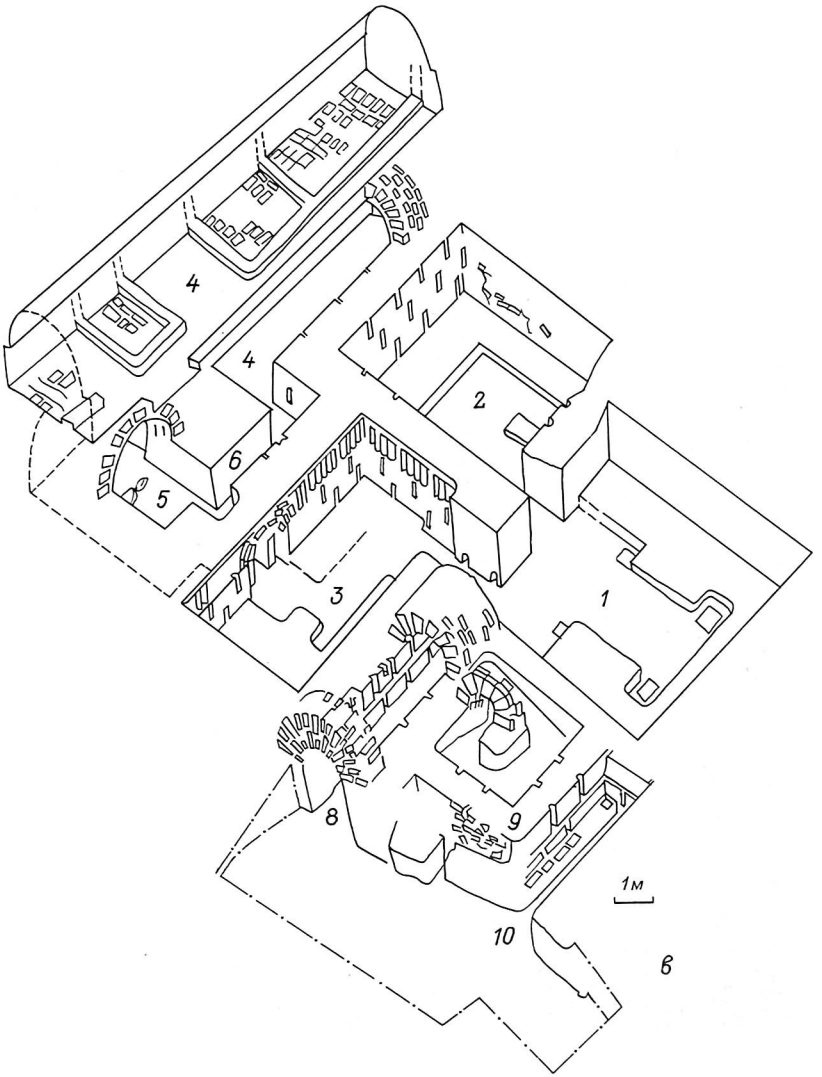

Рис. 49 (*продолжение*).

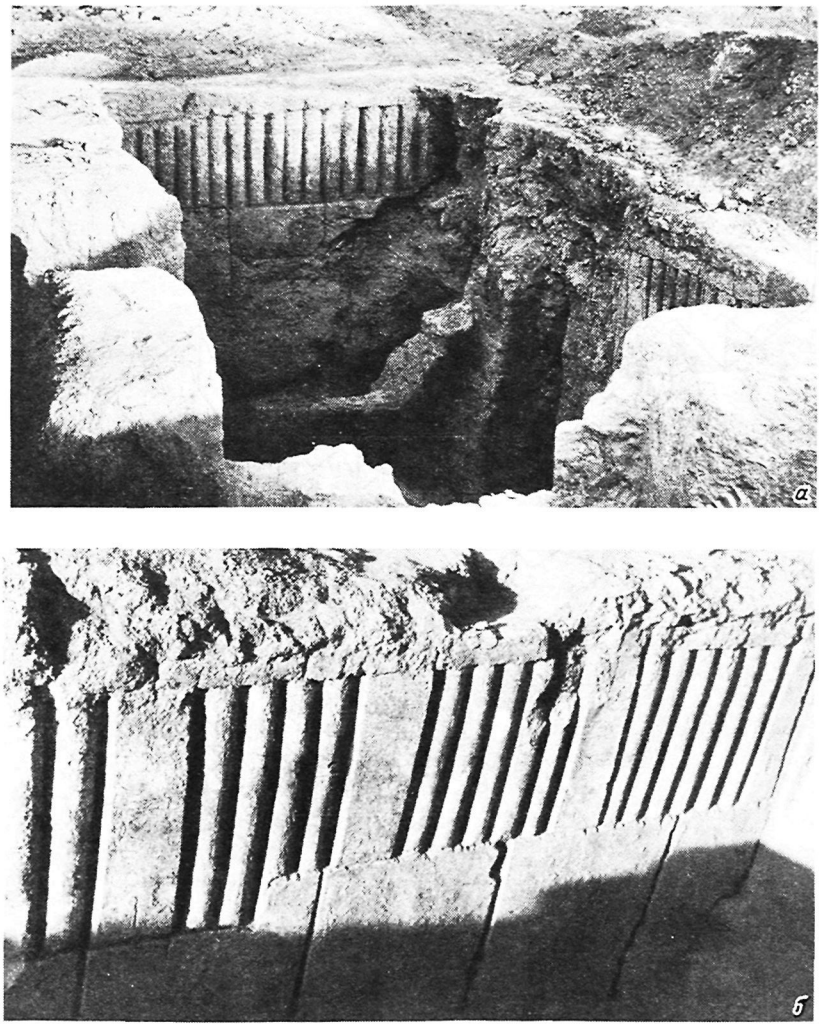

Рис. 50. Объект XXV. Помещение 3 с гофрированными стенами (*а*) и деталь стены (*б*).

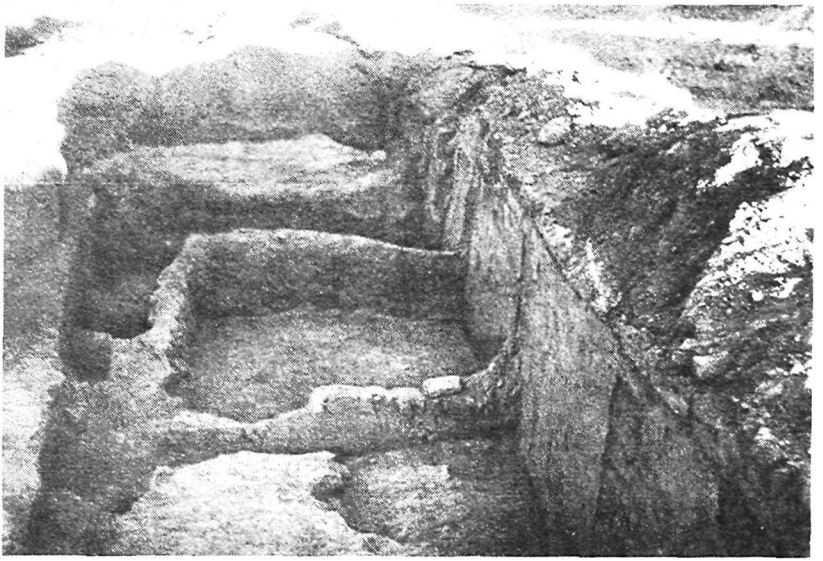

Рис. 51. Объект XXV. Остатки конструкций зернохранилища на 2-м этаже (помещение 4).

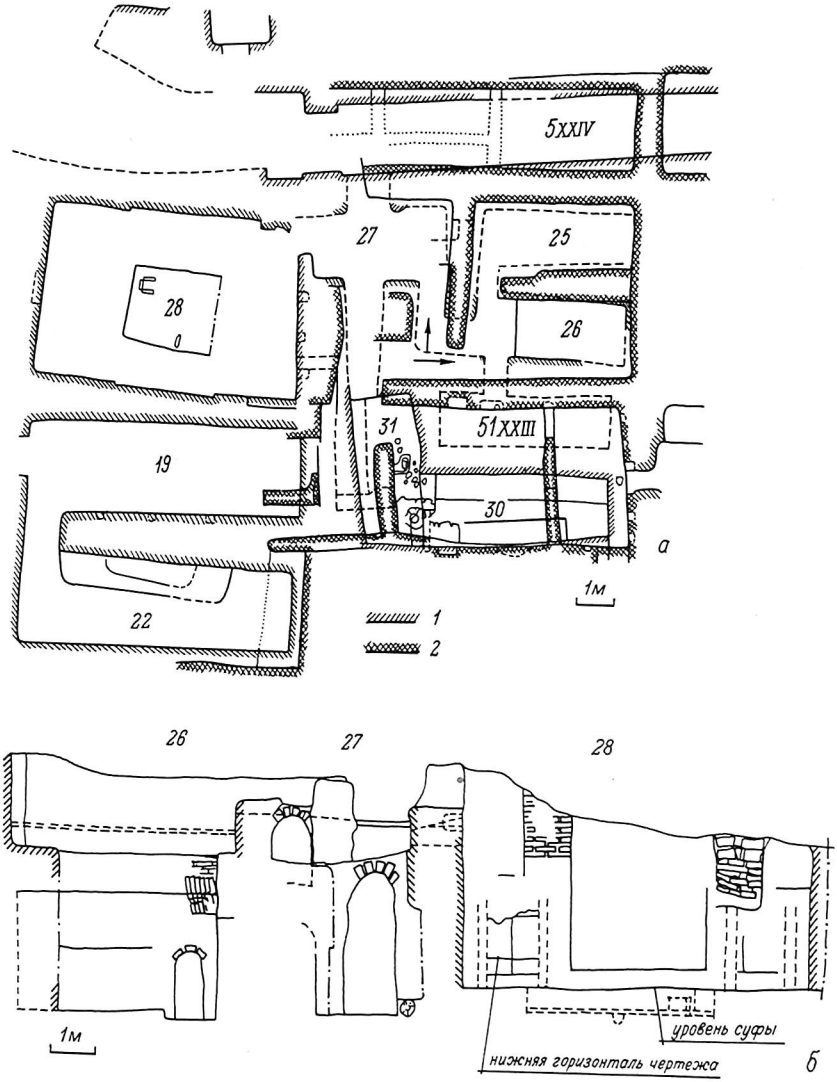

Рис. 52. Объект XXV. Дом с зернохранилищем.

а — план, *б* — разрез (на разрезе указано место чертежей древних строителей). *1* — стены 1-го этажа, *2* — стены 2-го этажа.

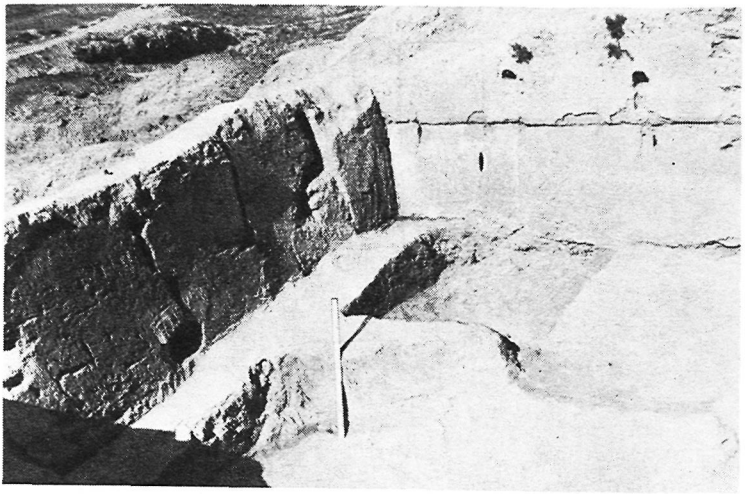

Рис. 53. Объект XXV. Помещение 25, зернохранилище на 2-м этаже.
Видны остатки ларей, обмазка алебастром стен и гнезда от балок антресолей.

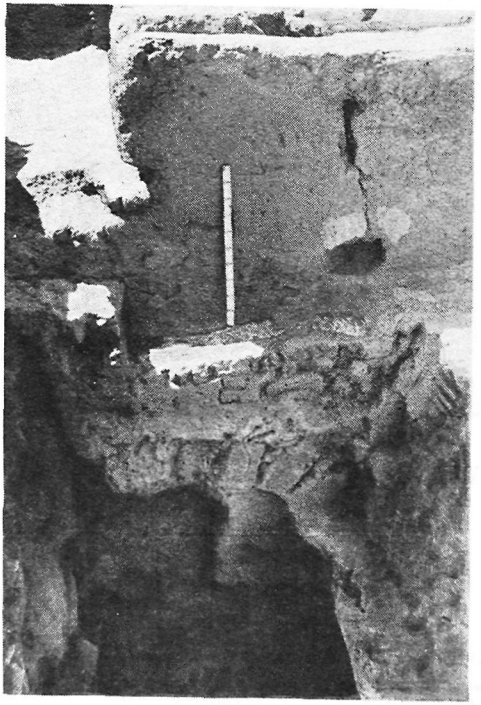

Рис. 54. Объект XXV. Зернохранилище над помещением 26.

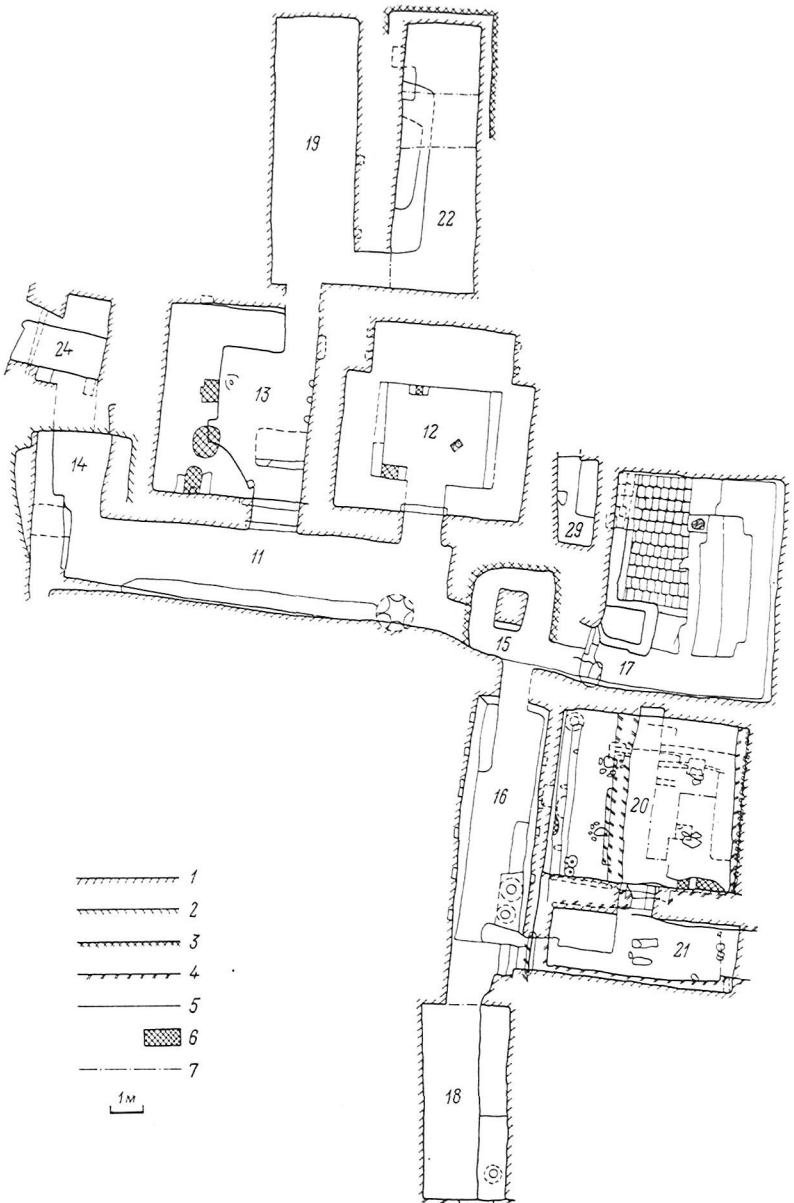

Рис. 55. Объект XXV. План дома 1-й четверти—40—50-х гг. VIII в.

1—4 — стены помещений: *1* — 1-го этажа 1-й четверти VIII в., *2* — перестроенные в 40—50-е гг. VIII в., *3* — 2-го этажа, *4* — VIII в.; *5* — суфы и ступени, *6* — очаги, *7* — края раскопов.

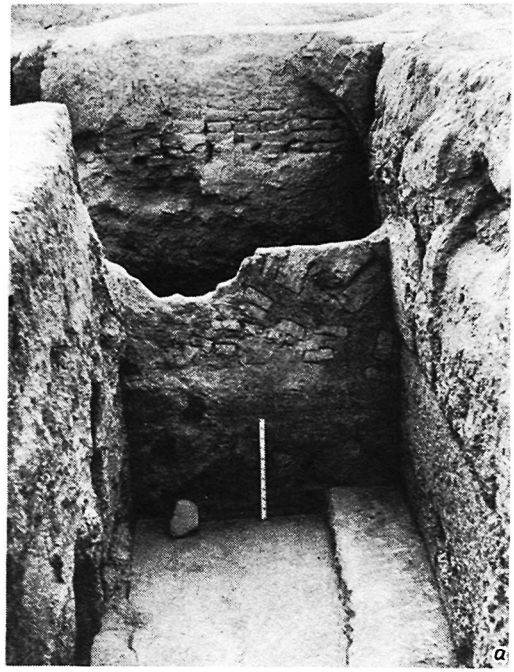
Рис. 56. Объект XXV. Зернохранилище в помещении 17.
Справа у стены — суфа VII в.

Рис. 57. Объект XXV. Помещение 16, вид с юга.
В боковых стенах — гнезда от балок антресолей.

Рис. 58. Объект XXV. Помещение 19.
Над сводом — остатки межэтажного перекрытия.

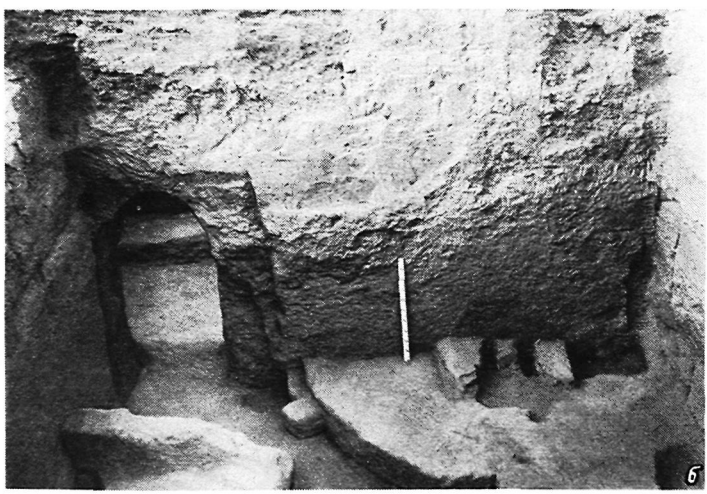

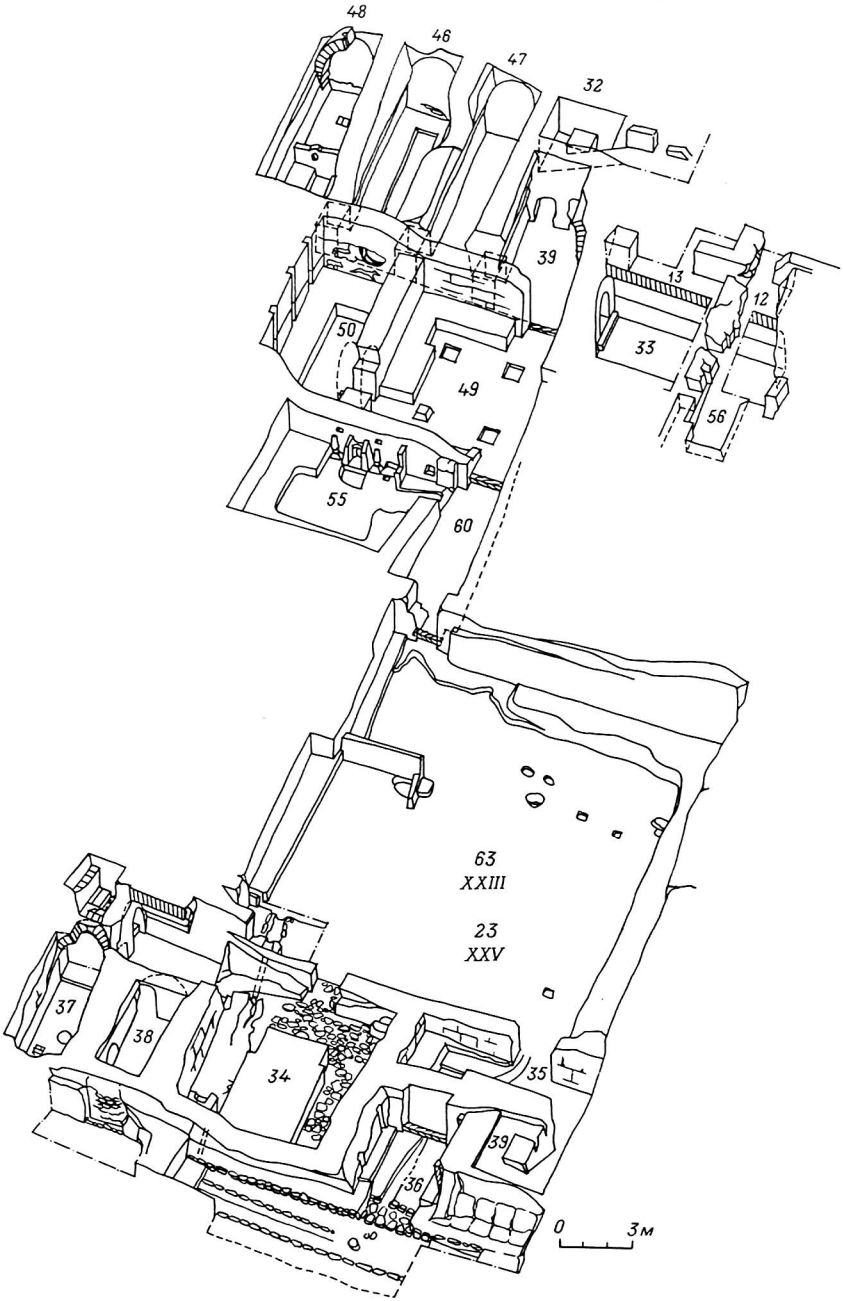
Рис. 59. Объект XXV.

а — помещение 11, вид с запада, вдоль южной стены — суфа; *б* — помещение 13, в южной стене — проход в помещение 11, виден бытовой пристенный очаг.

Рис. 60. Объект XXV. Ниша с живописью в торцовой стене помещения 18.

Рис. 61. Объект XXIII/XXV. Аксонометрия домовладения, третьего по площади в Пенджикенте.
От помещения 63 *кверху* нумерация по объекту XXIII, *книзу* — по объекту XXV.

48
46
47
32
39
13
12
33
56
50
49
55
60
63
XXIII
23
XXV
37
38
34
35
39
36
0
3м

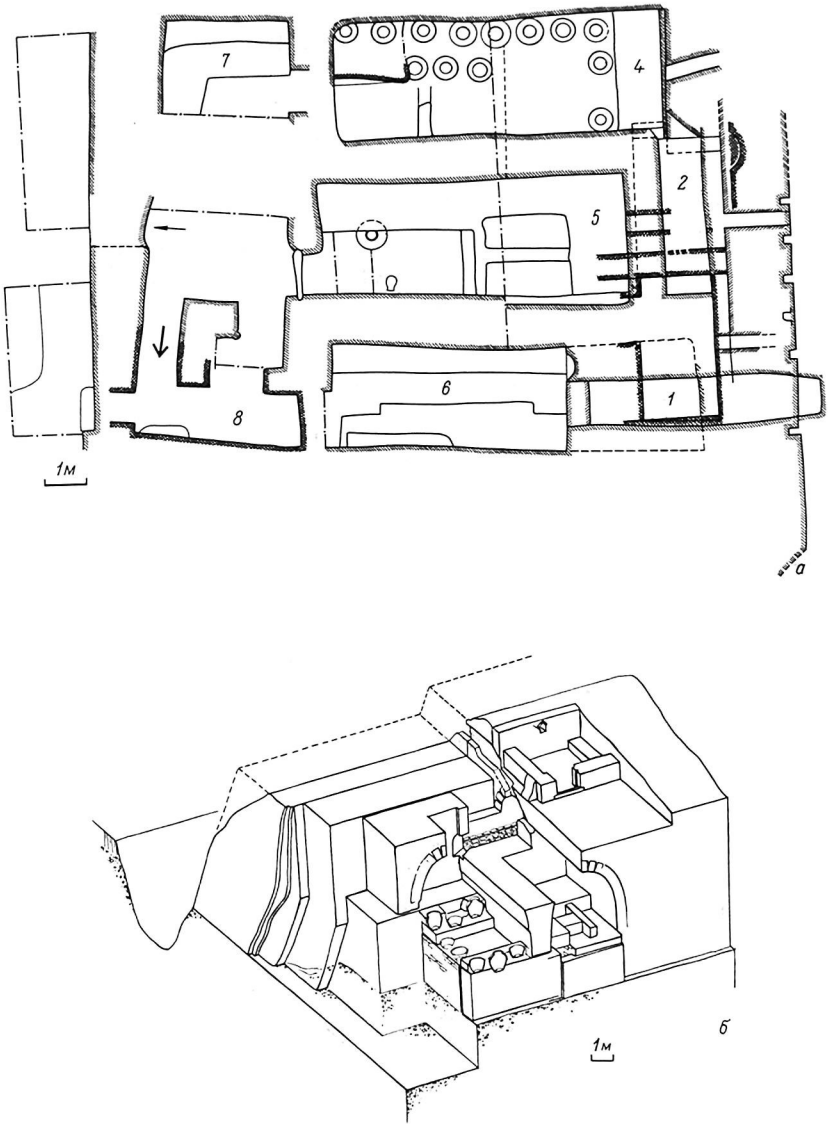

Рис. 62. Объект XXVIII. План жилища (*а*) и его аксонометрия (*б*).

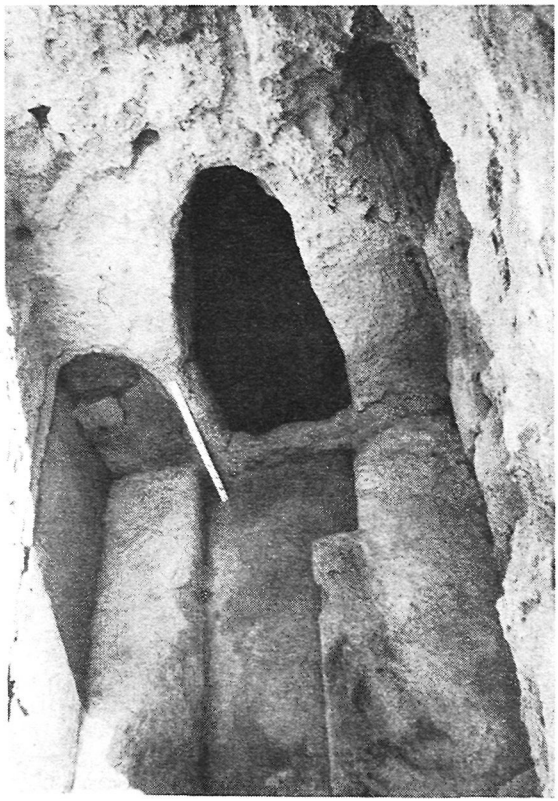

Рис. 63. Объект XXVIII. Помещение 5.

Видны проход в кладовку (*справа*) в теле городской стены и суфы вдоль стен.

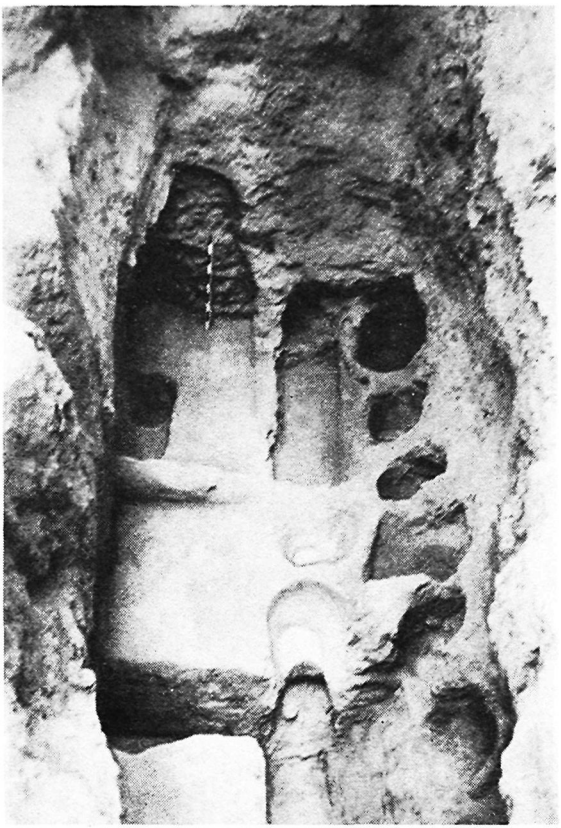

Рис. 64. Объект XXVIII. Хранилище в помещении 4.
Видны стенки ларей и остатки хумов, стоявших вдоль южной стены.

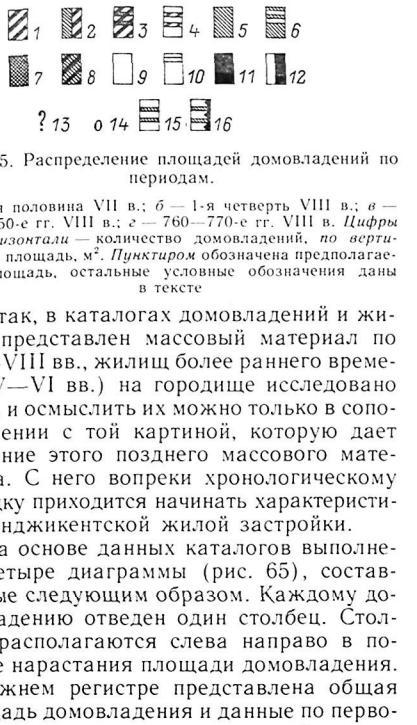

Рис. 65. Распределение площадей домовладений по периодам.

а — 2-я половина VII в.; *б* — 1-я четверть VIII в.; *в* — 740—750-е гг. VIII в.; *г* — 760—770-е гг. VIII в. *Цифры по горизонтали* — количество домовладений, *по вертикали* — площадь, м². *Пунктиром* обозначена предполагаемая площадь, остальные условные обозначения даны в тексте

Итак, в каталогах домовладений и жилищ представлен массовый материал по VII—VIII вв., жилищ более раннего времени (V—VI вв.) на городище исследовано мало, и осмыслить их можно только в сопоставлении с той картиной, которую дает изучение этого позднего массового материала. С него вопреки хронологическому порядку приходится начинать характеристику пенджикентской жилой застройки.

На основе данных каталогов выполнены четыре диаграммы (рис. 65), составленные следующим образом. Каждому домовладению отведен один столбец. Столбцы располагаются слева направо в порядке нарастания площади домовладения. В нижнем регистре представлена общая площадь домовладения и данные по первому этажу единственного или наибольшего жилища этого домовладения. Во втором (снизу) регистре в том же столбце приведены данные по второму этажу, в третьем — по первому этажу второго (меньшего) жилища (если их в домовладении два), в четвертом — по третьему жилищу домовладения (пока всего один случай на весь исследованный материал). Каждый столбец отражает площадь, занятую под домовладения, которая распределялась по-разному, что и отражено в диаграммах. Отмечена суммарная площадь жилых и хозяйственных помещений (*5*), парадных комнат, специально предназначенных для представительства (*1*), жилых помещений с некоторыми элементами парадного убранства (*2*). Выделены и дворы (*7*). Особым знаком (*8*) отмечен парадный двор, украшенный росписью. Отдельно учтена общая площадь торгово-ремесленных построек, причем по-разному показаны те из них, которые входили в состав домовладения, но не были связаны с жилищем (поскольку у них выход только на улицу) (*11*), и те, которые располагались непосредственно в жилище (*12*). Во втором регистре указаны случаи, когда достоверно известно, что жилище было одноэтажным (*14*) или когда нет точных данных, подтверждающих наличие или отсутствие второго этажа (*13*). Иногда приходится обращаться не только к целиком исследованным жилищам, но и к тем, раскопки которых еще не завершены. В этих случаях в столбце приводятся данные по раскопанной части, но особым знаком (*10*) отмечается, что площадь домовладения была больше его раскопанной части, дается указание на то, что парадная часть дома (*3*) или хозяйственных и жилых помещений (*6*) была больше, чем та, которая исследована. В нижнем и втором регистрах учтен сам факт наличия парадных помещений и тогда, когда их площадь не устанавливается (*4*). Площадь

Рис. 65. (*продолжение*).

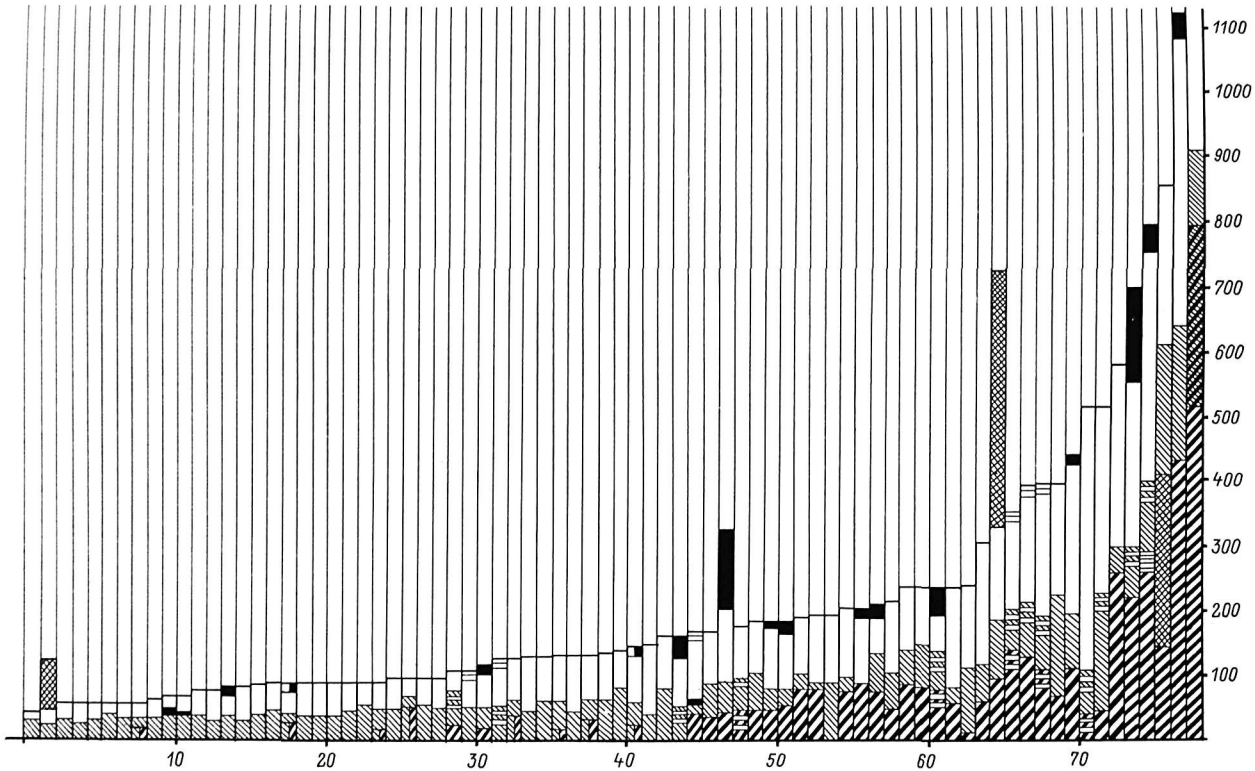

Рис. 65 (*продолжение*).

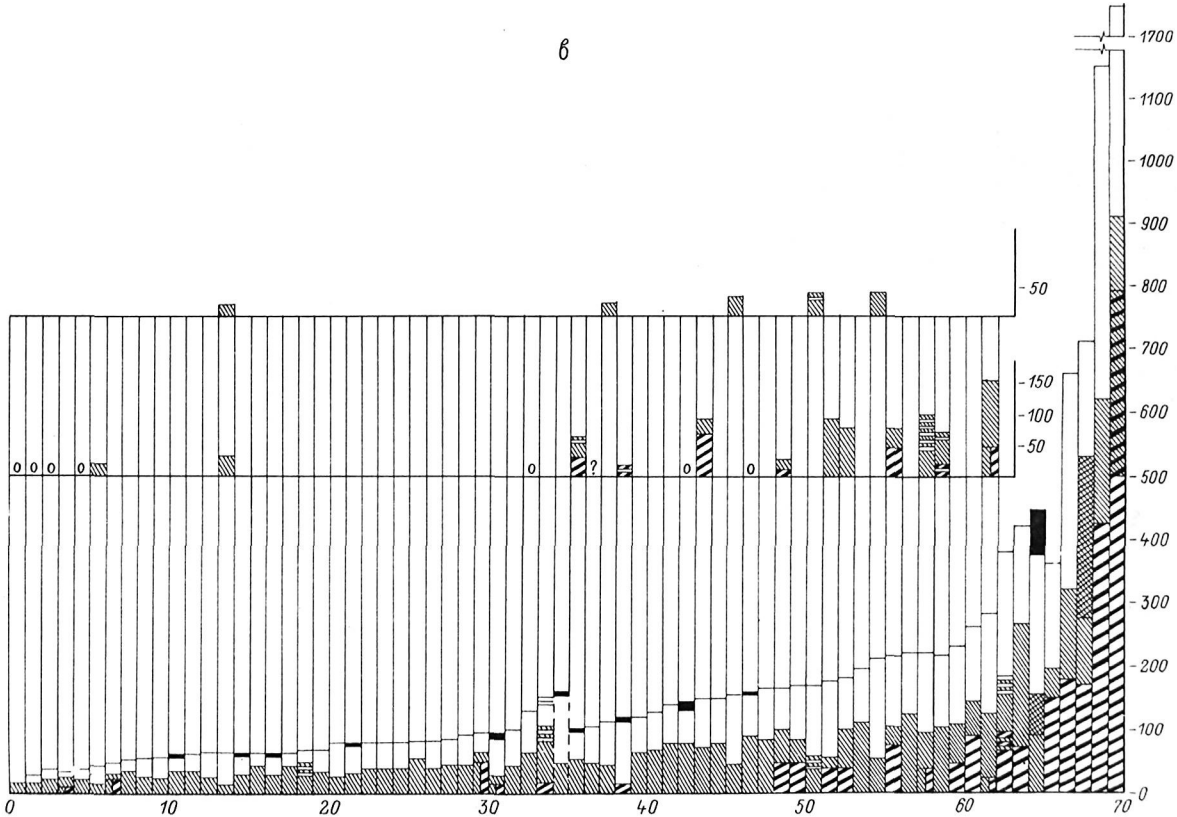

Рис. 65 (*продолжение*).

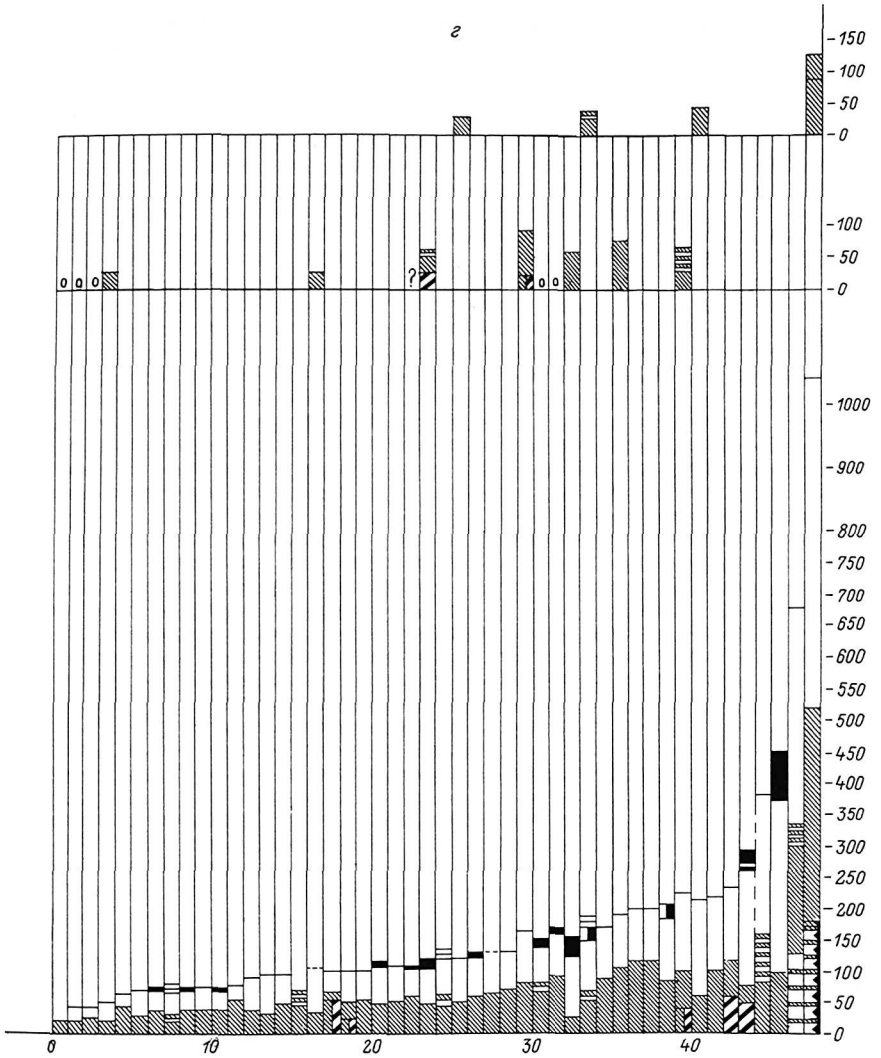

Рис. 65 (*продолжение*).

домовладения превышает полезную площадь жилища: разница между площадью домовладения и суммой площадей помещений также указана (*9*). На диаграмме 60—70-х гг. VIII в. отмечены и более ранние парадные помещения, превращенные в жилые и хозяйственные (*15*), и устройство мастерской в парадном помещении к концу периода 60—70-х гг. VIII в. (*16*).

Исследование жилищ VII в. затруднено тем, что при интенсивном строительстве в 1-й четверти VIII в. большинство из них было перестроено с частичным

сохранением старых стен. Однако в некоторых случаях, несмотря на перестройку, удается вычленить план жилища VII в. Кроме того, исследованы отдельные дома, которые были возведены в VII в. и функционировали без больших перестроек в VIII в. Такие дома учтены в диаграммах VII и 1-й четверти VIII в.

К VII в. (более точная дата указана в каталоге, см. указатель к каталогам) относится 20 домовладений с 22 жилищами. Эта выборка небольшая, и поэтому заключения статистического характера сделать по ней трудно. Однако диаграмма дает представление обо всех разновидностях жилищ и домовладений, которые лучше выявлены на материале 1-й четверти VIII в. Под самое малое домовладение VII в. была занята площадь 55 м^2, а полезная площадь его по первому этажу была 28 м^2. Надо учесть, конечно, что этот дом, как и обычно в Пенджикенте, был двухэтажным. Затем идет компактная группа жилищ, занимавших площадь от 67 до 78 м^2. Следует отметить, что в застройке Пенджикента всех периодов около 45 % площади уходит под стены. В этой группе различия в площади между жилищами невелики. Следующая группа дает ровный рост площади, занятой домовладениями, — примерно от 100 до 235 м^2. Именно к этой группе относятся два домовладения, в состав которых входило по два жилища. К третьей группе можно отнести два домовладения, которые сильно различаются между собой. Сближает их то, что оба они гораздо больше всех остальных. Одно из них занимает площадь 330 м^2, кроме того, к нему примыкает двор площадью 400 м^2. Другое площадью 439 м^2, причем к нему относится торгово-ремесленное заведение площадью около 35 м^2.

Площадь, занятая домовладением, очень важный для систематизации признак. Однако другие признаки не были полностью детерминированы размером жилища, хотя наблюдается известная корреляционная зависимость. Во всех домовладениях площадью более 175 м^2 зафиксированы парадные залы с росписью или резным деревом, но росписи были и в некоторых небольших домах. Так, в домовладении площадью 67 м^2 на втором этаже сохранились остатки комнаты с очагом-алтарем, в котором обнаружены следы росписи. Следует отметить, что вторые этажи часто не сохраняются, но они были во всех домах с лестницами или пандусами. В другом домовладении площадью 75 м^2 в главном жилом помещении имелась ниша с росписью. Вероятно, в некоторых случаях в домах без парадных помещений на первом этаже они могли быть на втором этаже.

Дважды в самих жилищах зафиксированы торгово-ремесленные заведения (в одном случае — кузница, в другом — лавка). Они входили в небольшие дома, принадлежавшие скорее всего ремесленнику и мелкому торговцу. В двух других случаях торгово-ремесленные заведения находились вне жилищ и относились к двум большим домовладениям.

На диаграмме по жилищам VII в. (рис. 65, *а*), как уже отмечалось, четко выделяются три группы. Попробуем их интерпретировать. Первая группа наиболее компактна, так как в нее входят небольшие схожие между собой, очевидно, рядовые жилища. Бесспорно аристократическими являются два огромных дома, составляющие третью группу. Вторая группа более вариабельна. В нее входят как крупные жилища рядовых горожан, так и дома знати. Четкость деления на группы обусловлена тем, что мы имеем дело с домами, выстроенными в соответствии с потребностями и возможностями их хозяев, в большинстве случаев без использования стен более ранних построек.

Для 1-й четверти VIII в. учтено 78 домовладений и 85 жилищ. Все они представлены на диаграмме (рис. 65, *б*). Три домовладения поставлены не на те места, которые они должны были бы занимать по своей площади. У двух из них относительно небольшие жилища с редкими в Пенджикенте дворами. Это домовладения объекта VI (помещения 5, 8, 14, 15, 19, 22 + двор; см. рис. 10) и объекта XII (помещения 31, 32, 36, 38; см. рис. 16). Третий дом построен вместе с обширным комплексом торгово-ремесленных построек, но само жилище отно-

сительно невелико (объект XVII, помещения 14—18 + 6—13). Эти три дома помещены на диаграмме рядом с теми жилищами, которые близки к площади их жилища. Наблюдается плавное нарастание площадей домовладений и размеров жилищ без резких ступеней. Если бы при строительстве придерживались стандартов, соответствующих социальным рангам, то диаграмма приняла бы вид ступенчатой лестницы с крутыми перепадами на границах между группами, относящимися к разным стандартам. Однако она отражает реальность 1-й четверти VIII в., когда строительство в Пенджикенте велось в условиях земельной тесноты с использованием старых построек. Поэтому не все горожане могли занять участок по своим потребностям. Если на диаграмме по VII в. видна четкая граница между первой и второй группами, то теперь она оказалась размытой, а в первой группе появилось несколько домов площадью менее 67 м^2.

На диаграмме по 1-й четверти VIII в. только группа очень больших домовладений (свыше 300 м^2) сильно отличается от соседней группы. Но и между собой эти большие домовладения очень различаются по размеру.

Отсутствие четких границ между размерами площадей жилищ представителей разных социальных слоев не означает, однако, что социальная стратификация вообще не может быть прослежена. Эта задача становится лишь более сложной, что видно уже при исследовании жилищ рядовых горожан. Некоторый нижний предел площади таких жилищ ставили элементарные бытовые нужды рядовой городской семьи. В 1-й четверти VIII в. самое маленькое жилище имело полезную площадь 16.4 м^2, но это третье жилище обширного домовладения. Имеется еще два подобных минимальных жилища с собственным вестибюлем и комнатой с антресолями, напоминающих по устройству худжры позднейших медресе. Одно из них площадью 17.5 м^2 хотя и имело самостоятельный выход на улицу, но одновременно было соединено низким проходом с другим (основным) жилищем того же домовладения. Как правило, рядовые жилища имели не менее 20 м^2 суммарной площади помещений первого этажа, а одноэтажные отдельные дома (их для этого времени зафиксировано не более трех) — больше 30 м^2. О верхнем пределе для группы рядовых жилищ и о минимальных размерах жилищ «зажиточных горожан», которые в быту подражали знати, судить труднее.

Площадь дома отнюдь не единственный признак при выявлении социальной принадлежности его владельца. Вторым существенным признаком является наличие специально выделенной парадной части. Парадные помещения, предназначенные для представительства, имеются далеко не во всех домах. Наиболее общей и легко определимой чертой этих помещений является наличие живописи и резного дерева. Главный парадный зал дома с живописью и резным деревом имел площадь не менее 25 м^2. Как правило, к нему вел парадный коридор, стены которого также нередко были расписаны. Иногда был парадный айван и вестибюль. Входящий в такой дом весь путь от улицы до зала проходил по парадным помещениям. Это создавало единство парадной части дома. Из вестибюля или парадного коридора по пандусу поднимались в парадные комнаты второго этажа. По большей части на втором этаже располагались так называемые домашние святилища с пристенным архитектурно оформленным очагом, нередко фланкированным колонками, тогда как стены часто покрывались росписью, а иногда окрашивались в черный или красный цвет.

К парадным можно отнести небольшие по площади комнаты первого и второго этажей, стены которых были украшены живописью. Распределение парадной части по первому и второму этажам сильно варьирует. Иногда основная парадная часть располагалась в первом этаже, но это, как правило, в домовладениях, занимающих большую площадь. В тех случаях, когда земельный участок был небольшим или был неудобно расположен, парадная часть переносилась на второй этаж, а первый этаж часто был занят серией сводчатых помещений, преимущественно складского характера. Поэтому отсутствие парадной части в первом этаже в домах с несколькими сводчатыми поме-

щениями еще не говорит о том, что в этих домах ее вообще не было. Парадные залы, расположенные на вторых этажах, по архитектуре и декору не отличались от залов первого этажа. Но в этом случае весь дом был двухэтажным, а если залы были в первом этаже, второго этажа над ними не строили, поскольку высота зала была равна двум этажам.[4]

В жилищах, под которыми было занято свыше 170 м^2, парадная часть, за одним исключением, располагалась в первом этаже или на двух этажах. Очевидно, это не случайно. Домовладения с площадью свыше 170 м^2 и с декорированной парадной частью не могут принадлежать рядовым горожанам. Но, как и в VII в., были дома площадью менее 170 м^2 с парадными помещениями. С другой стороны, в рядовых жилищах нередко выделяются жилые комнаты с теми или иными элементами архитектурного убранства: колоннами, орнаментальной раскраской отдельных участков стен, нишами, пристенными очагами. Такие жилые комнаты-гостиные встречаются в домах площадью до 140 м^2.

Таким образом, по сочетанию двух признаков — площади домовладения и наличию парадной части — мы находим лишь приблизительную границу между группами домовладений, принадлежавших представителям разных социальных слоев.

Размытость границы отражает сложность жизненных ситуаций в городских условиях. Тут вступают в силу имущественные, сословные, семейные, культурные и другие факторы. Здесь мы подходим к пределу наших возможностей судить о древнем обществе по чисто археологическим материалам.

Как будто выделяется группа жилищ с площадью до 140 м^2, в которой отсутствует специально выделенная парадная часть. Эти жилища можно считать принадлежавшими рядовым горожанам. Однако иногда в этих пределах встречаются жилища, первый этаж которых состоит только из сводчатых помещений и имеется пандус или лестница, ведущие на второй этаж. Относить их к рядовым было бы неосторожно, так как встречаются дома с площадью менее 140 м^2, имеющие помещения с живописью на втором этаже. Эти дома мы не всегда можем выделить. Поэтому многочисленные жилища без зафиксированной парадной части площадью от 36 до 170 м^2 приходится делить на группу бесспорно рядовых и группу, включающую как крупные рядовые, так и малые жилища знати. Некоторым основанием для такого деления может послужить распределение домовладений 1-й четверти VIII в. по площади (рис. 66). На интервал от 100 до 120 м^2 приходится только три, а с учетом домовладения с не точно определенной площадью — четыре, тогда как на соседние — от 80 до 100 м^2 — приходится 6 (или 8), а от 120 до 140 м^2 — 7 домовладений. Видимо, около 100—110 м^2 намечается какое-то деление. С определенной долей условности будем считать, что все дома с площадью до 100 м^2 можно включить в группу рядовых, а дома площадью от 100 до 170 м^2 — в смешанную группу, из которой в группу рядовых

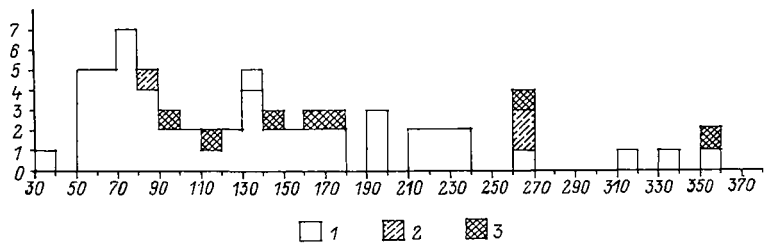

Рис. 66. Гистограмма площадей домовладений 1-й четверти VIII в.

1 — истинная площадь домовладения; *2* — площадь, указанная приблизительно; *3* — указанная площадь меньше действительной.

[4] Раскопки последних лет объектов XXIII—XXIV показали, что помещения пенджикентского дома обычно подводились под единую крышу, образуя блок.

безусловно может включить жилища, заведомо не имеющие выделенной парадной части. Это деление совпадает с делением, полученным по графику для VII в. Если мы возьмем только домовладения с площадью до 100 м^2 (их 27), то средняя суммарная площадь помещений таких жилищ будет около 37 м^2 по первому этажу. Средняя площадь жилищ (когда в домовладении их два или три) — 26.3 м^2. У этих жилищ нет вторых этажей.

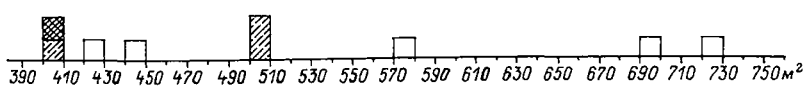
Выборка жилищ 1-й четверти VIII в. более представительна, чем выборка по VII в. При рассмотрении диаграммы по VII в. уже наметилось деление на две части второй группы, которое, однако, в малой выборке проверить было невозможно. В 1-й четверти VIII в. это расчленение прослеживается достаточно определенно. Только одно полностью изученное домовладение из 16 в диапазоне от 100 до 168 м^2 имело парадные помещения с живописью на первом этаже. Его площадь 120 м^2. В то же время нет ни одного домовладения с площадью более 175 м^2 без парадных помещений (в одном из этих жилищ они были только на втором этаже).

В первой подгруппе средняя полезная площадь помещений жилищ по первому этажу около 61 м^2, а во второй — 113 м^2 (площадь выводилась по 15 лучше изученным из 18 жилищ этой группы). Представляется естественным считать дома первой подгруппы жилищами зажиточных рядовых горожан, а второй — жилищами низших слоев знати. Надо отметить, однако, что в первую подгруппу входят два домовладения (уже упоминавшиеся — площадью 120 м^2 с помещениями, украшенными живописью, и площадью 156 м^2 со святилищем, алтарь которого фланкирован колонками), по убранству относящиеся скорее к домам знати.

Не останавливаясь подробно на особенностях жилищ низших слоев городской знати, перейдем к следующей группе. Наименьшее из домовладений этой группы занимало площадь около 330 м^2, а с двором — 730 м^2 (объект VI).[5] Мы наблюдаем прекращение постепенного нарастания площадей, отмечаемого в предыдущих группах. Это не случайно. По-видимому, здесь проходит грань между домовладениями низших слоев знати и городских богачей.

Следующее по площади домовладение занимает более 350 м^2, но его полная величина еще не установлена, так как объект (XXII) не докопан. Также неточно установлены размеры двух домовладений площадью около 400 м^2 (оба на объекте III). Полностью исследованное домовладение занимало 419 м^2 (объект XXV), немного больше него другое, размером 445 м^2 (объект III, Большаков, 1964, с. 89—120). Затем снова идут два недообследованных домовладения площадью около 500 м^2 (объекты III и XVII), домовладения площадью 575 (объект VII) и 685 м^2 (объект XVI). Не совсем ясна площадь самого большого домовладения на объекте III: она могла быть от 675 до 800 м^2. Наибольшее домовладение на объектах XXIII/XXV занимает 862 м^2 (см. рис. 61).

Отчетливо выделяются два грандиозных домовладения, которые по размеру и составу помещений приближаются к дворцу правителя Пенджикента. Одно из них (площадью 2100 м^2) занимает северо-западную часть объекта XVI

(см. рис. 20), а другое (1142 м^2) — почти весь объект XXI (см. рис. 30).

Каждое из жилищ богачей настолько индивидуально, что не имеет смысла вычислять средние размеры.

[5] Домовладение площадью 320 м^2 не может быть отнесено к группе наибольших, поскольку в нем три жилища, самое крупное из которых невелико — 125 м^2.

При 16 домовладениях зафиксированы торгово-ремесленные постройки, которые в двух случаях непосредственно связаны с жилищами. По группам жилищ они распределяются следующим образом: рядовые жилища — 2, зажиточные рядовые — 2, жилища низших слоев знати — 7, дома богачей — 5. Большие скопления лавок и мастерских относятся к крупным домовладениям. Только один базарчик примыкает к стенам дома площадью 195 м^2 (объект XVII). В 1-й четверти VIII в. по сравнению с VII в. резко увеличивается торгово-ремесленная деятельность.

В этот же период сильно возрастает диапазон размеров домовладений — от самого маленького, занимавшего 36 м^2, до грандиозного площадью 2100 м^2, т. е. наименьшее почти в 60 раз меньше самого большого.

Если обобщить данные о социальной атрибуции жилищ, то на общее число жилищ 85 (в 78 домовладениях) 1-й четверти VIII в. приходится 36 жилищ (42 % от всех исследованных), которые мы можем отнести с достаточным основанием к жилищам той или иной категории знати.

После запустения, связанного с разгромом города в 720-е гг., около 740-х гг. происходит восстановление старых жилищ и строительство новых. Исследовано 70 домовладений, включающих 75 жилищ, относящихся к 740—750-м гг. (рис. 65, *в*).

Для этого периода социальная характеристика жилищ по размерам не всегда оправдана в связи с тем, что в городе произошло перераспределение жилищ, так как, видимо, не все хозяева или их наследники вернулись. Семнадцать домов, как больших, так и средних размеров, имели парадные залы, украшенные росписью и, вероятно, резным деревом. Дворец богача на объекте VII (рис. 12) был восстановлен, его зал подготовлен под роспись, но не расписан. Один богатый дом площадью 360 м^2 (объект VI; рис. 10) скорее всего был возведен в это время. Доля жилищ знати сократилась по сравнению с 1-й четвертью VIII в. с 42 до 24 %. В связи с присоединением частей запустевших домов к соседним появляются крупные жилища без специально выделенной парадной части, а раздел ряда старых домов привел к появлению маленьких жилищ площадью около 20 м^2. Было построено несколько добротных домов рядовых горожан (объекты XII, XX; рис. 9, 16). Наблюдаются новые явления и в распределении ремесла и торговли: базары при богатых домовладениях не восстанавливаются, а лавки и мастерские становятся достаточно обычным явлением при рядовых жилищах (отмечено 10 таких случаев).

Для 60—70-х гг. VIII в. зафиксировано 49 домовладений, включающих 53 жилища. Встречаются жилища, выделенные из старых домовладений, к которым они на диаграмме (рис. 65, *г*) отнесены лишь условно, поскольку не ясно, что изменилось в распределении земельной собственности. По диаграмме видно, что меняется весь характер застройки. Даже в обширных домах, как правило, исчезает парадная часть. Полуразрушенные залы используют как дворики, иногда в залах устраивают мастерские. Только в одном жилище функционировал парадный зал, украшенный резьбой по дереву, в двух других архитектура зала имела парадный облик, но декора не было. Строительство новых домов в этот период не производилось. Отмечаются только небольшие перестройки и даже обживание развалин. Торгово-ремесленные заведения обнаружены при 15 жилищах, причем, как правило, рядовых.

Таким образом, выявляется, что переменился образ жизни. Люди более низкого социального статуса часто селились в старых постройках знати, в той или иной степени приспосабливая их для своих нужд. Поэтому площадь домовладения для этого периода перестала быть важным социально-диагностическим признаком. Многие дома стали одноэтажными, что отмечено на диаграмме.

Сравнение четырех диаграмм показывает, как изменился характер жилой застройки приблизительно за сто лет.

ЖИЛИЩА VII—VIII ВВ.

Эволюция городского жилища с середины VII по середину VIII в. выявляется главным образом в количественном аспекте. Новшества 1-й четверти VIII в. касаются в большей степени общего характера застройки города, чем структуры отдельных жилищ. Материалы и конструкции, принципиальные особенности планировки, решение декора почти не менялись. Три самых больших домовладения, раскопанные в Пенджикенте, возникли в 1-й четверти VIII в. Они имеют некоторые особенности, на которых остановимся ниже. Основная масса жилищ с середины VII по середину VIII в. не обнаруживает резких временных различий, и поэтому можно дать совокупную характеристику жилищ этого большого периода.

В сравнительно бедных и сравнительно богатых домах стены и перекрытия были построены из одних и тех же материалов, при одном и том же уровне строительной техники. Только подъем на второй этаж в богатом жилище осуществлялся по пандусу, а в бедном — чаще по лестнице, поскольку плавный пандусный подъем требовал большего места, чем лестница, которую можно было сделать крутой. Сырцовые ступеньки даже с деревянным креплением очень непрочны, так что с технической точки зрения пандус оказывался предпочтительнее. Различия были в размерах и наборе помещений, в наличии или отсутствии декора.

Стены зданий строили из пахсы или сырцового кирпича (Воронина, 1950; 1953; 1958; 1964). Пахсовые стены возводились в тех случаях, когда на строительной площадке можно было развести глину в большой яме. При этом достигалась экономия рабочего времени по сравнению с кладкой стен из сырцового кирпича. Густой глиняный раствор подавался мастеру, который плотно прибивал его к уже готовой части глиняного массива и затем выравнивал лопатой внутреннюю и наружную стороны стены. В отличие от современного пахсового строительства мастера раннего средневековья осуществляли сквозную прорезку пахсовых стен так, что получались блоки-параллелепипеды высотой около 0.80 м и шириной около 1.20 м. Вертикальные прорези каждого ряда приходились на середину блока предыдущего ряда.

В основание стены сплошь или по контуру прокладывали гальку. Мастера хорошо понимали, как опасно строить монолитные глиняные сооружения. Чтобы избежать этого, они применяли не только нарезку пахсы, но и комбинированные кладки с одним или несколькими рядами сырцового кирпича между рядами пахсовых блоков. В комбинированной кладке, которой было несколько разновидностей, пахсу часто клали низким слоем (20—40 см высоты). В этом случае ее обычно не разрезали на блоки. Верхнюю часть стены делали из сырца в связи с трудностью подачи глины наверх.

Поскольку чисто пахсовых стен было мало, толщина стены обычно кратна размеру кирпича. Длина кирпича равнялась строительному локтю — около 50 см, ширина — половине локтя. Кирпич делался с помощью рамы без дна высотой около 10 см. Раму набивали глиной, после заглаживания поверхности иногда на ней проводили линии или вдавления пальцами. Эти так называемые

знаки играли прежде всего конструктивную роль, служа для лучшего сцепления с раствором. Из кирпича выкладывали своды без применения кружал. Своды сооружали из отдельных арок (рис. 57, 58, 67). Кладку начинали от торцовой стены помещения, к которой на растворе прилепляли плашмя стороной со «знаком» кирпичи первой арки. Нижний кирпич арки клался узкой длинной стороной на несущую стену. Следующий кирпич укладывался также плашмя узкой стороной таким образом, что между ним и предыдущим оставался клиновидный шов, заполнявшийся глиняным раствором. Так клали и все другие кирпичи, пока не выводили дугу целиком. Когда арка была сведена, она в свою очередь становилась опорой для следующей, которую выполняли тем же способом. Для устойчивости арки делали с некоторым наклоном к торцовой стене. Способ выкладки сводов лимитировал ширину стены между двумя сводчатыми помещениями. На уровне пят обоих сводов она не могла быть меньше чем в два кирпича, т. е. 1 м. Стена, на которую опирались два свода, бывает сравнительно тонкой, поскольку распор одного свода гасит распор другого. Если же на нее опирался лишь один свод, то ее утолщали для поглощения распора. Фасадные стены значительно толще внутренних. Их ширина 1.5—2 м.

Ширину пространства, перекрытого бескружальным сводом, можно было несколько увеличить, сделав его не полуциркульным, а повышенным, полуовальным в сечении. Однако значительного расширения это не давало. Нельзя было увеличивать безнаказанно число кирпичей в верхней сильно изогнутой части арки, поскольку тогда они должны были бы слишком долго держаться только на глиняном растворе до сведения каждой арки в замке. Однако существовал прием, позволяющий расширить помещение, не расширяя расстояния между пятами свода: над несущими стенами кирпичи клали горизонтальными рядами с нарастающим нависанием, а подлинный свод опирали на эти сужавшие пролет консольные кладки. Обычная ширина длинных коридорообразных помещений 4—5 локтей, хотя в некоторых коротких и особенно высоких помещениях ширина доходила до 3.5 м. Высота сводчатых помещений была от 1.70 до 5 м, если мерить от пола до шелыги свода. Многие высокие сводчатые помещения фактически были двухэтажными, так как в них устраивались антресоли на балках (рис. 39,*б*; 57). Высота каждого из этих этажей была, как правило, не менее человеческого роста.

В помещениях, относящихся к парадной части домов, применялись сложные виды сводов. Сводчатые коридоры перед залами делились на отсеки полуциркульными подпружными арками, выложенными с помощью кружал. Один из отсеков такого коридора был перекрыт крестовым сводом (помещение 3 объекта XXIV). Широкие полуциркульные кружальные арки применялись в архитектуре фасадов сводчатых айванов и ниш с культовыми изображениями в парадных залах. Ширина их достигала 4.9 м. В сводчатых айванах (рис. 13, 14) делали полукупола с угловыми трompами из ступенчатых арок. В одном или двух случаях можно думать о применении купола. Сырцовые купола и полукупола строили лишь в небольших помещениях.

Наклонные своды над узкими маршами пандусов часто выкладывали из половинного кирпича, причем арки сводов расклинивались обломками кирпичей. В углах помещали ступенчатые трompы. В середине пандусного помещения находился массивный опорный столб. Высота наклонных сводов над маршем пандуса и большинства дверных проемов в Пенджикенте невелика. Часто в них приходилось ходить согнувшись. Встречаются дверные проходы высотой менее 1 м. Даже перед парадными залами и в парадных айванах есть проходы высотой около 1.60 м.

Перекрытие проходов было плоским или арочным. Входы с улицы и большинство внутренних проходов имели дверные коробки для прямоугольной двери (рис. 68). Полукруглое пространство между аркой и дверной коробкой в парадных помещениях заполнялось резным деревянным панно. Наружные

Рис. 67. Кладка свода (помещение 84, вид с востока, объект XVI).

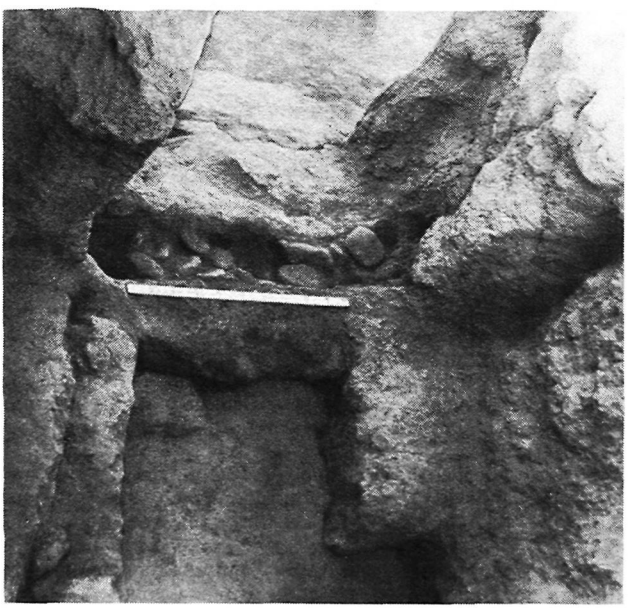

Рис. 68. Вход с улицы в помещение 82 (объект XXIII).
Видно гнездо от бруса порога.

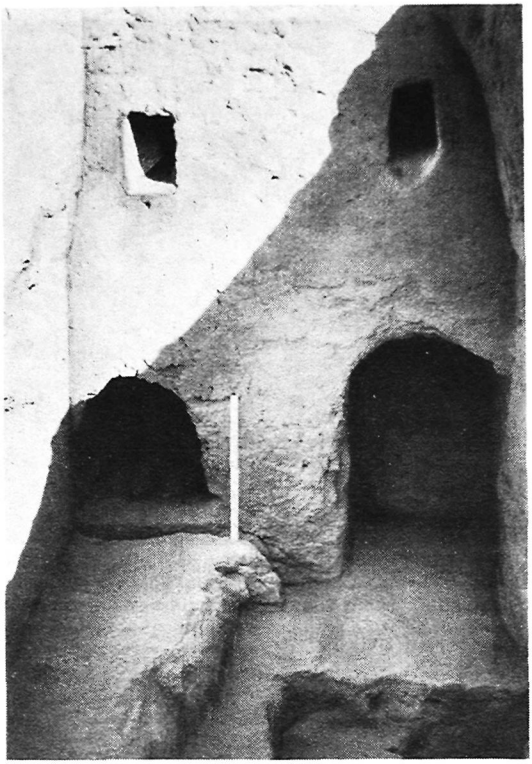

Рис. 69. Вестибюль дома (объект XXVII).

Видны проходы на лестницу и в помещение под лестницей, окна для освещения лестницы.

и часть внутренних проходов были оборудованы дверными засовами с желудевым замком или навесными металлическими замками. Окна первого этажа обычно устраивали в торцовой стене под самой шелыгой свода. Иногда одно помещение освещалось из другого через окно в стене между ними (рис. 69, 70). Окна были трапециевидной или прямоугольной формы (рис. 71—73). Амбразура окна имела наклон в сторону помещения. Со стороны фасада окна находились очень высоко. Высокое расположение этих небольших окон, толстые стены, массивные двери единственного входа в дом создавали защищенность от внешнего мира. Жилища были комфортабельны — в жару они хорошо сохраняли прохладу, а в холод — тепло.

Мощные стены и своды создавали надежную опору второму этажу. Толщина перекрытия была не менее чем локоть, что определялось размером кирпича в замке свода (рис. 58, 74). Таким образом, второй этаж начинался на высоте от 2.20 до 5.5 м. Фасадные стены второго этажа имеют единую поверхность со стенами первого и ненамного тоньше их. Толщина внутренних стен, как правило, варьирует в пределах локтя, полтора и два. Сложены они из сырцового кирпича. Высота стен вторых этажей была различной.

Общая высота пенджикентского дома VII—VIII вв., за редким исключением, была не менее 8 м. Она могла суммироваться по-разному: из низкого первого

Рис. 70. Деталь архитектуры.
Видно окно 2-го этажа и проход на 1-м этаже.

и высокого второго этажа; из трех низких этажей; высокого первого (часто с антресолями) и низкого второго этажа. Бывает, что в двух- или трехэтажных домах высота парадного зала равна высоте дома.

В некоторых случаях до нас дошли остатки стен парадных залов, которые сохранились на высоту до 2 м. Они должны были быть достаточно высокими, поскольку такая сохранность обеспечена тем, что их перекрывал завал из верхних частей стен и перекрытия. Иногда определить высоту второго этажа помогают особенности архитектуры и находки росписей. В зале второго этажа (помещение 26 объекта XXIII) имелась ниша шириной 3.6 м посередине торцовой стены. Высота ниши, судя по аналогичным другим залам (помещение 1 объекта XXII и 12 объекта XXV), была немного выше ее ширины. Надо учесть, что пол ниши — это верх суфы, высота которой около 50 см. Таким образом, верх ниши приходился не ниже чем на 4.3 м от пола, а потолок основной части зала был выше и, вероятно, находился на высоте не менее 5 м.

На объекте XXIV над сводчатым вестибюлем высотой не менее 3.5 м находилось небольшое помещение второго этажа с росписью. На упавшем блоке стены сохранился нижний орнаментальный фриз высотой около 0.5 м и два

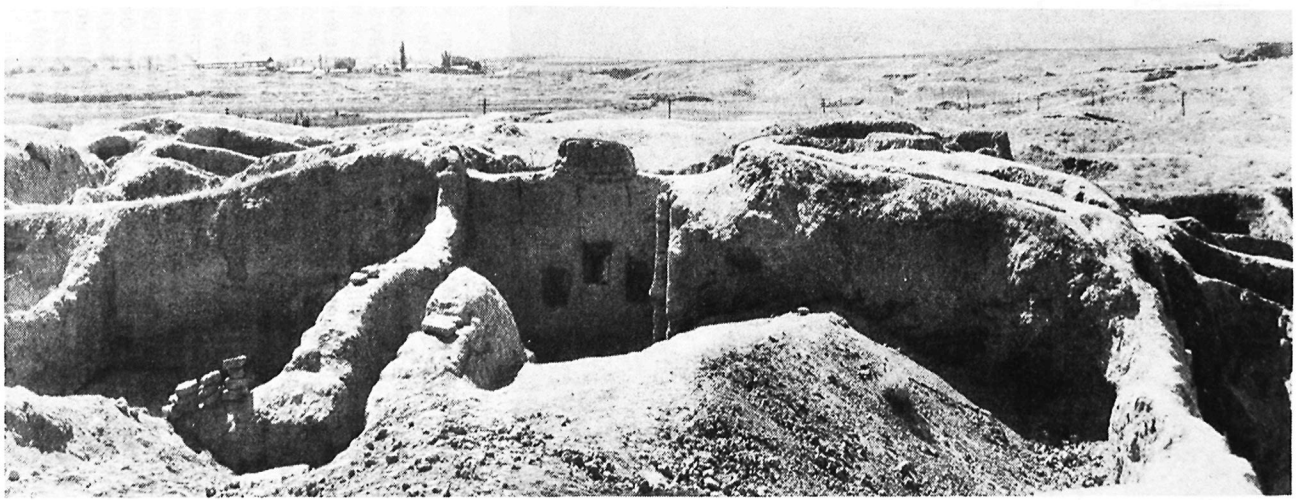

Рис. 71. Фасадные стены домов VII в. (объект XVI, вид с севера).

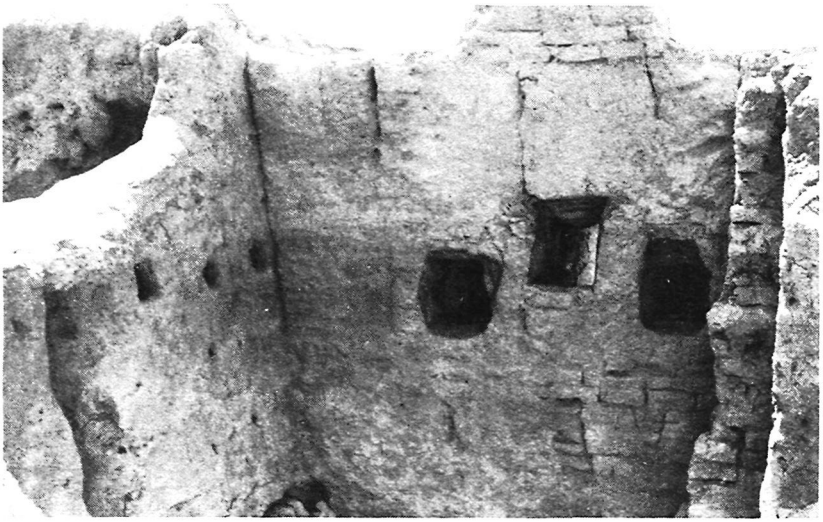

Рис. 72. Угол в месте стыковки фасадных стен двух зданий VII в. (объект XVI).
Видно окно из помещения 83 и гнезда от крепления навеса.

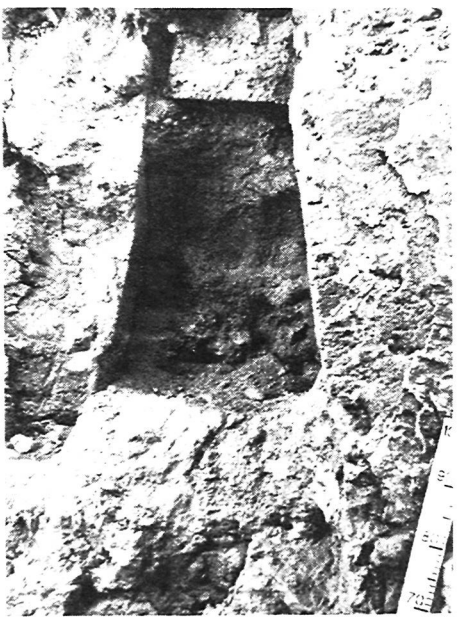

Рис. 73. Окно в северной стене помещения 83 (объект XVI).
Видна обмазка стен алебастром.

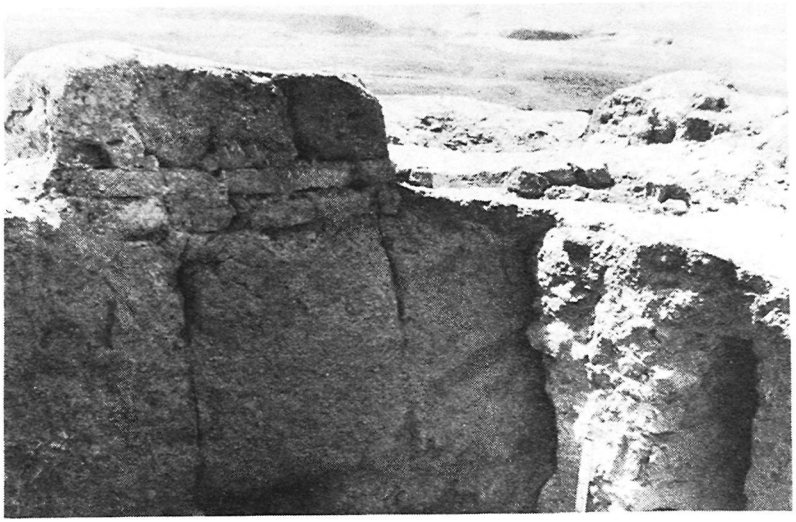

Рис. 74. Кладка стены дома VII в. (помещение 83 объекта XVI).

Над верхним рядом кирпичной кладки — остатки стен помещения 2-го этажа. Видна кладка стен помещения 21, приставленных к раннему фасаду.

метровых сюжетных яруса росписи. Если думать, что наверху, как обычно, также был орнаментальный фриз, то общая высота стены достигала 3 м. Надо учесть, что в помещениях с живописью, как правило, фриз шел над суфой, высота которой бывала около 0.5 м. Таким образом, помещение это имело высоту не менее 3.5 м. Если учесть толщину свода между этажами и толщину земляной кровли по плоскому перекрытию второго этажа, которая не могла быть менее 0.5 м, то общая высота здания окажется около 8 м.

Если считать не по минимуму, то можно допустить и высоту богатых домов около 10 м. В то же время некоторые рядовые двухэтажные дома едва достигали высоты в 6 м.

Иногда дома отступали от красной линии улицы, и перед ними размещались ряды низких лавок и мастерских, в широких проемах которых были выставлены разнообразные товары.

Выходившие на улицу фасады были слегка наклонными на всю высоту первого этажа (рис. 19, *б*, *в*; 75). Монументальная кладка пахсовых стен местами прерывалась айванами, украшенными росписями, и деревянными, вероятно резными, дверями домов. Судя по росписям, на которых изображены здания, верхние этажи выглядели нарядно благодаря деревянным балконам с навесами над ними, высоким арочным окнам с колонками, решетками, фигурными ставнями, а также фризам из фигурного кирпича (рис. 76). Такой фриз украшал дворец на цитадели (рис. 77; см. также: Исаков, 1977а, рис. 27), один фигурный кирпич (рис. 76, *а*) найден при раскопках помещения 83 объекта XVI. Плоские крыши домов несомненно использовались жителями. На живописи помещения 1 объекта XXII, где изображено здание, видно, что плоская крыша обнесена парапетом, за которым стоят люди (Распопова, 1980, рис. 51). На крышу, вероятно, выводили пандусы и лестницы. На росписи помещения 12 объекта X имеется изображение какой-то легкой досчатой постройки над крышей дома, возможно, предназначавшейся для защиты выхода на крышу от непогоды. Крыши использовались в хозяйственных целях, например для сушки фруктов.

Рис. 75. Северо-западный угол дома VII в. (объект XVI).

В разрезе видна кладка стен более позднего помещения, пристроенного к раннему фасаду.

Разрезанные пополам яблоки, обгоревшие во время пожара, были найдены в завале второго этажа на объекте XVI.

Второй этаж играл большую роль в жизни согдийской семьи. Все виды помещений, известные по первому этажу, встречены и на втором. Однако сводов там гораздо меньше, а деревянные балочные перекрытия безусловно преобладают. В одноэтажных постройках сводов нет совсем. Просторные помещения и на первом этаже имели такие перекрытия, мы к ним еще вернемся в связи с парадными залами.

При замечательной отработанности строительных приемов можно было бы ожидать такую же отработанность в построении планов жилищ. Однако их разнообразие чрезвычайно велико (рис. 78). Все аристократические дома индивидуальны. Совпадения встречаются только в группах рядовых жилищ и жилищ зажиточных горожан.

Все рядовые жилища имели вестибюль, в который попадали с улицы; обычно в вестибюле имеется лестница или пандус, ведущие в помещения второго этажа; через вестибюль попадали также в помещения первого этажа, число которых невелико — от одного до четырех.

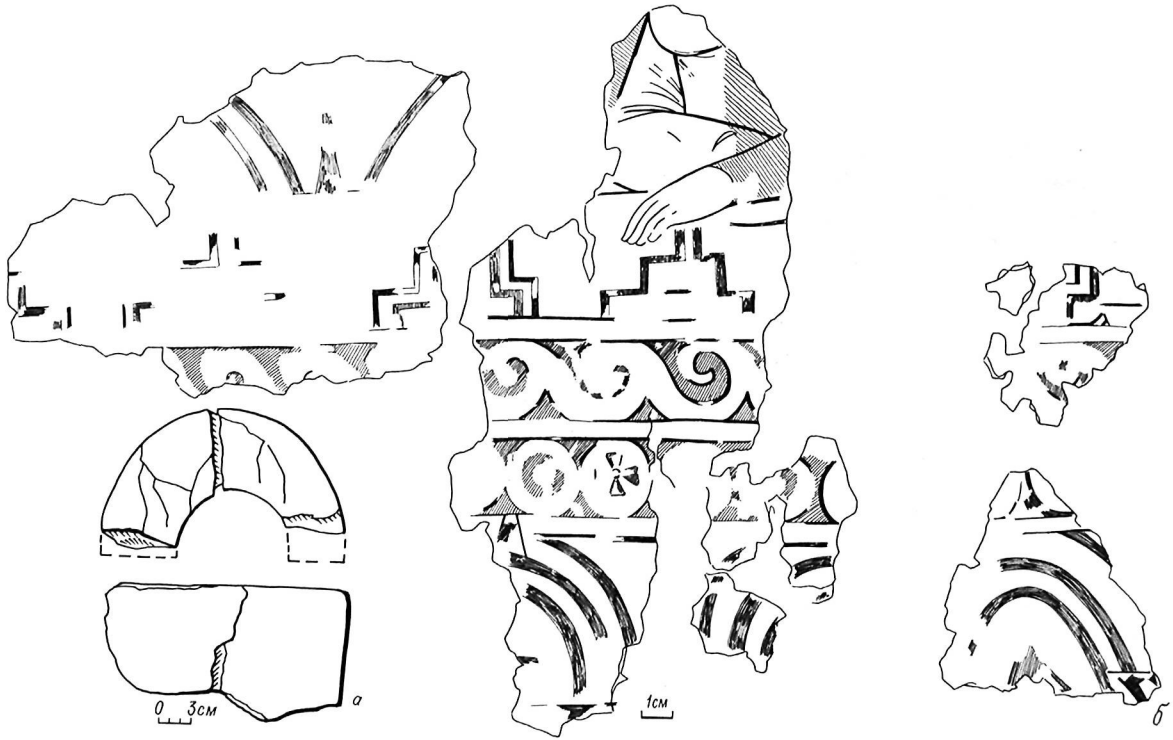

Рис. 76. Оформление фасадов зданий и очаг-алтарь.

а — фигурный кирпич (из завала помещения 83 объекта XVI); *б—в* — изображение зданий на росписи (из завала объекта X); *г* — очаг-алтарь (у восточной стены помещения 2-го этажа над помещением 83 объекта XVI).

Рис. 76 (*продолжение*).

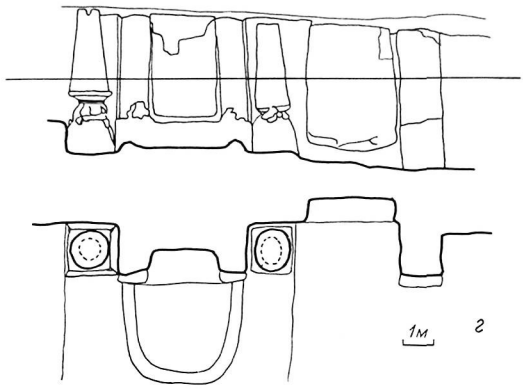

Рис. 76 (*продолжение*).

Если в домовладение входят два жилища, то меньшее обычно не имеет подъема на второй этаж. Между тем по хорошей сохранности стен первого этажа, а иногда и по остаткам стен и пола второго этажа над ними видно, что здание было двухэтажным. Поэтому естественно думать, что второй этаж относится к большему жилищу того же домовладения.

Планы рядовых жилищ варьируют в зависимости от участка. На узком участке строилась одна сводчатая комната и вестибюль с пандусом или лестницей перед ней. Если участок был длиннее, то перед лестничной клеткой устраивался более просторный вестибюль. При более широком участке за вестибюлем помещалась несводчатая жилая комната, своего рода зальчик, а при удлинении такого участка план приобретал вид анфилады с проходом вдоль одной из боковых стен или со специально выделенным коридором вдоль этой стены.

Самыми скромными были жилища, не имевшие собственного второго этажа. Они состояли из вестибюля с лестницей, которая вела на антресоли единственного узкого сводчатого помещения (рис. 39). Вестибюль одновременно служил и кухней, так как здесь около входа был устроен очаг. В таком жилище, несмотря на его размеры, дифференцированы функциональные элементы: жилая комната, хранилище, кухня, соединяющая их лестница.

В согдийских замках в донжоне с гребенчато-коридорной планировкой, например в Шутураке близ Пенджикента, каждая сводчатая комната, выходящая в общий коридор, является отдельным жилищем, но еще более примитивным, чем то, о котором сейчас шла речь. Такая комната имела дверь и засов с желудевым замком, очаг неподалеку от входа и антресоли, на которые, видимо, забирались по деревянной лесенке, потому что для сырцовой не было места. В подобных донжонах замков размещались, видимо, воины гарнизона.

Сходное жилье с антресолями и высокой привходной частью устраивали в сводчатых худжрах студенты медресе и постояльцы караван-сараев позднего средневековья.

Совмещение функций вестибюля и кухни или основного жилого помещения и кухни встречается и в домах более развитого плана. Однако довольно часто в рядовых жилищах, у которых не сохранился или сохранился плохо второй этаж, кухонь вообще не обнаружено. В этих случаях можно предположить, что они находились на втором этаже, где легче было устоить дымоход. По облом-

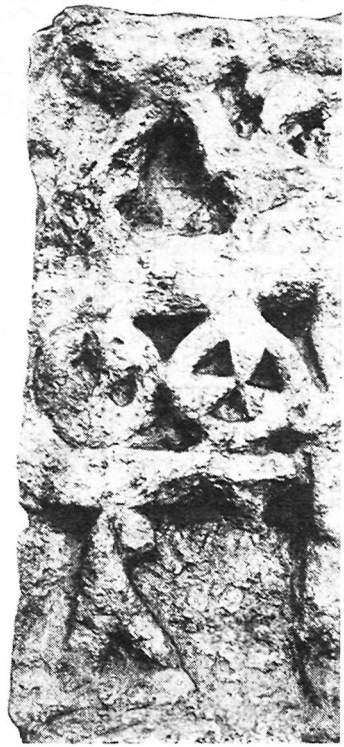

Рис. 77. Декоративный фриз, украшавший северный фасад цитадели.

кам очагов и набору кухонной керамики в завалах, происходящих со вторых этажей, можно определить, где на вторых этажах располагались кухни (см., например: Распопова, 1969, с. 177, 181).

На квадратном или достаточно широком прямоугольном участке в план вписываются кроме вестибюля с пандусом или лестницей еще два помещения, одно из которых может быть сводчатым. Встречаются также планы из двух параллельных сводчатых помещений, в одном из которых имеется лестничная клетка, а также из двух сводчатых, расположенных параллельно, и одного сводчатого, перпендикулярного к ним. В любом из этих помещений могла быть лестничная клетка. Встречаются и другие варианты планов. Их так много при сравнительно небольшом числе жилищ, что подсчитывать однотипные дома для систематизации материалов оказалось невозможно, хотя в другой ситуации, в Мохенджодаро, такой подсчет дал хорошие результаты (Sarcina, 1977, p. 90—93). В Пенджикенте план дома зависит от размера и конфигурации участка, и поэтому в группах, выделенных по площади, занятой домовладением, оказываются жилища, схожие по планам, хотя, как правило, не идентичные.

На компактных прямоугольных участках зажиточных рядовых горожан строители использовали в качестве планировочного элемента пары и тройки параллельных сводчатых помещений. Несколько раз почти полностью повторяется план с тремя параллельными помещениями, объединенными поперечным

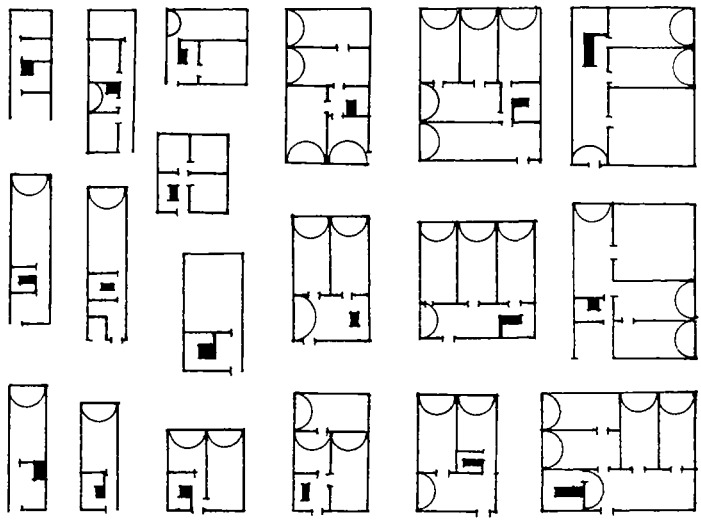

Рис. 78. Схема планов жилищ VII—VIII вв.

сводчатым коридором — вестибюлем с пандусом в торце (объекты III, XXII, XXVIII; см. рис. 7, 32, 33, 64).

При планировке домов для низших слоев знати задача архитекторов усложнялась необходимостью размещения парадных комнат. Дома этой категории чаще, чем дома рядовых горожан, занимали участок сложной конфигурации. Однако и среди них есть жилища, выстроенные на участках прямоугольной формы. В таком случае планировка не намного сложнее, чем в рядовых жилищах. Если парадная часть располагалась на втором этаже, первый этаж мог состоять из одних сводчатых помещений. Этих помещений обычно было несколько больше, чем в рядовых жилищах. Одно из сводчатых помещений иногда служило парадным вестибюлем, остальные главным образом кладовыми. Если парадная часть размещалась внизу, то нередко вдоль одной из боковых стен шел парадный коридор, размещался пандус (или лестница), а иногда и входной айван, т. е. все помещения, служившие для коммуникации, а вдоль другой боковой стены группировались парадный квадратный зал, а также хозяйственные и жилые помещения, обычно перекрытые сводами. Не случайно средняя разница в полезной площади между домами зажиточных горожан и низших слоев знати около 50 м^2. Это как раз сумма площадей небольшого зала и парадного коридора перед ним.

Архитектурные решения парадных залов довольно разнообразны, но для них обязательны два момента: особая ритуальная площадка и применение деревянных конструкций для перекрытия основной части помещения (рис. 8). Ритуальная площадка была высотой с суфу или немного выше. Во многих залах она оформлена в виде прямоугольного выступа суфы, обходящей весь периметр стен помещения. Располагалась площадка обычно напротив входа. Иногда ее помещали в большую арочную нишу.

На стене, к которой примыкала ритуальная площадка, как правило, помещалось изображение божественных патронов владельца дома и людей, совершающих обряд: возжигающих огонь на специальном переносном алтаре перед

этими богами. Культовая сцена или помещалась на заднюю стенку арочной ниши, или заключалась в нарисованную арку. Таким образом, даже в тех залах, где реальной ниши не было, она имитировалась с помощью живописи, которая, очевидно, передавала обряд, совершавшийся на ритуальной площадке.

Большая сырцовая арка ниши создавала определенные конструктивные трудности. Ее выкладывали с помощью кружал, которые должны быть жестко закреплены во время строительства. Кроме того, арка создавала значительный распор. Чтобы избежать деформации в процессе строительства, и в дальнейшем под пяты вводили деревянные прокладки, а в опорные пилоны вмазывали деревянные столбы. В залах с нишами и в некоторых залах без ниш не было колонн, тогда как в больших квадратных залах перекрытие опиралось на четыре колонны. Относительно бесколонных залов было высказано мнение, что некоторые из них вообще не имели сплошного перекрытия или были четырехколонные, хотя следов от колонн в них не осталось (Воронина, 1953, с. 114). Однако сейчас появились материалы, объясняющие принцип бесколонного перекрытия. Так, на объекте XXIII в помещении 19 площадью 6.2×6.3 м отсутствуют следы колонн, но в боковых стенах на линии фаса ритуальной площадки имеются напротив друг друга два гнезда, сохранившие отпечатки деревянных конструкций. В верхней части каждого гнезда виден след наклонного бруса, ниже — более толстого горизонтального бруса. Очевидно, наклонный был в него врезан углом. В самом низу заподлицо со стеной был вмазан вертикальный четырехугольный короткий столб. В целом это гнездо от опоры откоса, который поддерживал прогон. Свободный пролет между верхними частями двух откосов был около 4 м. Также около 4 м был пролет от стены со входом вдоль прогона. Откосы позволяют отказаться от применения слишком больших прогонов (в помещениях с колоннами максимальное расстояние между ними 4.5 м). В помещении 19 откосы оправданы не только конструктивно, но и художественно. Вместе с прогоном они образовывали трапециевидную «арку», выделяющую сакральную часть зала с ритуальной площадкой. К сожалению, в данном случае не сохранилась живопись, что мешает понять в полной мере замысел архитектора. Нарисованная ниша на стене могла быть арочной с трапециевидным верхом (как в помещении 13 объекта XXIV, Беленицкий, Маршак, 1979, рис. 7). В любом случае сочетание нарисованной и реальной архитектуры увеличивало видимую глубину пространства зала, делало величественным сравнительно небольшое помещение.

Применение откосов было широко распространено в согдийской архитектуре. Об этом свидетельствуют изображения и руины зданий, в частности, отпечатки откосов на стене и гнезда от горизонтального бруса в стене, в который они упирались, и нижних частей самих откосов над ним. Благодаря применению откосов появилась возможность перекрывать большие помещения шириной до 12 м без дополнительных опор. Вероятно, существовали разные варианты конструкций: с отдельными косыми брусьями или с наклонными поверхностями, которых могло быть две, три, четыре. Стены нескольких залов сохранились на высоту до 6 м. В их числе помещение 7 объекта III площадью 9×9 м (Якубовский, 1951б, с. 259—260). Колонн в зале не было, следов от каких-либо перекрытий не сохранилось. Перекрыть пролет в 9 м без откосов невозможно. Откосы в этом зале могли начинаться на высоте около 6 м. Пролет между их верхними концами должен был быть порядка 4 м. Откосы, судя по изображениям и следам, зафиксированным при раскопках, шли круто, а это значит, что в данном зале прогоны проходили на высоте около 3 м над основаниями откосов. Прогоны, вероятно, образовывали квадрат над центром помещения. Перекрытие этого квадрата со световым отверстием посередине также должно было иметь какое-то развитие в высоту. Так что общая высота внутреннего пространства зала была никак не менее 10 м.

Залы с четырьмя колоннами были разных размеров. Иногда они настолько малы, что их можно было перекрыть без колонн или с двумя колоннами. Тем не менее четырехколонный зал был излюбленным типом парадного помещения.

В. Л. Воронина (1964, с. 78—82, рис. 9, 25) предположила, что эти залы имели плоское перекрытие на балках, а центральный квадрат со световым отверстием в центре был оформлен в виде так называемого чорхона. Однако она сама отметила некоторые сложности, связанные с предположенной ею реконструкцией: «Решив вопрос о конструкции покрытия, нельзя не задуматься над тем, каким способом удалялась дождевая вода с кровли зала в тех случаях, когда он окружен другими помещениями. Выпуклость бревенчатого купола усугубляет важность этой проблемы. Но какого-либо объяснения на этот счет мы пока предложить не можем» (Воронина, 1964, с. 82). Дело в том, что высота зала по реконструкции В. Л. Ворониной определяется высотой колонн, на которых лежат прогоны, несущие перекрытие. Высота колонн определяется ею на основании сохранившихся остатков в помещении 86 объекта III (рис. 8). Ствол колонны без капители, шаровидного основания и пирамидальной базы был 2 м (Воронина, 1959, с. 110—111, рис. 11—12; 1964, с. 80). Если прибавить недостающие части, то получится около 3.2 м. Высота колонны 3 м получается по гнездам от прогонов, сохранившимся в стенах помещения 8 объекта VI (Ставиский, 1964, с. 125). Однако в данном случае стены сохранились много больше, чем на 3 м (Там же, рис. 4).

После работ В. Л. Ворониной и Б. Я. Ставиского появился новый материал, который позволил Б. И. Маршаку (1983) предложить новую реконструкцию перекрытий четырехколонных залов. По этой реконструкции балки, опирающиеся на колонны, шли только от стен. Между балками было перекинуто четыре деревянных «свода», возможно, трапециевидных в вертикальном сечении. Центральный квадрат перекрывался наборным деревянным куполом. Остатки такого купола обнаружены в помещении 57 объекта XXIII. В больших залах колонны были выше. Так, в помещении 41 объекта VI роспись сохранилась на высоту около 3.5 м над суфой, а сами стены имеют хорошую сохранность до высоты 4.5 м от пола. На этой высоте или даже выше могли находиться прогоны, перекинутые от стен к колоннам. Общая высота зала (колонны + + «своды» + купол) соответствовала высоте соседней двухэтажной застройки. При этом предполагается, что по уровню верха купола проходила плоская крыша, общая для всего дома. Таким образом решался вопрос о сбросе дождевой и снеговой воды. Между лицевым перекрытием зала и кровлей оставалось незанятое пространство. Реконструкция Б. И. Маршака основывается не только на пенджикентских данных, но и на материалах гротов Бамиана, где в камне имитированы расположенные крестом деревянные своды, опирающиеся на горизонтальные балки.

Колонны делали из трех частей. Широкая пирамидальная база выкладывалась из брусков или вырубалась из толстого положенного на бок ствола (рис. 79). Собственно колонна с шаровидным основанием, слегка сужающимся вверх стволом (рис. 80) и слегка расширяющейся конической капителью делалась из одного ствола.

Венчала капитель отдельная многоугольная абака или непосредственно подбалка. Такая конструкция создавала реально и зрительно надежную опору для сложного перекрытия. Особенно важна в этом отношении была ширина и массивность базы. Сложной архитектуре залов соответствовал богатый декор. Стены большинства залов были покрыты сюжетными и орнаментальными росписями, а деревянные фризы, балки, купола — глубокой резьбой. При раскопках залов найдены обугленные деревянные статуи, которые, вероятно, украшали конструкции перекрытия.

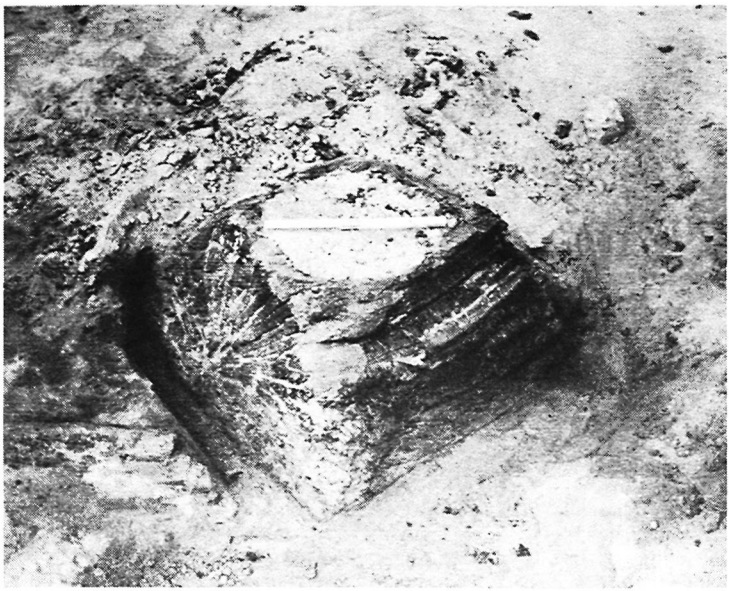

Рис. 79. Обуглившаяся деревянная база колонны (помещение 57 объекта XXIII).

В одном из залов на полу в середине были найдены обломки керамического предмета в виде усеченного конуса (наибольший диаметр 60 см, высота 38 см), орнаментированного по внутренней стороне терракотовыми налепами и гравировкой (рис. 81). А. М. Беленицкий (1959а, с. 93—94, 96, 101—104, рис. 5, 12) определил, что этот предмет служил для оформления светового люка в центре перекрытия. Обломки таких предметов встречены при раскопках еще несколько раз, но в большинстве случаев люки не имели керамического обрамления и, вероятно, выполнялись из дерева.

Обнаружены следы от замков, на которые запирались парадные залы. Здесь могли храниться ценные вещи. Залы, вероятно, открывались только в случае приема гостей. Поэтому, за редким исключением, они непроходные.

К залу вел высокий коридор, обычно сводчатый, стены которого часто покрывали росписью (рис. 23—24; 31; 59,*а*). Обязательным элементом таких помещений были суфы. В двух случаях в торцах коридоров на стенах сохранились изображения божеств. Суфа перед ними образует ритуальную площадку. Парадные коридоры имели две функции: коммуникационную и ту же, что парадный зал. Можно думать, что во время больших приемов самые почетные гости проходили в зал, а другие размещались в парадном коридоре. В богатых домах коридоры нередко были коленчатыми или даже Т-образными. Если бы они играли только коммуникационную роль, то трудно было бы объяснить, для чего их часто делали очень большими (до 90 м^2). Нередко по площади они превышали парадные залы.

Часто парадные коридоры имели сложную архитектуру. Например, на объекте XXIV своды коридора (помещения 2—3) состояли из четырех конструктивных элементов. Участок у входа был перекрыт редчайшим на всем востоке крестообразным сводом. Далее шел обычный свод, перекинутый между боковыми стенами, подпружная арка и снова обычный свод (рис. 47). Подпружная

Рис. 80. Отпечаток деревянной колонны в завале помещения 17 (объект XVII). На заднем плане — стена с остатками живописи.

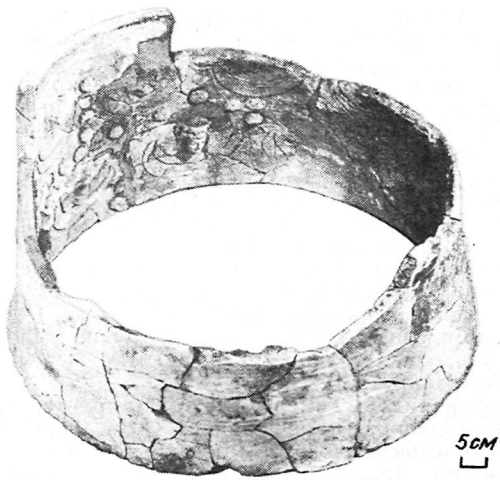

Рис. 81. Изделие из обожженной глины, обрамлявшее световой люк в центре зала.

Рис. 82. Остатки конструкций купольного (?) перекрытия (помещение 9, вид с севера, объект XXII).

арка казалась опирающейся на две деревянные колонны, приставленные к стенам. В действительности основную нагрузку несли стены. Арка была выложена в полтора кирпича, а видимая ширина вертикальной поверхности была в полкирпича. Все стены и своды были расписаны. В живописи верхней части торцовой стены была изображена опирающаяся на колонны арка, внутри которой помещена сцена поклонения божествам. Это сочетание реальной и нарисованной арок создавало своего рода перспективный эффект.

На объекте XXII интересно оформлен угол коленчатого коридора (помещение 9). В торцах обоих колен устроены ниши, по ширине примерно соответствующие ширине коридора. Угловой квадрат, очевидно, имел свое особое перекрытие, начинавшееся над замками четырех одинаковых арок — двух над нишами и двух от сводов отсеков коридоров (рис. 82; см. также рис. 33). Вполне вероятно, что углы между арками наверху были снабжены тромпами, а над ними возвышался купол.

Существенным элементом парадной части являются помещения с очагами-алтарями, имевшими, как уже отмечалось, художественное оформление (рис. 83, 84; см. также рис. 7; 25; 42; 76, *г*). Чаще всего они состоят из пристроенной к стене сырцовой арки, фланкированной двумя глиняными колоннами. Пилоны арки шириной в полкирпича наверху без какого-либо членения переходят в собственно арку. Колонны по высоте равны арке. Их базы, стволы и капители такие же, как у деревянных. Над капителями в стене в ряде случаев сохранились гнезда от консолей, на которые опирались деревянные конструкции колпака дымохода, обмазанные плотной глиняной штукатуркой, предохранявшей от огня. Только один раз, благодаря пожару, сохранились лепные украшения такого колпака: валики, киматий, вьющиеся побеги, две рельефные фигурки птиц с человеческой головой (Беленицкий, 1962, с. 94—95, рис. 6, 17, 18). На полу под колпаком находилась приподнятая площадка, на которой горел огонь.

Располагался такой очаг всегда у длинной стены помещения, в котором, как правило, вдоль стен шли суфы. Благодаря такому расположению очага люди, сидевшие на суфах, оказывались примерно на равном удалении от огня. Колонн, которые могли бы заслонить огонь, в таких помещениях не было. Особую интимность помещению придавало наличие тамбура. Художественно оформленные очаги никогда не имели приспособлений для установки котла, которые хорошо засвидетельствованы в кухонных. Следовательно, они никогда не служили для приготовления пищи. После середины VIII в. в процессе исламизации Пенджикента очаги с колонками или сносили, или переделывали

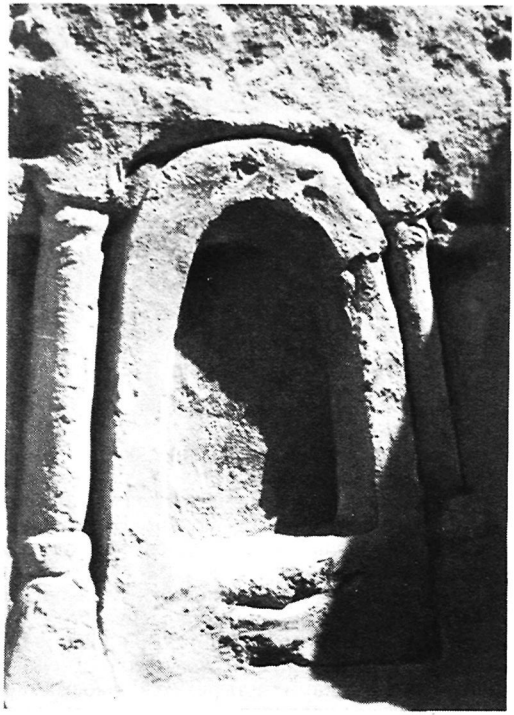

Рис. 83. Пристенный очаг-алтарь помещения 18 (объект IX).

в кухонные, вырубая в стене очажную нишу (Абдуллаев, 1980). Декоративно оформленные пристенные очаги были в помещениях, входивших в состав парадной части дома, расположенной в наиболее богатых домах на первом этаже (объекты III, XVI, XXI, XXIII, XXV), при этом в самом обширном домовладении древнего Пенджикента (объект XVI) было две комнаты с такими очагами. Они находились рядом, но в одной из них очаг был у восточной стены (помещение 10 — рис. 25), в другой — у южной (помещение 34).

В домах меньшего размера с более компактной планировкой помещения с декорированным очагом обычно располагались на втором этаже, что связано скорее всего с удобством устройства дымохода. В больших жилищах над помещениями с пристенными очагами второго этажа, вероятно, не строили.

Вторые этажи редко хорошо сохраняются, однако имеются данные, позволяющие предполагать, что во всех зажиточных домах были такие комнаты. На объекте XXIII исследовано жилище, в котором помещение с декорированным очагом было единственным большим помещением. Пристенный очаг не имел колонн по сторонам пилонов, но о богатом убранстве помещения свидетельствуют фрагменты полихромной росписи. Кроме того, в жилище входил вестибюль с лестницей и еще одна маленькая жилая комната и сводчатая кладовая в первом этаже. Возможно, к тому же дому относилось специально оборудованное зернохранилище (рис. 34, *а*, *г*).

Приведенные примеры показывают, что помещения такого типа нельзя назвать только молельнями, в которых осуществлялся культ огня. Иначе

Рис. 84. Очаг-алтарь, орнаментированный налепными жгутами (восточная стена помещения 66, объект XVI).

непонятно, почему их в богатом доме две и где могли жить люди в сравнительно бедном доме. Очаг-алтарь был главным почитаемым домашним очагом, у которого собиралась семья; он мог иметь и обогревательную функцию. Архитектура самих очагов, росписи в нескольких помещениях с очагами свидетельствуют об их почитании. Поэтому введенный В. Л. Ворониной термин «очаг-алтарь» представляется правильным. В богатых домах со сложным дифференцированным планом комнаты с очагом-алтарем сочетались с парадными залами, несомненно имевшими культовое значение, поскольку на торцовых стенах залов изображались сцены поклонения богам. Разнообразие ориентировки не противоречит сакральному значению очагов-алтарей, поскольку в залах сцены почитания также располагались на разных стенах без учета стран света. Только в двух случаях в помещениях с очагами-алтарями хорошо сохранилась роспись на стенах, расположенных напротив очага: в весьма богатом доме (объект XXI) — это изображение мужчины и женщины, видимо, предков хозяина дома (Беленицкий, Маршак, 1976, с. 84, рис. 14); в другом доме (объект XXIV, помещение 13) очаг находился в парадной комнате второго этажа, напротив него изображена ниша, в которой на троне восседает чета богов (Беленицкий,

Маршак, 1979, рис. 7). В обоих случаях напротив очага-алтаря имеется ритуальная площадка в виде прямоугольного выступа суфы. На объекте XXIV в одном помещении совмещены ритуальные функции парадного зала и комнаты с алтарем. Если в залах культовая сцена по высоте соответствует трем ярусам, то в этом помещении ее высота укладывается в высоту одного яруса. По сторонам от нарисованной ниши и на остальных стенах сюжетная роспись занимала также только один ярус, выше на красном фоне желтой краской был нанесен несложный орнамент. Вероятно, это связано с тем, что источник света помещался в середине сравнительно низкого потолка и поэтому верхние части стен были в глубокой темноте. Очаги-алтари в жилых домах датируются 1-й половиной VIII в.

В северной части цитадели Пенджикента раскопано несколько помещений дворца VI в. (рис. 85), причем среди них только одно было расписано — помещение 13, где был алтарь-очаг в виде арочной ниши не с пристенными, а со свободно стоящими колоннами, которые, вероятно, поддерживали колпак дымохода, так что получался как бы маленький храм. От баз колонн в полу сохранились гнезда у углов очажного подиума.

Если в помещении 13 объекта XXIV совмещены функции парадного зала и комнаты с алтарем, то в одном помещении рядового жилища часто совмещаются несколько функций: гостиной, главной жилой комнаты с почитаемым огнем, кухни и даже вестибюля. В двух рядовых жилищах на объекте XIV встречены пристенные очаги, украшенные налепным жгутом с насечками и орнаментальной росписью. В помещении 6, которое служило вестибюлем наряду с таким очагом, выполненным весьма примитивно, был настоящий кухонный очаг (Зеймаль, 1964, с. 252, 253, рис. 7). В другом жилище, по первому этажу состоявшему лишь из вестибюля и комнаты, в комнате был пристенный очаг в виде ниши. Ниша была обрамлена налепным жгутом, а стена около нее раскрашена широкими красными полосами по белому грунту (Там же, с. 245).

В состав парадной части домов низших слоев знати включались и небольшие помещения (сводчатые и несводчатые) с суфами и нишками, по своему устройству кроме росписи ничем не отличающиеся от комнат в домах рядовых горожан. В таких домах кроме этих помещений нет других, в которых могли бы жить хозяева. Все это наводит на мысль, что нередко парадная часть включала и жилые помещения.

Некоторые помещения в домах рядовых горожан являются имитацией парадных залов домов знати. Например, на объекте XII в доме, состоявшем из четырех помещений и коридора по первому этажу, был зальчик неправильной формы площадью всего в 12 м^2, но с четырьмя колоннами, которые конструктивно не были необходимы. В маленьком одноэтажном доме, выходящем на базарную улицу, главная комната (помещение 63 объекта XVI) имела в торцовой стене широкую нишу типа арочных ниш в парадных залах дворцов знати. На стене ниши сохранились следы белой подгрунтовки и красной краски.

На вторых этажах домов рядовых зажиточных горожан встречаются залы, по площади (более 30 м^2) и по суфам с прямоугольным выступом подобные залам в домах низших слоев знати. Различие лишь в отсутствии росписи в рядовых домах.

Можно привести, однако, примеры оригинального решения главной комнаты рядового жилища. Таков, в частности, двухколонный зал (помещение 40 объекта XXIV; см. рис. 45, *д*). Зал не был расписан, за исключением маленькой ниши в стене, в которой сохранился белый грунт под живопись. В полу зала обнаружен очажок в виде маленькой ямки, возможно, производственного назначения. На втором этаже этого дома располагалось помещение с пристенным очагом, который имел только пилоны, и кухня с очагом и ларями-хранилищами.

Таким образом, в архитектуре жилищ зажиточных рядовых горожан и представителей низших слоев знати наблюдаются достаточно четкие различия,

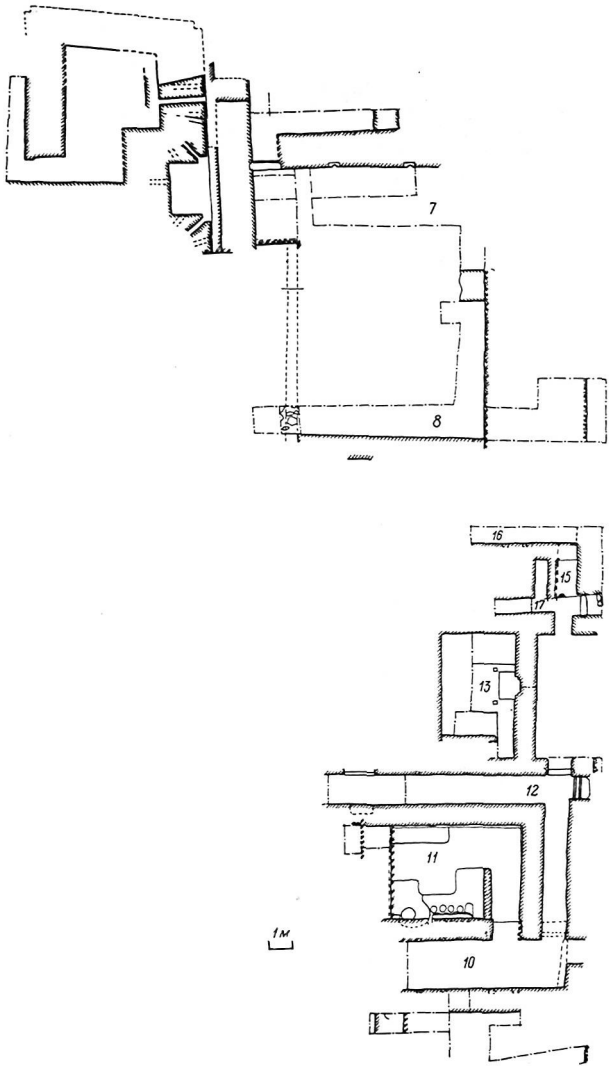

Рис. 85. Кайнар. План дворца VI в.

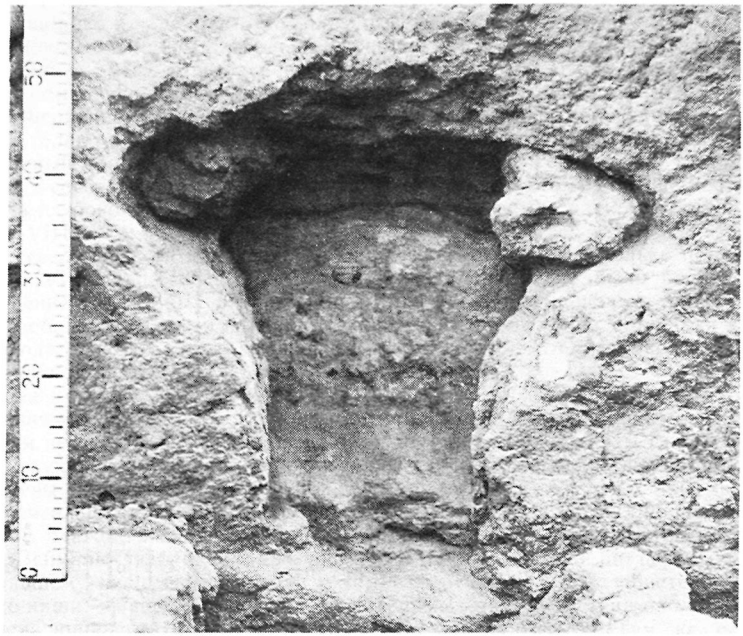

Рис. 86. Очаг в северной стене помещения 80 (объект XXIII).

хотя материал показывает также, что рядовые горожане стремились эти различия сгладить.

Основная масса сводчатых помещений первого этажа использовалась в качестве кладовых, хотя имеются и явно жилые помещения такого рода с хорошей штукатуркой, с суфами, нишками для светильника, а иногда и очагами. Внутристенные дымоходы устраивались чрезвычайно редко (зафиксировано два или три случая). Поэтому зимнее жилье удобнее было размещать на втором этаже, где не было затруднений с выводом дыма. По этой же причине в большинстве домов, как можно предположить, кухни были на втором этаже. При раскопках во многих жилищах in situ не обнаружено никаких очагов. В то же время при разборке упавших остатков вторых этажей часто находятся обломки очагов, зола, очажная земля, разбитые котлы, водоносные кувшины, хумы, в которых хранили припасы, низкие круглые алебастровые или, реже, керамические столики, на которых раскатывали тесто, а также ручные жернова.

В тех случаях, когда они найдены внизу, кухонные очаги в рядовых домах размещались или в вестибюле недалеко от входа (рис. 86), или в главной жилой комнате с высоким потолком. О специальных кухнях в первом этаже речь пойдет при описании самых больших жилищ города. Обычный кухонный очаг был врезан в стену, имел арочный верх, а внизу боковые приступки, на которые ставился котел. Часто перед таким очагом выгораживалась поставленными на ребро кирпичами небольшая площадка. Встречаются очаги в виде ямы в суфе и в виде оградки перед суфой.

Хранилища в пенджикентских жилищах весьма разнообразны. Под полом помещений разного назначения устраивали глубокие расширяющиеся ко дну ямы, в которые или ставили сосуды с зерном, или насыпали навалом просо.

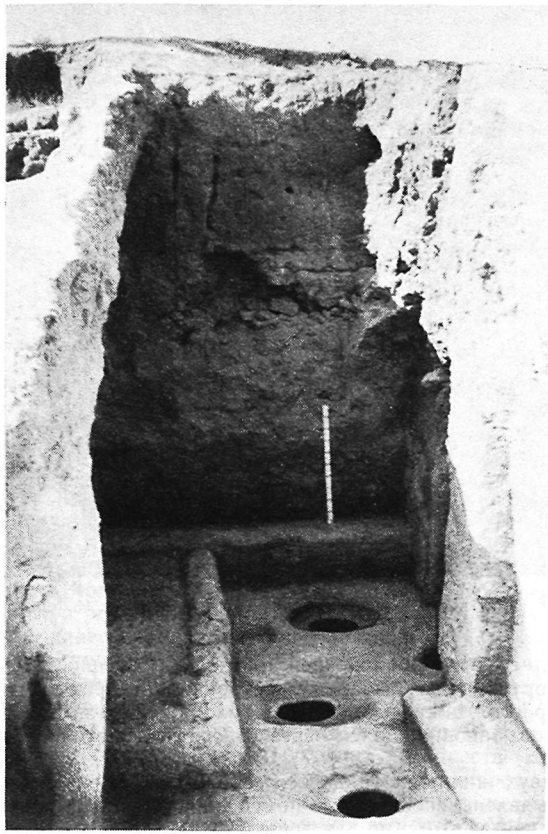

Рис. 87. Хумы, вкопанные в пол помещения 2 (объект IX, южный раскоп).

Ямы тщательно маскировались — обмазка пола над ними ничем не отличалась от пола на соседних участках. Можно думать, что в них хранился неприкосновенный запас, который рассчитывали сохранить даже в случае вторжения неприятеля. Часто в пол вкапывали хумы, причем так, что венчик приходился вровень с полом (рис. 87). В них могли помещать жидкие продукты или зерно. Припасы также находились в хумах, поставленных на суфы или на пол вдоль стен или в углу (рис. 88). Особым видом помещений для хранения являются низкие кладовки под пандусами и лестницами, где можно было поставить хумы или положить мешки (см. рис. 63, 69).

В некоторых комнатах зафиксированы пристенные лари со стенками в полкирпича. Иногда лари, изнутри обмазанные алебастром, занимают все помещение. Это специально оборудованное зернохранилище: обмазка алебастром предохраняла от грызунов. Такие лари зафиксированы в жилищах, принадлежащих различным социальным слоям. Амбары с ларями высотой 1 м чаще находились на втором этаже. Обычны зернохранилища с алебастровой обмазкой и на антресолях сводчатых помещений (рис. 53, 54). Обмазка поверх вымостки

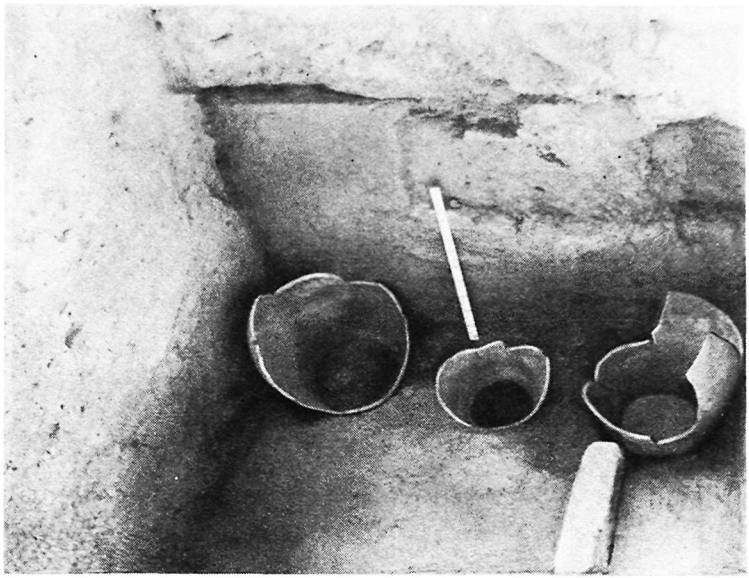

Рис. 88. Остатки хумов в юго-восточном углу помещения 16 (объект XVI).

или облицовки стен из обожженной плитки — особенность самых больших специально оборудованных амбаров. Их строили на втором этаже или в отсеках помещений первого этажа, разделенных доходящей до потолка перегородкой, в виде бункеров, заполнявшихся через отверстие в потолке (рис. 11, 41, 49, 51, 56).

Только в двух жилищах (рядового горожанина и представителя низшего слоя знати) выявлены специальные помещения с узкой сырцовой кормушкой, которая ниже, чем необходимо для лошадей. Однако в них можно было содержать ослов. В одном из этих помещений (объект XXIV, помещение 16) было два ряда столбов, кормушка (рис. 48) примыкала к стенке, в которую был включен ряд столбов. Эта стенка разделяла помещение на две части, в большей был еще один ряд столбов, а меньшая была занята хранилищем, пол и стены которого обмазаны алебастром.

Конюшен в городе вообще не обнаружено, помещений для содержания животных очень мало — это особенность застройки города, к которой мы вернемся ниже в связи с социологическими вопросами. Малое количество животных в городе способствовало содержанию его в чистоте. С точки зрения гигиены необходимо объяснить и другой факт — отсутствие в домах уборных и специальных мест для мусора. Между тем и улицы были достаточно чистыми. Свалки на пустырях и в развалинах домов появились в 740-х гг., тогда как до того существовали только большие свалки на незастроенных участках. Толстые гумусные прослойки в помещениях и на улицах относятся к моментам ухудшения состояния города в связи с его частичным запустением после событий 720-х гг. В жилых помещениях за время обитания на полах нарастали желтоватые и коричневатые прослойки тлена от циновок и, может быть, от прослоек соломы под циновками. Когда циновки ветшали, их, как правило, не выбрасывали, а застилали новыми. В некоторых жилых помещениях были небольшие «умы-

вальники», состоящие из ямки, в которую вставлен сосуд с пробитым дном (Анарбаев, 1981, с. 56—67).

Использование нечистот для удобрения хорошо известно этнографам. В Бухаре, Нур-Ата и в самаркандских пригородных владениях «уборные сооружались так, чтобы их содержимое было удобно периодически извлекать, чтобы использовать в качестве удобрения. В Бухаре этим занимались крестьяне окрестных селений, приезжавшие специально на поиски удобрений. Хозяин дома не платил ничего за очистку уборных, наоборот, получившие удобрение для своих земель крестьяне привозили ему обычно в подарок плоды своих садов» (Писарчик, 1974, с. 34). В Пенджикенте выгребная яма зафиксирована только в одном доме (помещение 21 объекта XXI); можно думать, что сбор нечистот в каких-то сосудах проходил настолько часто, что город регулярно очищался и был в хорошем санитарном состоянии (Анарбаев, 1981, с. 56, 58).

С хорошим санитарным состоянием улиц связано и то, что в ряде домов знати перед входом имелся айван — помещение, открытое в сторону улицы с перекрытием на колоннах или в виде широкой арки, иногда с полукуполом позади нее. Многие айваны были украшены живописью. Именно здесь на виду у улицы начинался торжественный прием гостей. Наличие айвана не считается обязательным: между вестибюлем или парадным коридором и улицей в большинстве домов знати вообще не было никаких помещений.

Зато в трех самых крупных домовладениях привходная часть была весьма развита. В них из парадного коридора выходили в большой двор, в который открывались двери одного или нескольких дополнительных помещений (рис. 21). На объектах XXI и XXIII/XXV дворы имели навесы вдоль стен, опиравшиеся на колонны. Нерегулярное расположение следов от баз колонн показывает, что навесы не были монументальными портиками. Они были легкими, непрочными, и поэтому при ремонтах меняли места колонн. На объекте XVI, скорее всего, также были навесы вдоль стен, о чем позволяет судить хорошая сохранность суф у южной стены, хотя следов баз там нет. Отметим, что во всех трех дворах вдоль стен шли суфы. На объекте XXI суфа напротив входа во двор имеет ритуальную площадку в виде прямоугольного выступа. Это дает возможность предполагать, что не только парадные коридоры, но и дворы использовались для приема гостей во время больших празднеств. Никаких следов хозяйственного использования нет ни в одном из этих дворов.

При каждом из дворов было сообщавшееся с ним помещение. Эти помещения сходны между собой по наличию каменных вымосток и высокой обширной суфы. На объекте XXI даже был устроен специальный пандус для подъема на эту суфу. При больших размерах помещений в них нет никакого декора, а кровля опиралась на стены и круглые тонкие столбы, а не на колонны. Определить назначение этих помещений трудно. Большая широкая суфа удобна в качестве места для спанья. Расположение таких комнат вне основного жилища позволяет выдвинуть предположение, что в них обитали слуги. Но в таком случае остается непонятным каменный пол, который отсутствует в жилых и хозяйственных помещениях всех видов.

На объекте XVI в парадную часть дома можно было попасть или через узкое непарадное помещение, или через многоколонный зал, стены которого были украшены росписями. Стена двора у входа в зал также была расписана. Коридор перед четырехугольным парадным залом невелик, но его малые размеры компенсируются с лихвой многоколонным залом.

В этом доме к двору примыкает сводчатое помещение, в котором размещена кухня с ларями и хозяйственными ямами, где одновременно функционировало не менее двух тануров (рис. 22). Тануры в Пенджикенте представляли собой печь, которая могла служить как для выпечки хлеба, так и в качестве кузнечного горна. Она состояла из хумы с отбитым дном, поставленного на устье и

охваченного футляром из сырцового кирпича. Кухня, выходящая во двор, является особенностью этого дома.

Вход с улицы во двор был шириной около 1.5 м. Судя по мощности пилонов, монументальный портал возвышался над оградой.

В двух других домах входная часть была весьма развита. На улицу выходил айван, позади него располагалось удлиненное помещение, ось которого была перпендикулярна к оси айвана. Благодаря этому помещению при открытых дверях айвана с улицы нельзя было увидеть двор. Над айванами и соседними помещениями размещались комнаты вторых этажей, к которым вел пандус.

Одним из необязательных, но частых признаков богатого домовладения является наличие при нем спланированных одновременно с ним торгово-ремесленных заведений, которые не связаны проходами с жилищем. Особенно ярко это проявилось в самом большом жилище Пенджикента 1-й четверти VIII в. *Лавки и мастерские образуют галерею вдоль улицы, кроме того, в состав* этого домовладения входит целый базар.

Таким образом, обзор жилищ VII—VIII вв. показал, что чем большую площадь занимали домовладения, тем разнообразнее были виды помещений и решение планов.

Наиболее ранний культурный слой обнаружен к западу от пенджикентского шахристана за саем около многоводного источника Кайнар (рис. 1 и см. вкладку, рис. 2). Керамика из этого слоя не моложе первых веков нашей эры. Она происходит из небольшого стратиграфического раскопа, в котором не обнаружено строительных остатков, синхронных керамике. На соседнем раскопе исследован небольшой участок крепостной стены с внутристенным коридором, основание которой приходится приблизительно на тот же уровень, что и слой с керамикой. Однако по имеющимся материалам пока провести синхронизацию невозможно. Крепостная стена идет в строго широтном направлении. С севера к ней пристроена с частичным использованием ее конструкций крепостная ограда с частыми прямоугольными башнями, которая входила в систему укреплений цитадели V в. Она синхронизируется с наиболее ранней крепостной стеной шахристана (Семенов, 1986, с. 87—90, 92—100, рис. 2, 3). Стена открыта на протяжении более 90 м. Можно предполагать, что на всем своем протяжении она шла вдоль ранней стены. Забивка внутристенного коридора ранней стены относится ко времени строительства стены V в. Под южной стеной V в. главного укрепления цитадели обнаружены остатки более ранних кладок (Исаков, 1977б, с. 67—68; Семенов, Шкода, 1980, с. 226). Все это дает основания считать, что на месте цитадели, и во всяком случае ее северной напольной части, находилось укрепленное поселение, возникшее значительно раньше V в.

Плато, позднее занятое шахристаном Пенджикента, вероятно, уже в первые века нашей эры было обжито людьми. Об этом можно догадываться на основании переотложенных находок: монета — подражание Антиоху, ножки кубков. Имеются также материалы примерно IV в.: подражания кушанским монетам, стеклянный бальзамарий, обломки керамики со спирально-сетчатым лощением. Однако построек этого времени пока не выявлено, а перечисленные находки единичны.

Остатки дохрамового, а может быть и догородского, строительства обнаружены в западном дворе храма I. Основные элементы планировки — это стена толщиной 2.6 м, остатки которой открыты под западной оградой двора храма, и перпендикулярная к ней стена, имевшая ширину 1.55, а позднее 2.55 м. Она была почти полностью снесена при постройке храма, а остатки ее уходят под платформу раннего храмового здания. Обе стены бесспорно фасадные. К югу от северной стены и к востоку от западной обнаружены остатки небольших помещений с тонкими сырцовыми стенами и суфами. Фрагменты керамики, найденные в зольных прослойках под приставной кладкой к северной стене, датируются V в. Это наблюдение позволяет утверждать, что главное здание храма I может быть датировано не древнее V в., тогда как ранее было установлено, что оно и не моложе V в. (Беленицкий, 1976, с. 87—88). Северная стена выделяла только часть огражденной территории, поскольку западная продолжалась к северу от места примыкания северной стены. Насколько далеко шла западная стена, сказать трудно, но можно предположить, что она входила в какую-то обширную планировку, так как она, отклоняясь от меридиана,

перпендикулярна краю террасы, на которой построен город, хотя и обнаружена на большом расстоянии от края. Такая же ориентация характерна для основных элементов городского плана V в. Пока еще неясно, что здесь удалось открыть: следы планировки, предшествующей городу, или же первоначальной разбивки городского плана. Во всяком случае, то, что обнаружено, старше двухчрамовой структуры священного участка, созданной уже в V в.

Возможно, незадолго до строительства города плато было орошено и разделено на участки-усадьбы. Табари в связи с событиями 722 г. писал, что арабы «шли от ограды к ограде», истребляя эмигрантов из Согда, простых земледельцев, последовавших за своими господами в Фергану (История ат-Табари, с. 188). Пришельцы, очевидно, разместились не в домах, а на огражденных усадьбах. Застройка из разделенных стенами регулярно расположенных усадеб с огражденными садами, виноградниками или огородами зафиксирована в Хорезме I—IV вв. н. э. (Неразик, 1976, с. 23—48).

В V в. при возведении города была создана принципиально новая урбанизированная структура, элементами которой были крепостные стены, улицы, храмы. Основная часть цитадели ориентирована не так, как ранние постройки ее северной части, а в соответствии с ориентацией стен и улиц шахристана, которая обусловлена краем террасы, находившимся далеко от отдельного холма цитадели. Градостроитель рассматривал цитадель и шахристан как две части единого целого.

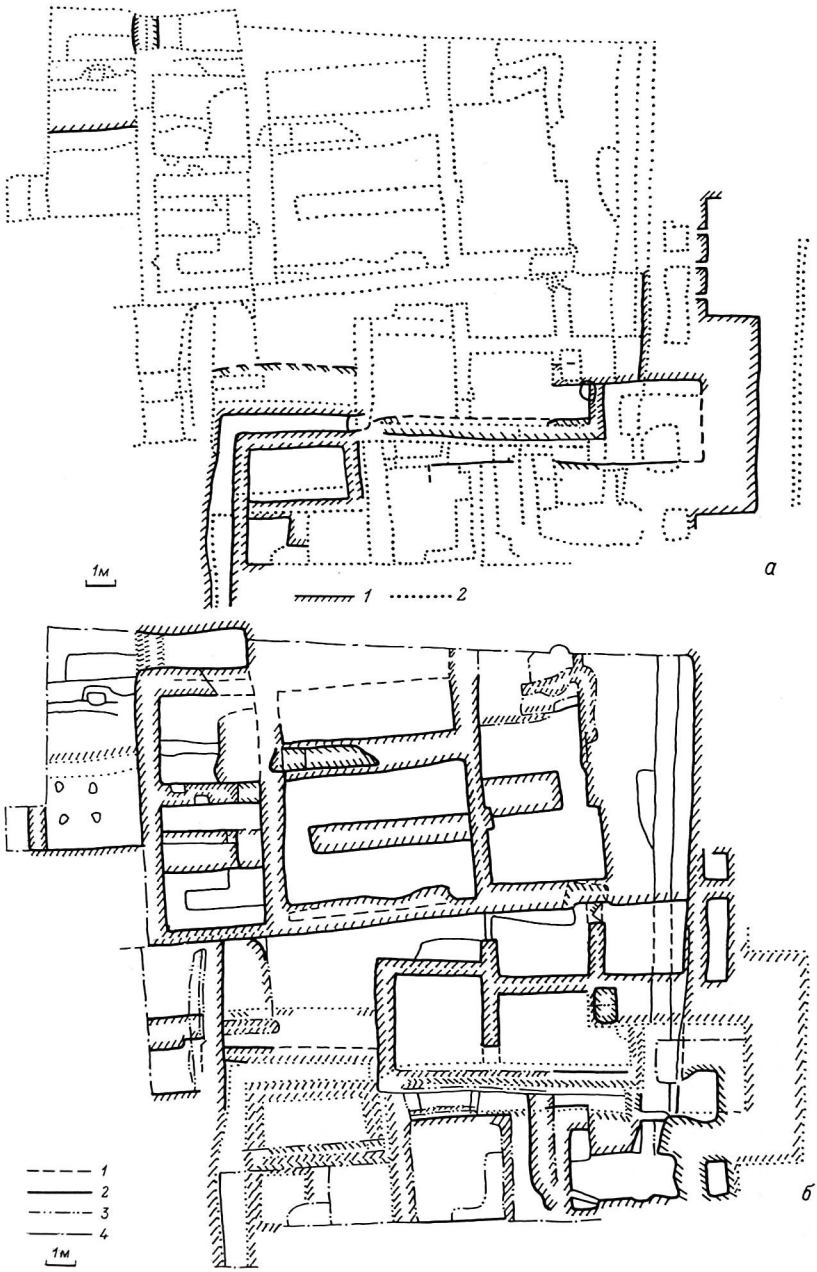
Наиболее ранние жилища города относятся к V в., но ни одно из них не раскопано полностью (рис. 89, *а*). Насколько можно судить по двум жилищам, исследованным на объекте XII, в это время не было сплошной застройки (Маршак, 1964, с. 184, 186—189). Расстояние между обоими домами 14 м. Один из них примыкает к городской стене (одна из его комнат заняла внутреннее пространство башни). Дома имели массивные фасадные стены около 2 м толщиной и тонкие внутренние перегородки. Строительство велось из сырцового кирпича. Помещения маленькие, площадью от 3 до 10 м^2. При сравнении с более поздним жилищем поражает узость коридоров (от 0.6 до 0.95 м). Толстые фасадные стены домов и наличие свободной территории около них заставляет думать, что это были отдельно стоящие усадьбы. Тонкость внутренних стен свидетельствует о тонких перекрытиях. Дома могли быть двухэтажными, поскольку толстые наружные стены обеспечивали прочность постройки.

К рубежу V—VI вв. относятся остатки жилых помещений, пристроенных к наружной стороне восточной городской стены первоначального шахристана. Одновременно с ними была построена новая крепостная стена, так что между крепостными стенами образовалась анфилада комнат. В 1-й половине VI в. они были перестроены: пол первого этажа и соответственно двух других был поднят на 1 м. О поднятии пола второго этажа судим по тому, что гнезда балок сохранились в двух уровнях. В VII в. эти помещения были уничтожены, а пространство между крепостными стенами было сплошь заложено с целью усиления обороны. На фасадах первоначальной стены и ее башен сохранились следы тонких стен, гнезда балок перекрытий, ниши и очаги. Прослеживаются два межэтажных перекрытия, так что всего было три этажа.

На протяжении 30 м насчитывается 8 помещений, разделенных тонкими стенками. Высота потолков около 2.5 м. Стены оштукатурены. Ниши арочные и трапециевидные, они есть практически в каждом помещении. В одной из арочных ниш стоял целый котел.

Рис. 89. Планы построек (объект XII).

а — V в., *б* — V—VI вв. *1* — постройки V в.; *2* — основные постройки VI в.; *3* — план помещений VI в., стоящих на забутованных постройках V—VI вв.

1м
1
2
а
1
2
3
4
1м
б

Чередуются помещения перед башнями шириной около 2 м и перед куртинами шириной в 4 м. В одной из широких комнат сохранились врезанные в боковую стену башни очаги, расположенные на двух этажах, один под другим. Они соединены каналом дымохода, прорубленным в теле башни. Дымоход проходил и над вторым очагом. Третий этаж здесь не сохранился. На исследованном участке нет выхода во внутригородское пространство. Видимо, все эти казематы использовались в качестве казарм. Жилища профессиональных воинов известны в цитаделях и замках, но на территории шахристана их не было ни при более ранней, ни при более поздней стенах. Можно думать, что здесь без семей жили воины гарнизона, которые не были горожанами Пенджикента. Хронологически казарма приходится на эфталитский период (Семенов, 1983). Хотя это жилище специфическое, но можно думать, что такие его детали, как ниши и очаги, а также высота этажей отражают обычную строительную практику конца V—1-й половины VI в. Другие жилища этого времени имеют худшую сохранность.

Рядовая жилая застройка VI в. исследована на объекте XII (Маршак, 1964, с. 185, 191—208). Целиком изучено одно жилище и частично раскопками затронуто шесть (рис. 89, *б*). Все они составляют единый квартал. Дома были двухэтажными, в одном из них есть параллельные друг другу узкие сводчатые помещения. В исследованном полностью жилище на первом этаже было 6 комнат площадью от 7 до 15 м^2. Участок, на котором находился этот дом, занимал 90 м^2. В жилище со сводчатым перекрытием были найдены грузики от небольшого ткацкого станка. В двух жилищах небольшие комнаты площадью 8 и 9.5 м^2 имели перекрытия на четырех колоннах. Высота помещений первого этажа была 1.8—2 м. В одном из помещений удалось проследить по отпечаткам профиль целой деревянной колонны с базой в виде вала и конической капителью. Не сохранилась только верхняя часть капители. Общая высота колонны 1.85—1.95 м. Надо отметить, что три других столба в этом помещении не были профилированы. Стены жилых домов выложены из сырцового кирпича. Проходы очень низкие — от 0.8 до 1 м. В жилищах VI в. уже отмечены специальные хранилища — небольшие помещения со стенами, обмазанными алебастром. Открыта одна стационарная лестница, которая вела на второй этаж. В одном из привходных помещений был очаг в небольшой нише в стене (Маршак, 1964, с. 197, рис. 9). В помещениях домов V—VI вв. часто встречаются переносные очажные глиняные подставки в виде усеченных пирамидок.

К VI в. относится самое раннее жилище с росписью. Оно находится на объекте VI на территории, вошедшей в состав города около рубежа V—VI вв. Отдельные стены этого дома сохранились включенными в толщу более поздних стен. В отличие от помещений с живописью VII—VIII вв. здесь высота стен от пола до потолка около 2 м. В этом жилище имеются и следы росписи на остатке стены второго этажа.

Отдельные части жилищ VI в. раскопаны на объекте XXV. На месте помещения 20 в VI в. была двухэтажная постройка с низким, менее 2 м, первым этажом. Во 2-й половине VII в., не разбирая балок перекрытия, первый этаж доверху засыпали землей. В помещении 18 южная стена, единственная оштукатуренная, построена во 2-й половине VI в., судя по керамике с нижнего пола, с уровня которого она возведена. В стене имеется арочная ниша с живописью (рис. 60). Расписан также небольшой участок стены под нишей. Это самый ранний пример изображения божества в частном доме. Нарисован сидящий бог с бурдюком, подобный древнегреческому Силену. План помещения VI в. не восстанавливается. В 1-й четверти VIII в. здесь была построена сводчатая комната. Стена с нишей стала торцовой. Живопись к этому времени уже сильно обветшала.

В северной части цитадели у источника Кайнар крепостная стена с башнями

V в. в VI в. потеряла свое оборонительное значение. Снаружи от стены V в. на севере и на востоке открыты остатки большого здания, прослеженные на протяжении более чем 90 м у северного фаса кайнарской части цитадели и более чем 60 м — у восточного. Всюду помещения этого здания имеют ряд общих признаков: сравнительно тонкие сырцовые стены (0.8—1.1 м толщины) с гнездами балок межэтажного перекрытия покрыты глиняной штукатуркой, которая во многих помещениях была побелена или окрашена в черный цвет.

Башни и куртины V в. местами были снесены, чтобы дать место новым коридорам и комнатам, а местами включены в застройку огромного по площади единого сооружения, скорее всего дворца. На северном фасе прослежены лишь фрагменты плана. Лучше сохранились помещения у восточного фаса (см. рис. 85). Они занимают здесь полосу шириной около 12 м, обведенную с востока синхронной им крепостной оградой толщиной 4.4 м. На севере остатки этой ограды уничтожены при проведении канала Токсанкариз. Стены здания местами сохранились на высоту до 7.5 м благодаря тому, что они были заложены сплошным массивом сырцовой кладки при очередной перестройке. В этой кладке, которая относится к крепостной стене толщиной 13—15 м, найдено небольшое количество керамики, датируемой первыми веками нашей эры и концом V—началом VI в. Однако сама закладка может быть и более позднего времени, поскольку массивные стены пенджикентского шахристана датируются VII в.

Таким образом, время функционирования дворца приходится, по всей вероятности, на VI в.

В одном из помещений на высоте 2.45 м от пола сохранились гнезда от балок перекрытия, выше видна стена второго этажа. Однако существовали и залы, в которых потолок был не ниже чем 4.5 м: до этой высоты на стене высотой не менее 7.5 м сохранилась побелка. Проходы имели плоское перекрытие на высоте не ниже чем 1.3 м при ширине около 1 м. Имеются также проходы высотой в человеческий рост. Важным архитектурным элементом дворца является коленчатый коридор шириной в два, два с половиной локтя. Позднее, когда распространились своды, столь узкие коридоры, как правило, уже не строили. Наряду с обширными залами высотой в два этажа были сравнительно небольшие помещения, одному из которых придавали особое значение: стены его были покрыты росписью. Помещение небольшое, около 17 м^2. Входили в него через тамбур, отделенный стенкой в полкирпича. Стенка закрывала от глаз входящего очаг-алтарь, находившийся приблизительно посередине длинной стены. Вдоль стен шли суфы.

Следует отметить, что в VI в. в основном каре цитадели также был дворец. Когда к восточному фасаду башен V в. пристроили новую крепостную стену, образовалась анфилада, в которую вошли внутрибашенные помещения и превращенные в комнаты промежутки между башнями (рис. 90). В нише одного из помещений имеются следы росписи.

К востоку от основного каре цитадели открыты остатки строений VI в. Это четыре сводчатых помещения, сгруппированные попарно (см. рис. 90 — помещения 6, 7; 18, 19). По габаритам и планировке они весьма схожи с подобными помещениями жилищ 2-й половины VII—VIII в. В одной из пар в стене имеются два междукомнатных окна (высотой 50, шириной 20—22 см). В забутовке одного из этих помещений найден терракотовый диск, расписанный после обжига, с изображением головы человека в короне (Исаков, 1977б, с. 103—104, рис. 39).

Хотя материал по жилищам V—VI вв. весьма скуден, мы видим, что в это время уже появляются элементы жилой архитектуры, которые становятся типичными в VII—VIII вв., причем наибольшее сходство прослеживается между архитектурой дворца и позднейших жилищ. В то же время надо отме-

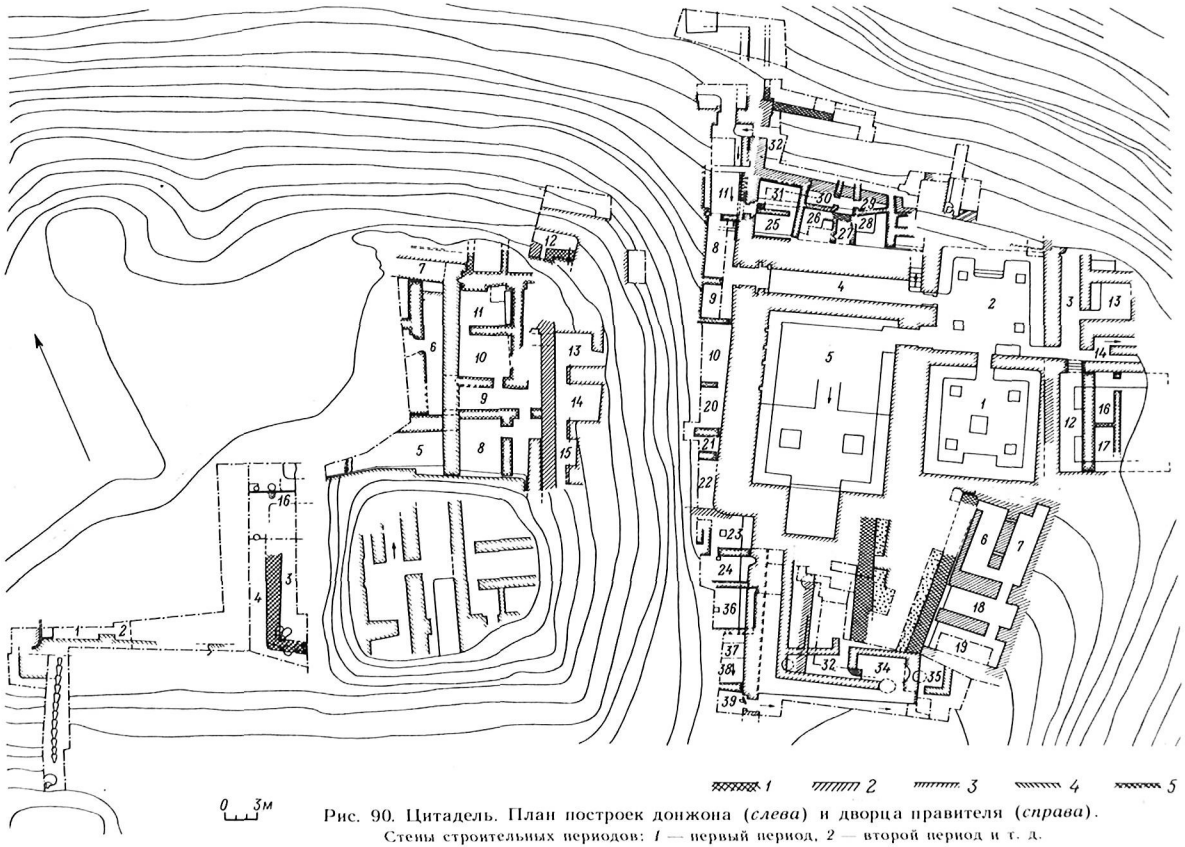

Рис. 90. Цитадель. План построек донжона (*слева*) и дворца правителя (*справа*).
Стены строительных периодов: *1* — первый период, *2* — второй период и т. д.

тить, что архитектура V—VI вв. более скромная: меньше размеры помещений, беднее декор, очень низкие потолки, тонкие перегородки.

Шахристан Пенджикента V в. занимал площадь около 8 га. Однако очень скоро он вырос более чем в полтора раза. Уже на рубеже V—VI вв. или в начале VI в. площадь его увеличивается до 13.5 га. К востоку и к югу от крепостных стен V в., которые продолжали функционировать, возвели новую линию укреплений. Город, таким образом, разделился на две части — старую и новую. Надо отметить, что, судя по дому с живописью на объекте VI, среди населения новой территории были достаточно зажиточные люди. Несмотря на большой прирост площади города, плотность застройки его не уменьшилась, а увеличилась. Для VI в. мы знаем жилой массив, состоящий из примыкающих друг к другу домов.

В VI или начале VII в. в связи со строительством монументальных зданий и работами по благоустройству было предпринято выравнивание рельефа. Строители создавали сплошные платформы из пахсовой кладки. Пахсовые субструкции прослежены в специально заложенных шурфах на объектах IX, XVI и XXIV. Толща пахсы достигает 3—3.5 м.

К 1-й половине и середине VII в. относятся только отдельные помещения, раскопанные на VII и XII объектах. В двух из этих помещений прослежены деревянные колонны с профилированными базами. Следует отметить, что к этому же времени относится ювелирная мастерская на объекте XII, представляющая собой изолированное от жилых комнат помещение (Распопова, 1980, с. 42—44).

Во 2-й половине VII в. и в первых десятилетиях VIII в. складывается застройка сплошными массивами, разделенными улицами и переулками. Многие из этих жилых массивов сформировались в результате застройки промежутков между отдельными высокими домами 2-й половины VII в. Планы таких домов имеют четкие прямоугольные очертания. К сожалению, у нас почти нет данных о том, как использовались промежутки между домами. В большинстве случаев, вероятно, это были дворы городских усадеб. Такие ядра массивов удалось обнаружить на объектах XVI, XXII, XXIII, XXIV. На объектах XVI и XXII открыты боковые и задние фасадные стены, которые имели легкий наклон, потому что они сужались кверху (рис. 71, 75). На высоте около 4 м в фасадных стенах обнаружены окна первого этажа. На объекте XVI целиком оконтурены фасадные стены двух домов, примыкавших друг к другу углом (см. рис. 19). Один из этих домов (помещения 20, 20а, 20б, 85, 87, 88) имел выход на улицу. Ориентация стен домов соответствует разбивке улиц. Вдоль северной фасадной стены этого дома был устроен навес, от которого сохранились гнезда балок. В углу, образованном обоими домами, также был навес; имеются гнезда от мощных прогонов в северной стене дома, состоявшего из помещений 11, 15—17, 83, 84, и гнезда от частых поперечных балок, опиравшихся на прогоны, в западном фасаде соседнего дома (рис. 72). Под эти навесы проходов из домов не было. Вполне возможно, что они использовались для каких-то общественных нужд, например здесь могла производиться торговля. Оба жилища в начале 1-й четверти VIII в. подверглись перестройке, однако их фасадные стены и большинство внутренних стен первого этажа не были снесены. Лучше сохранилась первоначальная планировка в доме, состоящем из помещений 11, 15—17, 83, 84 (рис. 19, *а*; ср. с рис. 18). Здесь был перестроен второй этаж и перенесен вход в дом. Первоначальный проход на восток превратили в нишу, так как некогда свободное пространство, куда выходили из дома, было застроено. Был пробит проход в южной стене помещения 17, и, таким образом, дом оказался частью нового весьма обширного домовладения, которое заняло даже часть улицы.

Первоначально дом занимал участок площадью 144 м^2, полезная площадь помещений первого этажа 79 м^2.

Вход в ранний дом вел в сводчатое помещение площадью 29 м^2, являвшееся вестибюлем, из которого на север вело три прохода: на пандус, в кладовку под пандусом (общей площадью 15 м^2) и в сводчатое помещение 83 (площадью 24.5 м^2), вытянутое с севера на юг, которое в свою очередь проходом в западной стене было связано со сводчатым помещением 84 (площадью 10.5 м^2), вытянутым с запада на восток (рис. 19, *а*). Сводчатые помещения первого этажа, включая и вестибюль, видимо, с самого начала имели хозяйственное назначение, так как во всех помещениях прослежены гнезда от балок, на которых крепились антресоли. При постройке дома был запланирован пандус и помещения второго этажа, служившие для жилья и приема гостей. На втором этаже зафиксирован кухонный очаг, перекрытый полом начала VIII в., когда устраивали помещение с пристенным очагом-алтарем и живописью (рис. 76, *г*; см. также: Беленицкий, 1964, с. 72). Особенностью этого дома является наличие антресолей, предназначенных для хранения зерна, во всех помещениях первого этажа. В доме не было парадного входа. Это позволяет, несмотря на значительные размеры и декор фасада, считать, что дом принадлежал зажиточному горожанину, а не аристократу. Именно в этом доме был найден фигурный сырцовый кирпич от фриза. Он круглый, с круглым отверстием посередине. Фриз с такими кирпичами изображен в росписи главного зала дворца 1-й четверти VIII в. на цитадели (Исаков, 1977б, рис. 61).

В восемнадцати метрах к северу от этого дома находится кубическое массивное здание с наклонными стенами, также включенное в позднейшую застройку (рис. 20). Западные фасады обоих домов выходят примерно на одну линию. На запад открывается проход на пандус. Кроме пандуса по первому этажу в этот дом входили еще два сводчатых помещения с антресолями. К северу-восточному углу здания, видимо, примыкал углом еще один ранний дом, к западному фасаду которого в начале VIII в. были пристроены помещения 80—82.

Пандус поражает своими размерами, а фасадные стены толщиной. В завале около входа на пандус обнаружены фрагменты живописи с орнаментом, характерным для сводов. Вполне вероятно, что она относится к раннему периоду и могла украшать миниатюрный айван перед двойными дверьми, за которыми начинался широкий и высокий марш пандуса, ведущего в парадные и жилые помещения второго, а возможно, и третьего этажа. Ширина дверей 1.40 м. Этот дом занимал площадь 200 м^2 и принадлежал, скорее всего, представителю знати.

На объектах XV—XVI раскопан квартал, с четырех сторон ограниченный улицами. Хотя объект XV исследован еще недостаточно, можно представить себе схему застройки этого квартала в VII в. Через его южную часть проходила широтная улица, позднее застроенная помещениями 7, 8, 14, 18 объекта XVI. На это указывают фасады двух зданий, выходящие на одну линию, а также продолжение этой улицы, открытое западнее на объекте XXV.

В юго-восточном углу раннего квартала, ограниченного этой улицей, находилась небольшая постройка, вероятно, общественного назначения (см. рис. 19, *а*). Это был зал с трапециевидным в сечении перекрытием и окнами под потолком в южной и северной торцовых стенах. Вдоль стен шли суфы с прямоугольным выступом — ритуальной площадкой.

Западная красная линия проходила в VII в. вдоль западных фасадов двух квадратных домов, поскольку к западу от нее вплоть до улицы нет остатков ранних сооружений. Судя по результатам шурфовки, это была искусственно выровненная площадь. В 1-й четверти VIII в. значительная часть этой площади и прилегающие к ней с юга и запада участки были заняты базаром. Это обстоятельство и расположение в центре города позволяют думать, что и в VII в. здесь мог быть базар. С севера и востока расположение улиц не менялось. Квартал VII в. был меньшей площади. Два дома в его хорошо

исследованной западной части занимали 350 м^2, а территория без монументальной застройки — 390 м^2.

Расположение домов уступами, едва ли не в шахматном порядке, обеспечивало дневной свет и вентиляцию всем помещениям первого этажа. В начале VIII в. дом с большим пандусом с трех сторон обстраивается новыми помещениями (см. рис. 20). Он был включен во вновь возникшее самое большое домовладение города. Площадь всего домовладения 2100 м^2, это в 10.5 раз больше первоначального дома, но при подсчетах надо учитывать, что 390 м^2 было отведено под торгово-ремесленную застройку, т. е. к собственно жилищу прибавилось 1500 м^2.

Второе по величине домовладение, тоже регулярно спланированное, судя по незавершенности декора, не было еще окончательно достроено к 722 г. (объект XXI). У него нет массивного ядра, но в помещениях дома — 8-м на востоке и 4-м и 20-м на западе — использованы стены более ранних жилищ. Может быть, не случайно айван (помещение 19) замыкает перспективу переулка. Не исключено, что здесь, как и на объекте XVI, в территорию богатого домовладения вошла общественная земля.

Третье по размеру домовладение площадью 862.5 м^2 (объекты XXIII, XXV) имеет неправильный план, так как оно возникло более сложным путем (см. рис. 61). Помещения 34, 39, 46—50, 53, 60 перепланированы из каких-то ранних жилищ с сохранением части стен. При этом строительстве присоединили часть соседнего жилища. Общественная территория на юге, на которую были выходы не менее чем из двух домов, была превращена в огромный двор, окаймленный со стороны улицы несколькими новыми помещениями. В юго-западном углу вновь образовавшегося домовладения без перепланировки сохранился включенный в него в результате пробивки прохода целый небольшой дом из трех сводчатых комнат с лестницей.

Интересно прослеживается судьба трех соседних домовладений. На севере к сравнительно небольшому аристократическому дому (помещения 27—31, 37, 38) было присоединено соседнее рядовое жилище (помещения 40, 41, 43; см. рис. 34, *а*). Переулок, примыкающий к этому рядовому дому, сохранился, но был перекрыт сводом, над которым устроили помещения в два этажа. В начале VIII в. над несколькими переулками были возведены подобные верхние этажи, давшие дополнительную полезную площадь соседним домам. Захваты общественной территории самыми богатыми домовладениями и использование площади над переулками показывает, что к началу VIII в. свободных участков в городе не осталось. В условиях земельной тесноты люди, желавшие и имевшие возможность расширить свои жилища, делали это за счет соседей и общественной земли и пространства над переулками.

На западе обширный дом (помещения 11—22, 24 объекта XXV) имеет неправильный план, поскольку в него включены несколько комнат, принадлежавших в VII в. другим жилищам (рис. 55).

Восточный сосед во 2-й половине VII в. построил обширное и богато украшенное жилище (помещения 54, 55, 57—59, 61—62, 64, 65, 68, 69, 74 объекта XXIII; см. рис. 36, *а, б*). Однако к концу VII в. здесь прослеживается процесс, противоположный тому, о котором шла речь выше: в этом домовладении выгораживаются два небольших жилища. Здесь едва ли можно говорить о разделе между членами аристократической семьи. Скорее, два скромных жилища на участке аристократа сдавали внаем рядовым горожанам. Часть дома с помещением 33 владелец передал (продал или сдал) хозяину только что построенного соседнего богатого дома. Помещение 67 из коридора стало тупиком-переулком. Помещения 66, 70 были изолированы от остального домовладения. Поэтому для 1-й четверти VIII в. они в него не включаются. Назначение помещения 66, несмотря на частичные перестройки, не изменилось. В нем устроили новую печь того же типа, что в VII в. Здесь, видимо, была харчевня. Выход из

помещения 70 был, как и ранее, только в помещение 66, а из последнего — в переулок.

На примере этих четырех домов в центральной части города мы видим, что в конце VII—начале VIII в. идет процесс перераспределения земельной собственности. Новые дома знати часто возникают рядом с более старыми рядовыми домами, при этом используются их стены (объект XXII). Планы новых домов часто имеют изломанную конфигурацию, обусловленную тем участком, который удавалось приобрести.

Квартал сплошной застройки (объект XXIV; рис. 43) с севера ограничен улицей, а с запада и с востока переулками. Южная его часть еще не исследована. Наиболее ранним на этом участке было жилище, состоявшее из помещений 1—3, 4а, 6, 7, 9, 10 (рис. 44; 45, *а*). Оно прямоугольное в плане с массивными стенами, построено во 2-й половине VII в. Уже в VI в. вдоль западного переулка было построено рядовое жилище. В VII в. после перестройки оно состояло из помещения 34, выходившего на улицу, и большой прямоугольной комнаты (рис. 45, *б*), которая затем была перепланирована в целое жилище (помещения 26—28). Из помещения 34 был проход во двор, который с севера огражден задним фасадом прямоугольного в плане дома.

К северу от рядового жилища в VII в. находились две параллельные сводчатые комнаты какого-то другого дома. Они были потом перепланированы в помещения 17—18, 22, 23. Территория между этими комнатами и прямоугольным домом тоже была как-то застроена уже в VII в., поскольку, когда в последней трети VII в. во дворе был построен небольшой дом (помещения 19, 20, 30) с кузницей в вестибюле (помещение 19), выход из которого вел, видимо, в оставшуюся свободной часть этого двора, он был пристроен к наклонному фасаду, ставшему северной стеной помещений 19, 20 (рис. 45, *в*). Какое-то здание в VII в. находилось к югу от помещения 34, однако мы не можем судить о его плане. В конце VII в. здесь был построен дом с помещениями 38—45 (рис. 45, *г, д*). К VII в. относятся ранние стены помещения 33, видимо, вестибюля какого-то жилища (рис. 45, *б*).

На рубеже VII—VIII вв. складывается сплошная застройка квартала. Происходит полный передел жилищ к югу от прямоугольного дома (рис. 46, *б*). К востоку от помещения 34 были построены пандус (помещение 35) и сводчатое помещение 31. Проход на север из помещения 34 был заложен, зато пробит проход из помещения 35 в помещение 30, которое было при этом отсечено в результате закладки прохода от помещения 19. Таким образом, образовалось новое жилище с вестибюлем, пандусом и двумя сводчатыми комнатами. К северу от помещения 34 в результате кардинальной перестройки появилось новое рядовое жилище (помещения 26—28). Помещения 19 и 20 были в это время включены в другое новое жилище. Между помещением 19, в котором мастерская была уничтожена, и восточным переулком построили вестибюль (помещение 29). В то же жилище, видимо, входили помещения 11 и 12, план которых установить для этого времени невозможно, так как они позднее были основательно перестроены.

Юго-западный угол квартала был перепланирован в начале VIII в. В одном из находившихся здесь домовладений было выделено небольшое второе жилище, состоявшее из вестибюля и сводчатого помещения (помещения 18, 22) (рис. 46, *а*).

В 1-й четверти VIII в. существовала такая большая потребность в земле под застройку, что ради жилищного строительства пошли на ослабление обороноспособности города и снесли внутреннюю стену шахристана. Это дало возможность застроить обширную территорию: от восточного края плато до края рва первоначального шахристана, по которому в 1-й четверти VIII в. шла улица, разделяющая объекты VII и XVII. Шурфы на этой улице показали,

что северная часть объекта XVII подстилается прослойками заполнения рва и тоже не может быть датирована раньше 1-й четверти VIII в.

На вновь освоенной территории (объекты III и VII) поселились представители разных слоев населения, в том числе и несколько богатых аристократов. При строительстве самых богатых домов на III и VII объектах была использована территория по обе стороны снесенной стены.

Мы не знаем укреплений и храмовых зданий, построенных при Девештиче, но снос стены и связанное с ним очень большое жилищное строительство приходится на годы его правления. Это могло быть связано с переселением в Пенджикент какой-то части самаркандцев, выселенных арабами в 712 г. из шахристана Самарканда, в который они вселились сами. Можно думать, что эмиграция самаркандцев в Пенджикент усилила позиции Девештича, которого арабы называли «согдийским царем, самаркандским господином». *Дехканом жителей Самарканда назван он у Табари.* Таким образом, Пенджикент между 712 и 722 гг. играл роль своего рода временной столицы Согда. Одновременно в Иштихане или Фринкете находился другой такой центр, где сидел Гурек — соперник Девештича. Таково было положение в Пенджикенте 1-й четверти VIII в. В результате подавления антиарабских восстаний 720-х гг. город был опустошен, частично сожжен. Наступил период запустения, который прослеживается не только по большинству раскопанных жилищ, но и по уличным наслоениям. Канал, проходивший вдоль улицы, шедшей от храмов в сторону цитадели, в это время заилился, а при восстановлении города был забит глиной и получил новое русло. Затем около 740 г., по-видимому, в результате договора согдийцев с главой арабской власти в Средней Азии Насром ибн Сеййаром (Большаков, 1964, с. 119), *начинается восстановление.* К этому времени относятся слои обживания в старых домах и строительство новых (рис. 4, см. вклейку). Люди, вернувшиеся в город, попытались восстановить прежний образ жизни. Однако в полной мере им это не удалось. Так, в самом богатом домовладении шахристана были произведены значительные ремонтные работы. Стены четырехколонного зала были дополнительно укреплены и подготовлены для нанесения живописи, но расписана была лишь одна ниша. Во втором домовладении этого ранга жилище также было восстановлено, парадный зал и так называемое домашнее святилище расписаны, но в парадном коридоре остались ветхие росписи предыдущего периода, нуждавшиеся в обновлении.

В богатом доме на объекте VII были проведены большие перестройки. Архитектурные сооружения восстановили полностью, но стены все же не были расписаны. Другое большое жилище (помещения 14—18, 24, 25, 33, 37, 38, 83, 84, объект XVI) восстанавливается частично (см. рис. 18). Пожарище в помещениях 15—17, 83, 84 не разбирается, и вход в эту часть дома замуровывается. Квадратный четырехколонный зал (помещение 33) превращается в дворик. Помещение 14, бывшее парадным в 1-й четверти VIII в., сначала восстанавливается как кладовая, а затем снова расписывается и превращается в парадное.

Ряд крупных жилищ на объектах III и VI восстанавливается лишь частично и теряет свой прежний ранг. Залы не восстанавливаются, а в остальных помещениях поселяются, по-видимому, рядовые семьи.

Наряду с восстановлением старых домов строятся новые, в том числе появляются и новые дома с росписями (помещения 1—3, 3а объекта XIX; рис. 28). Вполне вероятно, что и известный дом с живописью площадью 360 м^2 (помещения 9, 10, 13, 23, 26, 28, 33, 35 объекта VI) построен именно в это время (рис. 10). Восстанавливается и заново расписывается дом со знаменитым «Синим залом» (помещение 41 объекта VI), жилище на объекте XXIV (помещения 1—3, 4а, 6, 7, 9, 10; рис. 45, *а*) с несколькими заново расписанными помещениями. Можно было бы привести еще несколько примеров.

В городе в это время появляются пустыри: запустевают целые дома, перестают функционировать многие торгово-ремесленные постройки. Все это показывает, что в городе исчезла земельная теснота.

Присоединение соседних домов наблюдается и в это время. Так, на объекте XXIV произошел передел трех жилищ, в результате чего образовалось два дома — один обширный (помещения 19, 20, 30, 31, 34, 35, 38—45) и один небольшой (помещения 11,12) (рис. 46, *в*). Продолжало использоваться и помещение 29, ставшее изолированным от соседних комнат со своим выходом на улицу.

К концу этого недолгого периода наблюдается перемена в образе жизни, что связано скорее всего с успешной исламизацией населения: уничтожаются или превращаются в бытовые очаги-алтари, намеренно портится живопись, особенно изображения богов и лица людей, к этому же времени относится арабо-согдийский документ с мусульманской религиозной формулой. В некоторых залах зафиксированы пожары, после которых они не восстанавливаются. В одних жилищах отмечается временное запустение, а другие навсегда покидают их хозяева. Все это приблизительно совпадает со временем движения Абу-Муслима (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 132; Абдуллаев, 1980).

Следующий период — 760—770-е гг. — все же нельзя назвать временем полного упадка города, хотя упадок и очевиден.

Самое крупное домовладение полностью запустевает. Второе по величине разделяется на два жилища, в большее из которых вошла прежняя парадная часть. Двор площадью 177 м^2 в начале периода еще функционирует как парадное помещение, именно в это время здесь возводится суфа с прямоугольным выступом, характерным для парадных залов. Однако позднее во дворе устраивают железоплавильню.

Одним из крупных домовладений, исследованных по уровню фельсов, является домовладение, состоящее из помещений 3, 6, 11 объекта IX. Надо отметить, что история этого дома не изучена, так как раскоп остановился на уровне пола с фельсами. В этом комплексе также наблюдается превращение парадных помещений в жилые и хозяйственные.

Единственным парадным залом, украшенным резьбой по дереву, функционировавшим в это время, был зал 55 объекта III. Этот зал погиб от пожара не ранее 770 г., так как в слое пожарища было найдено два фельса с именем Хамзы ибн Амры (Самарканд, 153 г. х./770 г.).

Для этого периода по сравнению с предыдущим наблюдается почти полное исчезновение богатых домовладений. Относительно большое количество рядовых домовладений с лавками и мастерскими при них показывает, что поселение сохраняло еще свой городской характер.

Завершается жизнь на территории древнего города новыми пожарами и окончательным запустением домов в середине 770-х гг., скорее всего, во время восстания Муканны.

Для количественного анализа состава населения по данным жилищ необходим синхронный срез. Если мы будем учитывать в более широком временном диапазоне все жилища VIII в., исследованные в Пенджикенте, то получится искаженная картина, потому что соотношение различных слоев населения, как это прослежено по диаграммам, сильно менялось за одно-два десятилетия.

Наиболее представительным является срез по 1-й четверти VIII в. перед катастрофой 720-х гг. Во многих случаях устанавливается одновременность пожаров разных жилищ. Люди, которые жили в этих домах, были связаны между собой: они ходили друг к другу в гости, торговали между собой, участвовали в одних и тех же событиях.

Рассмотрим теперь совокупность жилищ этого периода. Они занимают общую площадь около 18 тыс. м^2. Селитьба, за вычетом храмовой территории, улиц и явно незаселенных, судя по рельефу, участков, получается 8.82 га.[6] Таким образом, раскопано 20.4 % жилой застройки 1-й четверти VIII в.

Для дальнейших подсчетов необходимо остановиться на вопросе о семье. Этому вопросу много внимания уделила Е. Е. Неразик. В своей книге «Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.)» (1976) она подчеркивает, что большая семья сохраняла решающее значение и в эпоху раннего средневековья. Однако в сельских поселениях Хорезма для периода VII—VIII вв. выделяются небольшие, обычно трехкомнатные секции. Е. Е. Неразик считает, что эти секции принадлежали малым семьям, входившим в большую семью или патронимию, охватывающую целое поселение. Е. Е. Неразик не соглашается с О. Г. Большаковым, который допускает, что в домах Пенджикента проживала семья, состоявшая из шести человек, количество же слуг и чакиров, живших с этой семьей, зависело от ее сословного положения. Число членов семьи О. Г. Большаков выводит из данных по мусульманскому городу недавнего прошлого. Е. Е. Неразик (1976) считает, что «вопрос о структуре и численности семьи жителей Пенджикента требует дальнейших исследований. Несомненными пока нам кажутся только выводы о том, что в большинстве своем постройки пригорода являлись жилищами малых семей» (с. 223).

Между тем если сопоставить пригородные усадьбы Пенджикента и рядовые городские жилища, то мы не увидим никакой принципиальной разницы, кроме той, что рядовое жилище в городе входит в состав сплошной застройки квартала, а пригородная усадьба — это отдельно стоящее здание. Небольшие, состоящие из 3—4 комнат по первому этажу, жилища рядовых кварталов могла занимать только малая семья. В богатую семью могли входить слуги, домочадцы, неполноправные жены с детьми и т. д., но и это не будет большой семьей, как ее понимают этнографы.

Материалы жилищ Пенджикента не дают нам возможности судить о какой-то форме большой семьи или ее пережитках, но по письменным источникам и материалам некрополя мы можем предположить, что большая семья неразделенных братьев существовала и в Пенджикенте. Наряду с десятками

[6] О. Г. Большаков считает селитьбу Пенджикента 10.4 га (Большаков, 1973, с. 259—260).

однокамерных наусов, которые их исследователь Б. Я. Ставиский объясняет как склепы малых семей, зафиксированы два или три двухкамерных. Документ В-8 с горы Муг — это купчая на половину науса, которую два брата покупают у двух владельцев, также являющихся братьями между собой (Лившиц, 1962, с. 45—53). Этот документ показывает, что у согдийцев рубежа VII—VIII вв. существовала общесемейная собственность. Однако согдийское право, как и лучше известное благодаря исследованиям А. Г. Периханян (1968; 1983) сасанидское право, было сложным и развитым, и наличие какой-то общей собственности у братьев еще не означает, что они должны были проживать в общем жилище.

В брачном контракте с горы Муг зафиксировано существование в Согде более крупного патрономического объединения родственников под названием *наф* (Лившиц, 1962, с. 17—45; Периханян, 1968). В залах пенджикентских домов напротив входа изображали одного или двух божественных патронов, которые входили в общесогдийский пантеон. Каждая семья имела своих богов-покровителей. Естественно ожидать, что у родственных семей, входивших в один патрономический наф, будут общие божественные патроны. Действительно, некоторые из изображений такого рода повторяются в нескольких домах. Иногда подобное совпадение имеет место у соседей, но в целом по городищу не наблюдается компактного расселения почитателей того или иного божества (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1981, рис. 9). Видимо, в сложной реальности согдийского города сохранившиеся с глубокой древности коллективы родичей не оказывали решающего влияния на вошедшие в них семьи при выборе места для жилища. Этот вопрос требует дальнейшего исследования, но по топографии жилищ можно предполагать, что в согдийском городе сложилась уже не родовая, а соседская община, столь хорошо известная для мусульманского города. Приведу цитату из источника XI в. «Кабус-наме»:

«Когда зайдет дело о покупке, если захочешь купить дом, покупай на такой улице, где живут верные люди, на окраине города не покупай, ни у подножия стен. Ради дешевизны разрушенный дом не покупай и сначала смотри на соседа, ибо сказано по-арабски: [сначала] сосед, а там уже дом. . . .Старайся купить на такой улице, где ты будешь самым богатым, но выбирай порядочного соседа, а когда купишь дом, соседа уважай и права его соблюдай, ибо говорят так: сосед имеет больше всех прав. С людьми своей улицы и своего квартала живи хорошо, больных ходи навестить, тем, кому нужно выразить соболезнование, соболезнуй, покойников провожай. Во всяком деле, которое встретится у соседа, ему помогай. Если радость у него будет, радуйся с ним и по мере возможности своей посылай подарки из пищи или платья, чтобы ты был самым уважаемым на твоей улице. Детей своей улицы и квартала целуй и обнимай, а со стариками улицы здоровайся и будь почтителен к ним» (с. 140—141).

Картина, которую мы видим в Пенджикенте, — чередующиеся богатые и бедные дома, хорошо соответствует этим наставлениям. Картина, аналогичная приведенной в «Кабус-наме», едва ли не во всех деталях предстает перед нами и из этнографических материалов, собранных О. А. Сухаревой (1976) по позднефеодальной Бухаре.

Структура застройки пенджикентского городища отражает развитую общественную жизнь. Контраст между плотностью застройки с ее высокой этажностью, отсутствием дворов в огромном большинстве домовладений, теснотой лавок и мастерских, узостью улиц, часть которых даже перекрывали сводами, чтобы возвести над ними вторые и третьи этажи, и простором парадных залов сразу обращает на себя внимание. Зажиточные пенджикентцы, выделявшие часть своего участка под лавки и мастерские для получения дохода, гораздо большую часть несомненно дорогой городской земли отводили под парадные помещения с их богатым убранством, живописью и скульптурой.

В группе жилищ низших слоев знати средняя суммарная площадь помеще-

ний по первому этажу равна 113 м^2, в то же время средняя суммарная площадь помещений парадной части равна 52 м^2, что составляет 46 % от площади жилища. Это очень большая доля от общей площади жилища, если учесть, что эта цифра могла быть и больше, так как парадные помещения могли занимать и второй этаж. У нас имеются два дома этой категории, в которых почти полностью определяются функции помещений второго этажа. В абсолютных размерах парадная часть в этих домах одинакова — около 125 м^2. Но в одном из этих домов, на объекте XXIV, парадная часть занимала 70 % от площади всего жилища, а во втором доме, на объекте XXIII, только 36 %. Это связано с различием в занятиях владельцев жилищ, несмотря на то что оба они, видимо, принадлежали к одному социальному слою.

Вопрос о занятиях и источниках доходов домовладельцев представляет особый интерес. К нему мы вернемся позже. В связи с составом семьи напомню, что, за исключением парадной части, жилища зажиточного горожанина и представителя низших слоев знати по площади мало отличались друг от друга. Соответственно невелики должны были быть и различия в величине семьи. Хотя по Пенджикенту нет письменных источников по этому вопросу, можно думать, что у знатных людей были слуги и служанки, у зажиточных горожан — приказчики, подмастерья, иногда тоже слуги и служанки. Однако не обнаружено двух или нескольких ячеек для семейных пар в домах с одним выходом на улицу, принадлежавших людям среднего достатка.

Дома богачей имеют очень большую парадную часть, но площадь жилых и хозяйственных помещений, по которым только и можно рассчитывать состав семьи, вырастает в гораздо меньшей степени. В некоторых из них по первому этажу площадь жилья вообще не превышает средней площади рядового жилища. Это только формальное соответствие, поскольку помещения для приема гостей в рядовом доме часто занимали часть второго этажа, а у богача эта часть могла быть отведена под жилье; кроме того, жилые и хозяйственные комнаты часто строились над парадными коридорами. Конечно, члены семей богачей могли жить более просторно, но их слуги размещались очень скученно, что позволяет с некоторым допущением рассчитывать население домов, исходя из одинакового метража на одного человека.

Учитывая всю условность сопоставления, мы можем сравнивать только площади первого этажа. В восьми самых больших домах на хозяйственные и жилые помещения в первом этаже приходится около 120 м^2 при очень большом разбросе от 42 до 202 м^2. Поскольку средние цифры здесь мало показательны, рассмотрим эти дома по отдельности, сопоставляя со средней площадью жилых и хозяйственных помещений домов зажиточных горожан и низших слоев знати, которая была около 60 м^2. В двух из них с площадью жилых и хозяйственных помещений 42 и 43.5 м^2 могло проживать не более людей, чем в домах низших слоев знати. Далее следуют дома с соответствующими площадями, превышающими среднюю площадь жилья в домах низших слоев знати примерно в полтора (84 и 98 м^2), два (118.3 м^2) и три раза (184, 191.3 и 202 м^2).

Какова же была численность населения Пенджикента и каково было число глав семей? В. М. Массон (1976б, с. 101) рассматривает ряд методик, применяемых при подсчете населения древних поселений, из которых наиболее надежной считает базирующуюся на сплошном вскрытии поселения.

Для Пенджикента попытку подсчета населения сделал О. Г. Большаков, базируясь на участке площадью около 7000 м^2. На эту площадь он получил 175—180 человек, исходя из семьи 6 чел. для рядового жилища, занимающего площадь до 100 м^2, 9 чел. на дом «зажиточного горожанина» площадью от 100 до 250 м^2, 12 чел. для богатых домовладений площадью 300—500 м^2 и 25—30 чел. для дворца площадью около 670 м^2. Считая селитьбу Пенджикента 10.4 га, он получает 2599 жителей. Для этой цифры, учитывая, что раскопан богатый квар-

тал, О. Г. Большаков (1973, с. 259—260) дает поправку до 3000 чел., получая таким образом среднюю так называемую внутриквартальную плотность 288 чел. на 1 га. Исследователь располагал сравнительно небольшим материалом. В данной работе обобщены результаты изучения жилищ на значительно большей площади, причем учтены жилища из разных частей города. Систематизация данных по жилищам 1-й четверти VIII в. позволила предложить несколько иную градацию, чем та, которую разработал О. Г. Большаков. Можно согласиться с принятым им по сравнительным данным числом 6 чел. для рядовой семьи, обитавшей в доме, под который занято не более 100 м^2. В таком случае на самые маленькие жилища, не имевшие вторых этажей, должно приходиться не более 3 чел. Для домов зажиточных горожан можно предположить более высокое число, скажем, 9 чел., тогда как для домов низших слоев знати 12 (связанное с аристократическим образом жизни представительство вело, очевидно, к росту числа слуг). Соответственно для домов высшей знати разных градаций получаем по 12, 18, 24 и 36 чел. При подсчете учитываются также неполностью исследованные домовладения, численность обитателей которых приравнивается к населению близких к ним по площади домов, причем для шести этих очень крупных жилищ считаем по 24 чел. на каждое. Самые маленькие дома с живописью в соответствии с их размерами приравниваем по числу обитателей к рядовым жилищам. Исходя из этих предпосылок, можно подсчитать население города.

Численность рядовых горожан и низших слоев знати

8	жилищ (самых малых)	по 3 чел.	— 24 чел.
26		по 6	— 156
17		по 9	— 153
20		по 12	— 240
		Всего	573 чел.

Численность высшей знати

2	дома	по 12 чел	— 24 чел.
2		по 18	— 36
1		24	— 24
3		по 36	— 108
		Всего	192

Приплюсуем к этому еще шесть неполностью исследованных очень обширных домов, в каждом из которых могло проживать около 24 чел., т. е. в них всех 144 чел. Всего мы получаем 909 чел., жилища которых занимали пятую часть селитьбы города. Таким образом, по этим расчетам получается, что в городе в момент его наивысшего расцвета могло проживать 4545 чел. Напомним, что селитьба была 8.82 га, таким образом, внутриквартальная плотность оказывается 4545 : 8.82 = 515, а общегородская плотность населения равна 337 чел. на 1 га. Такая плотность соответствует данным по наиболее многолюдным средневековым городам Европы и Ближнего Востока (Большаков, 1973, с. 257—259). Приведенное число жителей Пенджикента представляется вполне вероятным. Оно отличается в сторону увеличения от числа жителей Пенджикента, предложенного О. Г. Большаковым. Однако эту выборку нельзя считать в полной мере представительной. Она отражает лишь ситуацию на 1/5 территории древнего города. Вряд ли на остальных 4/5 ситуация была такой же. В южной части городища, где жилая застройка исследована пока недостаточно, открыты только дома рядового населения. Трудно себе представить, чтобы в городе было еще 8 дворцов богачей, подобных дворцам на объектах XVI и XXI, которые занимали бы площадь (2100+1142) м^2×4 =12 968 м^2. Будем считать, что на этой площади размещались рядовые жилища площадью по 100 м^2, тогда их будет ≈130. В них могло бы проживать не менее 780 чел. Во дворцах, занимающих эту же территорию, проживало бы, скажем, 24×8=192 чел. Таким образом, мы получаем прибавку в 588 чел. Население города в таком случае составляло бы 4545+588= =5133 чел. Однако эта поправка, конечно, приблизительна. С одной стороны,

часть этой площади могла быть занята не рядовыми жилищами, а, скажем, домами низшего слоя знати, что уменьшило бы число жителей, но, с другой стороны, число дворцов площадью более 500 м^2 на неисследованных 4/5 селитьбы также, по всей вероятности, было гораздо меньше 16 (на исследованной 1/5 их 4), а если бы их было меньше, то рядовая застройка занимала бы большую площадь и число жителей сильно возросло бы.

С другой стороны, возможны более низкие цифры жителей домов. Допустим, например, такой расчет:

Численность рядовых горожан и низшей знати

8	жилищ (самых малых)	по 2 чел. — 16 чел.
26		по 5 — 130
17		по 7 — 119
20		по 9 — 180
		Всего . . . . 445 чел.

Численность высшей знати

2	дома	по 9 чел. — 18 чел.
2		по 14 — 28
1		— 18 — 18
3		по 24 — 72
		Всего . . . . .136 чел.

В каждом из шести неполностью исследованных очень обширных домов могло проживать по 18 чел., всего 108 чел.

Общее число жителей 1/5 селитьбы 689 чел., что дает население города в 3445 чел.

Однако, учитывая неравномерность распределения домов знати, о которой уже шла речь, общее число жителей было выше. Скорее всего, население Пенджикента было порядка 4000—6000 чел., а число глав семей, учитывая большой удельный вес семей знати с их повышенной численностью, порядка 500. Все эти расчеты произведены без учета населения дворца правителя и гарнизона цитадели.

В 1-й четверти VIII в. в раскопанной части города представители знати составляли около 44 % домовладельцев и 40 % глав семей. Именно к этому времени относятся все домовладения площадью более 450 м^2. Возможно, это связано с особым положением Пенджикента при Деваштиче. Поэтому очень важна далеко не столь представительная выборка по жилищам 2-й половины VII в., которая дает возможность судить о рядовом городе Согда. В это время застроена была не вся территория города, а дома по размеру были более скромными, чем при Деваштиче. На площади, занятой в VII в. под несколько домов, позднее могло разместиться одно домовладение, в котором проживало меньше людей, чем в нескольких более мелких. Таким образом, при подсчете населения оба фактора — большая плотность в застроенных частях города и неосвоенность части городской территории — в какой-то мере уравновешивают друг друга.

Знать в это время составляла около 30 % домовладельцев. Жилища раскрыты на общей площади 3353 м^2. Если провести подсчет по тем же критериям, что и для 1-й четверти VIII в., то мы получаем по первому варианту:

2	жилища	по 3 чел. — 6 чел.
7		по 6 — 42
6		по 9 — 54
4		по 12 — 48
1		— 18 — 18
1		— 24 — 24
		Всего . . . . .192 чел.

Селитьба во 2-й половине VII в. была меньше на площадь внутренней стены шахристана и полосу земли перед ней, а застройка значительно более редкой. Сказать, насколько реже была застройка по всему городу, трудно, поскольку в центральном массиве (объекты XXIII, XXIV, XXV) она была довольно плотной, а, скажем, на объекте XVI весьма редкой (менее 50 % по отношению к 1-й четверти VIII в.). По максимальной оценке площадь под домами получается порядка 6 га, что дает 3440 чел. населения города. Цифры этого подсчета, как и всех остальных, очень приблизительные, но в своей совокупности они все же показывают масштабы динамики населения.

В V в., когда город только возник и занимал (без цитадели) около 8 га, при примерно 5 га селитьбы и очень редкой застройке под домами было не более 2.5 га, что по самым максимальным расчетам дает около 1500 и никак не более 2000 чел. По всем предлагавшимся количественным критериям его пришлось бы считать сельским поселением, но у него — сложная многофункциональная организация: храмы, отдельные системы укреплений шахристана и цитадели, сеть улиц. Поэтому тогдашний Пенджикент безусловно заслуживает названия города, ибо главный критерий различия города и деревни должен быть не количественным, а качественным.

Для раннего Пенджикента сопоставление с синхронным ему сельским поселением невозможно, поскольку и город, и деревня еще слишком слабо изучены. Однако исследовано сельское поселение, синхронное Пенджикенту 1-й четверти VIII в. Таким памятником, позволяющим сопоставить городское и сельское жилище, можно считать Гардани Хисор, древнее селение Мадм, находящееся близ современного селения Мадм Айнинского района ТаджССР, раскопки которого завершены Ю. Я. Якубовым (1988б, с. 39—48, 65—91, 148—168 и др.). Название этого селения упоминается в документе Б-12 с горы Муг (Лившиц, 1962, с. 155—156; Смирнова, 1960). Мадмское поселение «по своей структуре было двухчастным и состояло из дворца правителя и собственно поселения. Они были разделены улицей. Поселение с двух сторон окружено обрывами, а с юга и запада — оборонительной стеной с внутренним коридором» (Якубов, 1975, с. 546). В поселении раскопано 22 дома, но учитывая, что часть селения погибла в результате обвала, Ю. Я. Якубов предполагает, что в поселении проживало 30—35 семей.

Древний Мадм был связан с Пенджикентом, так как Мадм входил в домен Девештича — правителя Пенджикента. Так же как и в Пенджикенте, на мадмском поселении, как во дворце правителя, так и в собственно селении, прослежены слои пожаров, связанных с событиями 722 г. — времени войны арабов с Девештичем. Здесь мы имеем очень редкий случай точной синхронности сравниваемых поселений.

Общим для города и сельского поселения было: наличие оборонительных стен; сплошная застройка примыкающими друг к другу домами с выходом на улицу; строительный материал — необожженная глина; наличие цитадели, где находился дворцовый комплекс; дислокальность поселения. Ни в городе, ни в селении нет места для садов и огородов, места для содержания скота. Это, видимо, находит объяснение в особом укладе жизни, сохранившемся до недавнего времени в городах и кишлаках ряда районов Средней Азии, который исследован О. А. Сухаревой (1979): в летнее время население из города перемещалось в загородные усадьбы, а из кишлаков — в сады и на летовки; скот круглый год держали не при жилищах. Видимо, так же обстояло дело в древнем Пенджикенте и Мадме (Якубов, 1988б, с. 47).

Вероятно, у знатных пенджикентцев были зависимые люди, постоянно жившие около их полей и садов там, где содержался скот и необходимые знатным воинам боевые кони, которых так часто и с такой любовью изображали пенджикентские художники. Однако пенджикентская знать, несомненно выезжая из города, не жила в садах около полугода, как это зафиксировано этнографами. В росписях мы видим весенние и летние праздники, на крыше дома, как уже

упомянуто, сушили яблоки. Парадные залы, в отличие от помещений с очагом-алтарем, едва ли использовались зимой.

Несмотря на значительное сходство между городом и селом, их различия оказываются более существенными. В селе на цитадель приходится значительная часть площади — в Мадме дворец занимает примерно треть площади поселения. Сельское поселение в полном смысле слова находится у подножья замка, а в городах цитадель занимает незначительную часть городской территории или стоит отдельно. Этот формальный признак, видимо, отражает существенное социальное различие между городом и селом. Мадм был владельческим селом. Документы с горы Муг содержат ясные свидетельства зависимости сельских жителей от феодалов. Так, в документе Б-7 мадрушкатский государь пишет кштутскому: «И, господин, (у меня) с паргарцами. . . распря, ибо, господин, они сюда прибыли («спустились») и, господин, ни днем, ни ночью не прекращали работы и (исполнения) приказа. Но (затем) многие из них убежали. И, господин, я обращаюсь (к тебе) со следующим: те люди, которые убежали, — ты их так прикажи задержать, чтобы тебя они боялись, чтобы, господин, твоего («государя») приказа слушались. Ибо, господин, из них (почти) все убежали и, господин, здесь (сейчас) нет более чем 7 человек» (Лившиц, 1962, с. 173).

От Мадрушката до Кштута расстояние около 150 км. Из Кштута в Мадрушкат посылались люди, подчиненные государю Кштута, для выполнения каких-то явно принудительных работ на мадрушкатского государя.

В документе В-9 содержатся определенные указания на посылку одним феодалом другому работников для выполнения повинностных работ. «И так сделай: тех людей быстро пришли сюда, а (также) и работников», — пишет рустский государь Афарун некоему Зкатчу (Там же, 1962, с. 157—158). В. А. Лившиц считает, что в этом документе термин, которым обозначено слово «работники», «обозначает, по-видимому, не „работников" вообще, а крестьян, посылаемых на повинностные работы. В других документах мугского собрания, содержащих упоминание о посылке крестьян из определенных селений или районов для выполнения каких-либо работ, крестьяне именуются обычно η'β или mrtymkt — люди» (Там же, с. 159).

В другом документе с горы Муг содержатся данные о наборе людей по 2—3 чел. от селения, видимо, для отправки на какие-то работы (Там же, док. Б-6, с. 149). Всего в этом документе упомянуто 9 чел. из 4 селений. Из мугских документов следует, что крестьяне горных селений как будто платили оброк скотом, зерном, фруктами, изделиями домашних промыслов.

Следует отметить, что владения Афаруна находились неподалеку от Самарканда. Его резиденция была в 2 фарсахах от Самарканда (Там же, с. 116—119), т. е. в равнинном Согде. Здесь также зафиксированы многочисленные поселения эпохи раннего средневековья с четко выделяющейся обширной цитаделью, так называемые тепе с площадкой. К сожалению, ни одно из них в Центральном Согде в достаточной мере не раскопано. В Южном Согде полностью раскопан замок Аул-тепе V—VI вв., у подножья которого, как считает С. К. Кабанов (1966), «выявлены признаки современного ему поселения, возможно, жилищ подвластных владетелю замка людей и хозяйственных помещений» (с. 53). Раскопки производились также на нескольких тепе с площадкой, но раскопанная площадь недостаточна, чтобы судить о плане в целом.

К планировке мадмского поселения — замок правителя, окруженный селением, в свою очередь обведенным оборонительной стеной, — близки так называемые большие замки афригидского Хорезма, из которых на значительной площади раскопан Якке-Парсан (Неразик, 1976, с. 176, рис. 105). В Якке-Парсан донжон с жилищем владельца занимает центр поселения, вокруг него по периметру располагалось около трех десятков скромных жилищ, видимо, подвластных ему крестьян. Е. Е. Неразик полагает, что в Якке-Парсан проживала большесемейная община. Она пишет: «Во внутренней застройке замка разли-

чаются изолированные секции, предназначенные, видимо, для обитания отдельных малых семей, составляющих большесемейную общину. Каждая из таких секций обязательно включает складское и жилое помещения, причем последние во всех случаях совершенно однотипны по плану. Эта особенность расположения комнат, присущая, кстати, не только планировке Якке-Парсана, но и других хорезмских памятников VII—VIII вв., дает некоторое представление о структуре большой семьи-кеда афригидской эпохи и позволяет заключить, что каждая малая семья, входившая в состав общины, получила уже известную долю самостоятельности» (Неразик, 1963, с. 38). Однако трудно себе представить, чтобы близкие родственники владельца крупнейшего замка Хорезма довольствовались скромными крестьянскими домами, подобными жилищам рядовых жителей Гардани Хисор. И по противопоставлению архитектуры жилища господина домам подвластных ему крестьян, и по числу домов крестьян Якке-Парсан и Гардани Хисор представляются поселениями одного типа.

Наряду с владельческими селениями в Согде были небольшие селения без цитадели. Одно из них Таш-тепе V—VI вв., расположенное в долине Кашкадарьи, раскопано приблизительно на треть. Площадь, занятая под поселение (625 м^2), была застроена небольшими домами. В центре поселения был двор, который служил загоном для скота (Кабанов, 1966, с. 59—62).

Но не такие селения характерны для археологического ландшафта Согда. Его территория буквально усеяна тепе с площадками. Видимо, признак доминирования резиденции владетеля над селением, так четко прослеженный в Гардани Хисор, был характерен для большинства селений раннесредневекового Согда.

Иначе обстоит дело в городе этого времени. Цитадель Пенджикента отделена от города глубоким оврагом, в Бухаре цитадель также находится вне стен домусульманского города. На Афрасиабе, хотя цитадель и находится внутри города, но занимает весьма незначительную часть городской территории. Все это свидетельствует, вероятно, о большой самостоятельности горожан.

Другим серьезным различием между согдийским городом и селом, зафиксированным при археологических раскопках, является натуральность хозяйства деревни и развитость товарно-денежных отношений в городе. В Гардани Хисор нет ни одной специально оборудованной мастерской или лавки, хотя и есть как будто следы кузнечного производства в доме. И во дворце, и на поселении найдено всего лишь 6 монет. Как известно, улицы Пенджикента 1-й четверти VIII в. были окаймлены десятками лавок и мастерских, в которых велась мелкая розничная торговля. В план ряда домовладений включены торгово-ремесленные помещения и целые постройки, не сообщавшиеся с внутренними комнатами дома. Это мастерские, лавки, целые торговые ряды и небольшие базары. Интересно проследить, как распределяются эти постройки по выделенным группам жилищ. У одного рядового жилища 1-й четверти VIII в. есть крошечная лавочка площадью 3.5 м^2. Вероятно, к небольшому жилищу из двух комнат (помещения 62, 63 объекта XVI) относится мастерская ножовщика, расположенная у наружной стены этого жилища под навесом (Распопова, 1980, с. 31). Следует отметить, что это жилище находится в районе большого городского базара.

В загородных усадьбах, которые во всем, кроме большей толщины наружных стен, сходны с рядовыми жилищами, расположенными на территории шахристана, мастерские размещались в одной из комнат жилища. При домовладениях низшего слоя знати встречаются лишь отдельные лавки и мастерские. Большие скопления лавок относятся к крупным домовладениям. К самому крупному домовладению города примыкает целый базар и пять лавок и мастерских вдоль фасадной стены. Другой базар, являющийся продолжением первого, относится к соседнему домовладению площадью 685 м^2.

Стены лавок и мастерских третьего базарчика построены вместе со стенами дома, занимающего площадь 195 м^2 (объект XVII). Принадлежат ли все эти лавки владельцу дома, не ясно, поскольку и дом, и лавки могли стоять на земле,

сдававшейся в аренду. Как известно, в доисламской Бухаре целая четверть шахристана принадлежала одному лицу. Рядом с участком земли, занятым домом и базаром, находится очень крупный, не до конца исследованный монументальный строительный массив.

Земельные отношения трудно исследовать археологическими методами. Но анализ археологического материала в сопоставлении с письменными источниками позволил О. Г. Большакову и А. М. Беленицкому утверждать, что лавки и мастерские при богатых жилищах сдавались в аренду и приносили доход (Беленицкий, 1965, с. 190; Большаков, 1973, с. 148—149).

В Пенджикенте в роли арендаторов таких лавок и мастерских выступают рядовые горожане, которые при своих жилищах, расположенных, как правило, далеко от базарных улиц, таких помещений не имели. Экономическая структура согдийского города определялась взаимоотношениями производительного и непроизводительного населения. Городские ремесленники свободно реализовали на рынке продукт своего труда, но они зависели от городских землевладельцев, сдававших в аренду лавки или мастерские, а платежеспособный спрос на их изделия в значительной степени обеспечивался наличием в городах богатой знати с ее воинскими отрядами и слугами. Именно она была градообразующим населением. Таким образом, рядовое торгово-ремесленное население всецело зависело от аристократии, значительная часть которой получала свой основной доход от эксплуатации деревни. На этом необходимо остановиться несколько подробнее в связи с важностью вопроса об источниках богатства жителей города.

Домовладения одного ранга различаются по составу помещений. В некоторых из них кладовые и особенно зернохранилища велики и превосходно оборудованы, а в других домах их почти нет. В 1-й четверти VIII в. в доме на объекте XXIV (помещения 1—3, 4а, 6, 7, 9, 10) парадная часть занимала бóльшую часть первого и второго этажей, в нем только два помещения общей площадью 31.5 м^2 имели лари или антресоли для хранения при общей площади 125.5 м^2 (по двум этажам), а в другом доме (объект XXIII, помещения 27—31, 37, 38) основную площадь первого этажа занимали складские помещения (более 90 %), а парадная часть находилась на втором этаже.

Среди складских помещений в доме на XXIII объекте выделяется амбар для длительного хранения зерна более чем на 16 т (Рахматуллаев, 1979; 1982). Имеются кладовые с хумами на первом этаже и расхожее зернохранилище на 3—4 т зерна на втором этаже.

В доме на объекте XXV (помещения 1—6, 8, 9) — зернохранилища на 18 т, тоже при наличии еще кладовой с хумами. В другом жилище того же объекта (помещения 25—31 и др.) общий объем зернохранилищ достигает 70 м^3 (на 56—60 т зерна). В этом доме сюжет росписи — привоз урожая с тока (Маршак, Распопова, 1988). Из этих примеров видно, что в группу так называемых представителей низших слоев знати входили люди, нуждавшиеся в товарных складах (ими могли быть купцы или землевладельцы), и люди, профессия которых не наложила отпечатка на облик их жилищ. Это могли быть землевладельцы, запасы которых были сосредоточены в их загородных замках, купцы, ведшие дела за границей, представители жречества, чиновники, менялы и т. д.

В домах зажиточных горожан наряду с расхожими зернохранилищами из двух-трех ларей встречаются настоящие амбары. У высших слоев знати некоторые дома тоже имеют много хранилищ, а другие очень мало. Во всех больших амбарах хранился товарный хлеб. Если считать, что в доме той категории, о которой идет речь в приведенных примерах, проживало 12 чел., то на их питание нужно только 12×0.3 т=3.6 т зерна (ср.: Якубов, 1988б, с. 152—155). В 22 крестьянских домах Гардани Хисора общий объем зернохранилищ колеблется от 1.05 до 13.96 м^3 при среднем 4.74 м^3.

У нас нет данных о норме эксплуатации крестьян в Согде. Если землевладелец брал у них четверть продукции (ср.:Большаков, 1984, с. 235 и др.), то чтобы заполнить зернохранилище в 18 м^3,землевладелец должен был получить ренту примерно с 11 крестьянских хозяйств. Это можно рассчитать по объему крестьянских зернохранилищ, куда урожай поступал после сбора ренты, т. е. при ренте в 1/4 крестьянин засыпал лишь 3/4 урожая. Следовательно, число крестьянских хозяйств рассчитывается таким образом: 18 м^3 : (4.74 м^3 : 3) ≈11.

С городских мастерских и лавок на Ближнем Востоке землевладельцу шла арендная годовая плата в размере около месячного дохода ремесленника или мелкого торговца, примерно столько же можно было получить за сдачу комнаты для жилья (Там же, с. 252—254). Владелец самого богатого дома в Пенджикенте за 17 лавок, находившихся на его земле, получал, таким образом, в 1.5 раза больше, чем каждый из его городских арендаторов в год. Это была не такая уж большая сумма.

Строительство лавок или целого базарчика было, возможно, актом благотворительности, компенсацией за отчуждение общественной земли. По праву сасанидского Ирана сооружения общественного назначения, «создание которых зачитывалось учредителю как акт общественной благотворительности, не были сами по себе бездоходными благодаря сборам, поступавшим за пользование ими» (Периханян, 1983, с. 162).

И в городе, и в деревне господствовала знать, но господство это осуществлялось по-разному. Если в городе существовала экономическая зависимость, то в деревне, по-видимому, большую роль играло внеэкономическое принуждение. Сложность социально-экономических отношений в городе нашла свое отражение в структуре городской застройки. Для Пенджикента характерна четкая дифференциация по функциям как отдельных помещений каждого дома, так и целых «районов». Имелись два храма с обширными дворами, где могли собираться все горожане, выделяются ареалы торгово-ремесленной деятельности, намечается выделение участков жилой застройки по преобладанию домов представителей одного социального слоя. В городе каждое жилище имело дифференцированный план. Жилища горожан в большей или меньшей степени по планировке, конструкциям и декору напоминают дворец правителя Пенджикента. Деревенский дом строили «хашаром» — с помощью соседей, городской дом с его сводами, пандусами и винтовыми лестницами, профилированными колоннами и т. д. несомненно возводили специалисты-строители. Только несколько жилищ Пенджикента VII—начала VIII в. (помещения 50—53 объекта VI; 20б объекта XVI — рис. 91; 26—28 объекта XXIV) могли быть возведены без участия специалистов. Следует отметить, что технический уровень строительных работ одинаков в постройках разных социальных слоев. Иную картину мы наблюдаем в Гардани Хисор. Здесь нет храмов, нет общественных зданий, но замок владетеля чрезвычайно похож по дифференцированному плану, по строительной технике, по своему декору на богатое жилище Пенджикента, а все остальные жилища Гардани Хисор резко отличаются от резиденции феодала и городских домов.

Замки окрестностей Пенджикента (Исаков, 1975; 1976; 1977а) и Уструшаны (Пулатов, 1975), равно как и замки других районов, по своей архитектуре весьма сходны с городскими домами знати и, видимо, также строились с помощью особых строительных артелей. Вероятно, многие феодалы, жившие в замках, имели и дома в городе.

Одноэтажные дома Гардани Хисор насчитывают от одного до пяти помещений, причем обязательно наличие помещений со специальными отсеками для хранения продуктов. Такие же помещения, но больших размеров, имелись в хозяйственных помещениях дворца. Для крестьянского дома более раннего времени, раскопанного Б. Я. Стависким (1961)в Кала-и-Муг на Магиане, также характерно членение на жилую и амбарную половины. Для каждого деревенского дома обязательны очаги, пригодные для выпечки хлеба. В городских жилищах такого

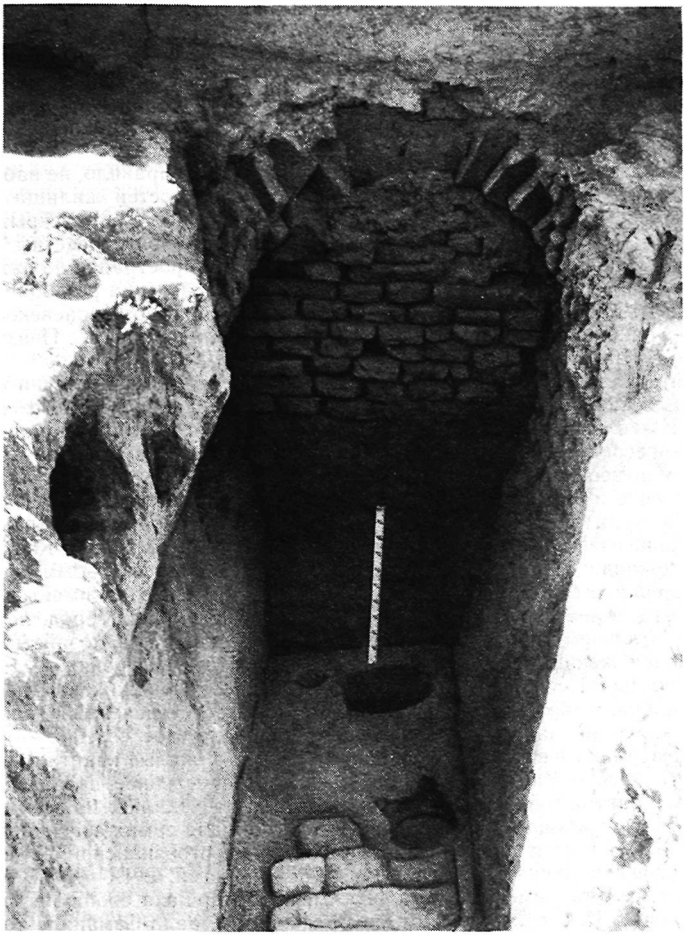

Рис. 91. Пример непрофессионального строительства (западное сводчатое помещение под помещением 20, объект XVI).

рода отсеки для хранения зерна и других продуктов и очаги для выпечки хлеба необязательны. В Пенджикенте на базарной улице раскопаны мастерские по выпечке хлеба на продажу.

Спецификой Гардани Хисор являются однокомнатные дома площадью до 50 м^2 с разделением единственного помещения на жилую и хозяйственную половины, в последней имеются отсеки для хранения запасов продовольствия.

Сельский дом горных районов недавнего прошлого во всех существенных чертах похож на дом начала VIII в., что связано с консервативностью уклада жизни села (Давыдов, 1970, с. 19; 1973, с. 137). Пенджикентский городской дом не находит сколько-нибудь полных аналогий в исследованных этнографами жилых домах городов Средней Азии (Писарчик, 1974).

Сельские традиции домостроительства вырабатывались крестьянским населением и поэтому отличались большой устойчивостью. В городском жилище (и в замках феодалов) традиции во многом определялись вкусами и навыками строителей, разносивших свое искусство по ряду районов Средней Азии (теснее всего связаны между собой Согд, Уструшана и Чач). Строителей нанимали за денежную плату. Так, для Девашгича за 100 драхм построили какую-то кровлю или портик (Лившиц, 1962, с. 182).

В среднеазиатском этнографическом материале, как правило, не наблюдается сохранение архитектурных и строительных особенностей жилища раннего средневековья: нет стен из пахсовых блоков, сводов, пандусов, перекрытий с откосами и т. д. Однако артели строителей-специалистов хорошо известны. В XIX в. артели туркменов строили пахсовые стены усадеб, распространяя по различным районам характерный тип постройки с ложными башенками и резьбой по глине (Писарчик, 1974, с. 120—121). К сожалению, для раннего средневековья нам неизвестен район, откуда приходили мастера-строители в Варахшу, Пенджикент, Самарканд, Шахристан.

На материале средневекового Закавказья существенные различия в городских и сельских жилищах отмечает Р. М. Джанполадян (1974, с. 44—46).

Пенджикент и горное селение Мадм — это как бы два полюса социальной жизни раннесредневекового Согда. Для полного понимания жизни общества того времени необходимо исследовать промежуточные явления, изучить сельское поселение в равнинном Согде, где хозяйство могло быть менее натуральным, чем в горах. Не ясно, что представляли собой — городок или замок с селением — такие известные памятники, как Варахша, Тали-Барзу или Кафыр-кала близ Самарканда. Площадь, занятая под селение, является слабым критерием для выяснения его характера. Пенджикент без цитадели занимает площадь всего 13.5 га, в нем могло жить 4000—6000 чел., но это был город, поскольку основным отличием города была сложная дифференциация хозяйственной и общественной жизни, которая отразилась в характере застройки.

Варахша или Тали-Барзу примерно вдвое меньше Пенджикента, но как их классифицировать без значительных раскопок, остается неясным. Тали-Барзу и Кафыр-кала по планировке напоминают владельческое селение — в обоих случаях центр поселения занят мощной цитаделью и жилые кварталы тянутся вдоль стен, хотя в Кафыр-кале было развитое ремесленное производство — исследован квартал гончаров, продукция которых расходилась по всему Согду. Как проходила граница между городом и деревней для самих согдийцев? В их языке нет такого противопоставления, но их взгляды отразились в местных традициях, зафиксированных более поздними источниками. В IX—X вв. городом считалось поселение, имеющее соборную мечеть. Наршахи сообщает, что жители Варахши в IX в. отказались от предложения Исмаила Саманида на льготных условиях построить соборную мечеть. «Амир Исмаил Самани позвал людей этого селения и сказал: „Я дам двадцать тысяч дирхемов и лес и приму на себя работы по постройке, а некоторая часть здания еще стоит, — перестройте этот дворец в соборную мечеть". Люди селения не пожелали этого и сказали: „Нашему селению это не подобает, так как оно не миср", т. е. вообще „не город"» (Шишкин, 1963, с. 82).

Варахша, как отмечает Мукаддаси, относилась к тем селениям, которые «больше городов» и которым, «чтобы быть городами, недостает только соборной мечети» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 164—165).

Интересно, что жители Пайкенда заняли прямо противоположную позицию. Мукаддаси пишет: «...и сколько пришлось помучиться жителям Пайкенда, прежде чем они установили мимбар» (Там же), т. е. построили соборную мечеть и обеспечили себе статус города. Такое различие во взглядах населения Варахши и Пайкенда может быть объяснено тем, что в доисламское время Пайкенд был самостоятельной городской общиной — «городом купцов», а Варахша —

загородной резиденцией могущественных бухархудатов. Вопрос о владельческих селениях, похожих на городки, рассматривался выше в связи с Шахристаном. Арабские источники называют городом и Пенджикент, в котором, как показывает один из документов с горы Муг, также существовала городская община наф (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1979), имевшая своих магистратов и свои доходы. Таким образом, в народной памяти выделялись столицы городов-государств, отличные от самых больших селений.

В Пенджикенте 1-й четверти VIII в. был государь Девештич, который, однако, судя по мугским документам, получал доходы с упоминаемых в них селений своего домена в горах. Пошлину за мост, вероятно, расположенный в том же удобном месте на Зеравшане, что и позднейший мост Дупули в окрестностях Пенджикента, собирали в пользу нафа (Лившиц, 1962, с. 69—70). Мост находился в округе Пенджикента, которая, видимо, подчинялась городским властям.

Для того чтобы играть видную роль в пенджикентской общине, и устраивались престижные парадные залы. О сложности и богатстве идейной жизни пенджикентцев свидетельствует разнообразие сюжетов стенных росписей домов. Очевидно, от пышности происходивших в залах приемов и обрядов зависело общественное лицо владельцев домов. Однако парадные залы и коридоры домов частных граждан вмещали едва ли более двадцати-тридцати гостей одновременно. Владельцы домов на объектах XVI и XXI, как и государь Пенджикента Девештич, предусмотрели во время строительства не только обычные для зажиточных людей помещения для приемов, но и особый зал или парадный двор, вмещавшие в несколько раз больше людей. Бируни (1957) отметил, что в каждой деревне согдийцы по праздникам «собираются у всякого раиса (т. е. предводителя, старосты. — *В. Р.*), едят и пьют. Это происходит у них по очереди» (с. 254). Обычай, ко времени Бируни сохранившийся в деревне, в домусульманское время, вероятно, бытовал и в городах. Такими «раисами» частей пенджикентского нафа могли быть владельцы трех величайших домов на объектах XVI, XXI, XXIII/XXV. Интересно сравнить помещения для представительства в доме на объекте XVI и во дворце Девештича. В этом доме перед обычной парадной частью находился дополнительный зал площадью 250 м^2 и большой двор площадью около 280 м^2.

На цитадели Пенджикента, отделенной от шахристана глубоким рвом и окруженной крепостной стеной, находился дворец Девештича. Во дворце раскопан тронный зал (около 300 м^2), парадные коридоры и айваны и еще три четырехколонных зала, т. е. раскопана парадная часть дворца (Исаков, 1979а). О жилых покоях дворца судить пока трудно. Чем же отличается дворец от богатого жилища? Во-первых, тем, что он расположен в системе оборонительных сооружений цитадели, во-вторых, наличием нескольких одинаковых по архитектурно-планировочному решению залов. Это характеризует дворец как гипертрофированное богатое жилище. Суммарная площадь помещений парадной части дворца около 900 м^2. Парадная часть домовладения объекта XVI немногим меньше — около 800 м^2, включая парадный двор. Из этого следует, что домовладение объекта XVI принадлежало лицу высокого имущественного и социального ранга. По степени богатства и влиянию этот человек во много раз превосходил рядового горожанина, но между ними не было такого разрыва, как между владельцем дворца и крестьянином в Гардани Хисор.

Все слои общества в согдийском городе стремились по мере своих сил подражать в быту знати: пусть зал будет всего 12 м^2 и в высоту всего 2 м, но зато с четырьмя колоннами. Серебряную посуду имитировали в керамике посыпкой слюдой и украшением рельефными оттисками, золотые пояса воспроизводились в бронзе и т. д.

Та смазанность границы между рядовыми домовладениями и домовладениями низших слоев знати, которую мы наблюдали, видимо, объясняется тем, что при всем различии своего положения горожане были связаны единым

Рис. 92. Общественное сооружение (помещения 12, 12а, 12б, вид с запада, объект III).

образом жизни. Город как целое был местом сосредоточения доходов целой округи, и даже рядовой горожанин оказывался до некоторой степени в привилегированном положении по сравнению с крестьянином.

В 1-й четверти VIII в. в Пенджикенте выросли домовладения богачей, каким-то путем, несмотря на существовавшие, вероятно, сложности юридического характера, приобретших дома соседей и занявших даже общественную землю.

О. Г. Большаков поставил вопрос о том, что «дворец» объекта VII мог принадлежать владельцу всего обширного строительного массива объекта III/VII (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 150). В таком случае богатые дома дворцового типа на объекте III оказались бы построенными на чужой земле. Кроме того, исследования ранней городской стены показали, что и дворец объекта VII, и другие богатые жилища выстроены одновременно в начале VIII в. Владельцем всего квартала хозяин дворца объекта VII мог быть в том случае, если он откупил или арендовал у городской общины снос городской стены и освободившуюся территорию. Но это предположение мало вероятно.

О. Г. Большаковым также поставлен вопрос о первоначальных наделах, соответствовавших прямоугольным кварталам Пенджикента (Там же). Вопрос этот остается открытым до исследования нижних слоев на обширной территории. Исследование застройки VII—VIII вв. показывает неоднократные переделы домов и объединение ранее самостоятельных домовладений.

Прямоугольные равные между собой строительные массивы есть к югу от улицы, которая ведет от цитадели к храмам, но являются ли они первоначальными наделами, сказать пока нельзя.

В. Л. Воронина (1957б) попыталась выделить ряд общественных сооружений в кварталах города, при этом она опиралась на необычные формы парадных залов и на наличие за парадным залом небольшой комнаты. Но, как показало массовое изучение жилищ, залы строили разнообразной планировки и иногда они были проходными. В остальном так называемые общественные сооружения не отличались от жилищ знати.

Видимо, В. Л. Воронина права в определении помещений 12, 12а, 12б на объекте III как общественного комплекса. Планировка этого изолированного комплекса, состоящего из анфилады помещений, напоминает храмовую (рис. 92). Этот комплекс с парадным залом и айваном, но без помещений верхнего этажа и без хозяйственных помещений не приспособлен для жилья. В 1986 г. начаты раскопки другого общественного сооружения на объекте XVI.

Итак, общественные центры кварталов, может быть, за двумя исключениями, обнаружены не были. Границы возможных кварталов, понимая кварталы в этнографическом смысле (Сухарева, 1976, с. 13), как будто можно наметить. Один квартал состоял, вероятно, из домов объекта III, обращенных в сторону храмов. В другой могли входить дома по обеим сторонам улицы, проходившей вдоль восточной городской стены. Еще один квартал, возможно, возник в начале VIII в., когда после сноса внутренней городской стены одновременно застроили большой участок. Однако дома, которые можно к нему отнести, находятся по одну сторону улицы, а дома этнографического квартала обычно располагаются по ее обеим сторонам.

После гибели Деваштича, запустения и восстановления в 740—750-х гг. по сравнению с 1-й четвертью VIII в. наблюдается уменьшение числа домов знати и ослабление торгово-ремесленной деятельности. К 760—770-м гг. вся знать покидает город и Пенджикент теряет свое прежнее лицо, хотя в нем остается значительная часть населения и сохраняется (в уменьшенном масштабе) ремесло и торговля.

В X в. городок Пенджикент, упоминаемый географами, существовал, но уже на каком-то новом месте. Старый Пенджикент был расположен на плато, удобном для обороны, но маловодном. Он был тесен и почти полностью лишен зелени. Но люди жили там и возвращались туда, пока они сохраняли преданность политическим и культурным традициям городской общины. Жилища богачей, построенные в начале VIII в. с огромным запасом прочности, были оставлены хозяевами, принявшими ислам и отправившимися искать успеха в Самарканд и другие центры арабских наместничеств, быстрый рост которых начинается во 2-й половине VIII в. Недолго прожили в обширных постепенно разрушающихся зданиях их новые насельники: ремесленники, земледельцы, мелкие торговцы. Они не строили, а только подгоняли старые дома к своим нуждам. Восстание Муканны, а скорее, его подавление положило конец существованию города Пенджикента. Последние жители покинули его, и на месте бывшего города люди уже никогда не строили жилищ. Возможно, что какая-то часть граждан Пенджикента переселилась в дома, расположенные среди садов и полей за пределами городской территории. Раскопки сезонов 1988—1989 гг. к западу от цитадели показали, что жизнь здесь продолжалась в конце VIII—начале IX в.

Пенджикентское жилище находит множество аналогов среди синхронных ему памятников. Они локализуются в собственно Согде, в землях согдийской колонизации: Уструшане, Чаче, Семиречье, отчасти Фергане. Тесные связи намечаются с Тохаристаном. Однако очень трудно проследить преемственность между античностью, ранним средневековьем и развитым исламским средневековьем.

Прежде чем перейти к диахронии, рассмотрим синхронные связи. В горных районах, как уже упоминалось в связи с социологическими сопоставлениями города и деревни, подлинные аналогии дают только замки, тогда как сельские дома принципиально отличны.

В равнинных районах разрыв между городским и сельским жилищем не так велик. В рядовых двухкомнатных домах сельского поселения Яхшибай-тепе близ Шурчи одна из комнат по устройству суфы с прямоугольным выступом очень напоминает залы замков и домов зажиточных горожан (Ставиский, 1964, с. 165; Нильсен, 1966, с. 173—174).

Синхронны с пенджикентским жилищем 1-й четверти VIII в. жилища, раскопанные в пригороде Кувы в Фергане (Булатова, 1972). «В небольшом по размерам кувинском поселении при храме повторяются приемы, характеризующие застройку Пенджикента, — скученность, массивные глинобитные стены первого этажа, наличие второго этажа, сводчатые перекрытия и чорхона, те же бытовые устройства (жаровни, очажки, напольные и пристенные, суфы, стенки-перегородки, хумы)» (Булатова, 1966, с. 89). Наряду со сходством намечаются и различия, из которых отметим то, что все дома относятся к рядовой застройке, хотя четырехколонные залы некоторых из них по размерам близки к залам в домах низших слоев знати Пенджикента. Однако живописи и резного дерева в этих залах нет, только в одном из них найдена небольшая терракотовая скульптура богини (Булатова, 1972, с. 34). Другим отличием являются однокомнатные дома. В Куве прослежены внутриквартальные проходы-переулки, в которых сохранились следы их хозяйственного использования. Не останавливаясь на других, менее существенных различиях, отметим, что в целом пригородное поселение Кувы имеет достаточно определенно выраженный городской характер.

Гостиные со следами выполнявшихся в них ритуалов, иногда четырехколонные, засвидетельствованы в V—VI вв. в квартале гончаров на городище Еркурган в Южном Согде (Исамиддинов, 1988). Там тоже уже есть жилой массив из многокомнатных, хотя и одноэтажных домов.

Дворцы Согда в Варахше (Шишкин, 1963) и в Куме (Якубов, 1988б, с. 76 и др., рис. 16), как и на цитадели Пенджикента, имеют по нескольку залов, причем один из них очень велик, и все залы по своей архитектуре близки к пенджикентским. Расположены все они у подножья квадратного замка, имевшего оборонную функцию, в котором в сводчатых помещениях жил гарнизон. Кумская крепость Девештича отличается тем, что площадка за дворцом застроена не крестьянскими домами, а большими регулярно спланированными комнатами с прекрасными суфами, колоннами (двумя и четырьмя), эффектно оформлен-

ными очагами. Комнаты объединены проходами в секции из одного-трех помещений. В них есть зернохранилища в виде ларей, но это не отдельные дома, а как бы квартиры в едином здании. В них жили скорее всего не хозяйственно самостоятельные семьи, а гражданские или военные чины, вероятно, получавшие натурой свою долю ежегодной ренты. Кум наглядно показывает силу княжеской власти, которая соперничала и сосуществовала с городской знатью пенджикентского владения.

В столице Согда — Самарканде частично раскопано несколько жилищ в квартале знати (Альбаум, 1975, с. 11, рис. 3). Ни одно жилище пока не опубликовано целиком. Сами парадные залы, сводчатые помещения первого этажа ничем существенно не отличаются от соответствующих помещений пенджикентских домов, но от дворцов правителей афрасиабские дома отличаются тем, что в них нет столь характерных для дворцов компактно сгруппированных в единый блок парадных помещений. Жилища Афрасиаба дают основания полагать, что пенджикентские дома знати типичны для городского аристократического жилища конца VII—1-й четверти VIII в. В последнее время Х. Ахунбабаев обнаружил большой парадный зал, уничтоженный позднее. Ему удалось проследить эволюцию застройки, аналогичную пенджикентской: от изолированного здания VII в. к массиву из нескольких домов в конце этого столетия (Ахунбабаев, 1987, с. 10—12).

Для дворцов согдийских, уструшанских и тохаристанских владетелей характерно сочетание залов разных форм и размеров. Самыми большими в Пенджикенте и Шахристане (Негматов, 1973а, табл. 11) были залы с глубокой нишей в торцовой стене и приподнятой «эстрадой» перед ней. Квадратные залы по размеру были меньше. Между тем в Варахше зал с глубокой нишей (помещение 13) играл второстепенную роль (Шишкин, 1963, рис. 16, 21).

В Кафыр-кале на Вахше главным залом является помещение с очагом-алтарем каминного типа у длинной стены (Литвинский, Зеймаль, 1973, табл. 20). По своей планировке это помещение близко к так называемым домашним святилищам в Пенджикенте, но отличается от них грандиозными размерами, его площадь 190 м^2. Надо отметить, что в комплекс дворца входит и буддийское святилище (Литвинский, Денисов, 1973, с. 165—171; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 16—41, 49—88). Зал с нишей в Кафыр-кале меньших размеров, чем зал с очагом, а квадратный зал еще меньше. В Кафыр-кале зал с нишей раскопан и на территории города (Зеймаль, 1959, с. 83—93, рис. 1; Литвинский, Соловьев, 1985, рис. 5, 6).

В Пенджикенте залы с нишей наряду с квадратными и прямоугольными встречаются в частных домах разных социальных групп. Напомним, что в залах, не имевших реальных ниш, иногда живописью изображали арочные ниши, в которых рисовали божество на троне (помещение 13 объекта XXIV; помещение 1 объекта VI и др.).

Сопоставление согдийских и тохаристанских замков VII—VIII вв. с городскими домами Пенджикента показывает, что собственное жилище их владельцев, как правило, соответствует городскому. В более крупных замках есть особая часть: высокий донжон с жильем для гарнизона, тогда как мелкие по существу ничем не отличаются от пенджикентского дома. Таков, например, замок Калаи Куджраха в долине Магиана в округе Пенджикента (Исаков, 1980, с. 248—249; Якубов, 1988б, рис. 3, *1*). План его главного жилища находит много аналогов среди домов зажиточных горожан с тремя параллельными сводчатыми помещениями и перпендикулярным к ним сводчатым вестибюлем с очагом близ входа и пандусом в торце (ср. объекты XXII, XXIII). В данном случае дом превращен в замок, так как он компактно стоит на высоком труднодоступном бугре, господствуя над еще несколькими строениями. Его владелец считался здесь, видимо, самым знатным.

В замках и дворцах Согда уже в V—VI вв. появляются очаги-алтари, пандусы и многое другое, что нам известно в городе лишь позже.

Изучение замков показывает, что сельская знать по своему самосознанию, привычкам и потребностям была близка к городской верхушке, а иногда и к зажиточным горожанам. Строительство замков даже в самых отдаленных горных районах велось профессиональными строителями, несомненно получавшими плату. Сходство образа жизни городской и сельской знати позволяет думать, что в экономическом отношении как рентополучатели, связанные с рынком, эти социальные слои были близки друг другу.

Наиболее полно все виды городского и сельского жилья изучены в пенджикентском владении благодаря традиции раскопок большими площадями, которой придерживается Пенджикентская экспедиция. В других регионах пока нет массового материала по городу и его сельской округе. Замки и цитадели Чача (Зильпер, 1978; Филанович, 1983) близки согдийским. Похожи на согдийские и небольшие замки Семиречья, которые справедливо интерпретировались как жилища согдийцев, поселившихся в колониях (Чуйская долина, 1950, с. 30, 35, 36, табл. XV; Байпаков, 1966).

В Присырдарьинском регионе Южного Казахстана профессиональные строители возводили и богато декорировали только дворцы владетелей селений, тогда как множество домов по своей однородности и плотности застройки соответствует жилищам Гардани Хисор (Байпаков, 1986, с. 41—58, 71—89, рис. 4, 7—11, 19—29). Плотность населения в Кок-Мардане (Южный Казахстан) 560—650 чел. на 1 га, общая численность 1500—3000 чел. Это большое селение, окруженное обширной населенной зоной. По населенности его можно приравнять к малым городам, но у него отсутствует подлинно городская внутренняя структура: нет домов знати — среднего звена между рядовым жилищем и дворцом, нет торговых рядов, нет общегородских храмов. Хозяйственное значение такого поселения земледельцев и ремесленников на границе степей было очень велико, но сложная общественная структура, специфическая для городской жизни, здесь не прослеживается. Типологически южноказахстанские «города» ближе к согдийской деревне, чем к центрам городов-государств, подобных Пенджикенту.

У жилищ, построенных профессиональными мастерами в различных районах, схожи все приемы проектирования и возведения зданий. Все сооружения сложены из сырцового кирпича и пахсы с сырцовыми сводами и деревянными перекрытиями. При их строительстве применяли кирпич определенного стандарта длиной около локтя и шириной в пол-локтя, пахсовые блоки и очень сходные комбинированные кладки из сырца и пахсы. В постройках наблюдается выработанный набор помещений: залы, коридоры, сводчатые помещения разного назначения, пандусы и лестницы. Возведены они с помощью одинаковых технических приемов. В Согде, Тохаристане, Уструшане и Чаче в эпоху раннего средневековья строили здания с похожими четырехколонными залами (Пенджикент, Афрасиаб, Варахша, Гардани Хисор в Согде, Калаи-Кафирниган, Джумалак-тепе в Тохаристане, Шахристан в Уструшане, Минг-Урюк в Чаче). Эти залы спланированы по определенному стандарту и совпадают во всех деталях. Они квадратные, по большей части с входом посередине одной из сторон, вдоль всех стен идут суфы с выступом напротив входа, стены обычно комбинированной кладки из пахсы и сырца, помещения имели богатое убранство, в котором, как показывает резьба по дереву, было много общего. Есть элементы,общие для Согда, Чача и Тохаристана, но необязательные для всех четырехколонных залов Средней Азии. Таков, например, подиум со следами огня в центре помещения. Во дворце правителя Пенджикента было три четырехколонных зала, связанных между собой проходами, но только в одном из них был подиум. Б. А. Литвинский считает, что наличие подиума указывает на то, что помещение выполняло какую-то культовую функцию или сочетало функцию приемного зала жилого дома и святилища (Литвинский, 1980, с. 121).

Надо отметить также сходство парадных коленчатых коридоров с пристенной колонной на углу при повороте коридора — Пенджикент, Джумалак-тепе (Нильсен, 1966, рис. 50, 52), Аджина-тепе (Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 72—73). Сводчатые помещения жилых и культовых построек различных регионов нередко похожи до деталей — своды, выложенные наклонными отрезками, карнизы-консоли, сочетание пахсовых блоков внизу и сырца верхних частей стен, сами пропорции помещений.

Массовое наблюдение над архитектурными сооружениями раннесредневекового Согда показывает, что компактная планировка из нескольких сводчатых помещений в сочетании с винтовым пандусом или лестницей всегда предназначалась для двух- или трехэтажной застройки, но остатки помещений вторых этажей сохраняются только в плотном массиве застройки. В одиноко стоящем здании и на участках, примыкающих к улицам и площадям, т. е. к открытым пространствам, даже стены первого этажа сохраняются далеко не на полную высоту. В Тохаристане пандусы в сочетании с группами сводчатых помещений обнаружены в замках долины Сурхандарьи и в буддийском монастыре Аджина-тепе, что, если учесть данные Пенджикента, свидетельствует о двухэтажности этих построек.

Городское жилище Тохаристана, представленное на городище Кафыр-кала, в принципе сходно с согдийским. В Кафыр-кале не только в цитадели имеется дворец, но и на территории шахристана в одном из жилищ парадный зал поистине дворцовых размеров.

Регион, в котором распространены сходные строительные и архитектурные приемы, принципы планировки и многие детали, включает в себя Согд и Тохаристан, на северо-востоке Средней Азии в него входили Уструшана, Чач, Семиречье, т. е. области расселения согдийцев, а также подвергшаяся согдийскому влиянию в VII—VIII вв. Фергана. К югу от Тохаристана сходные элементы архитектуры наблюдаются в долине р. Кабул. Например, в буддийском монастыре Гуль-дара. М. Ле Берр и Ж. Фусман (Fussman, Le Berre, 1976) опубликовали прекрасные фотографии помещений этого монастыря, глядя на которые, можно подумать, что они сделаны при раскопках Пенджикента. Окно в торцовой стене сводчатого помещения 24, полуциркульная ниша в стене (помещение 25), своды арки проходов (помещение 29), тромпы. При этом следует отметить, что строительный материал стен и архитектурного декора другой, чем в Согде, — камень и штук.

Сходство работы профессионалов в разных районах можно объяснить переездами мастеров, подобных туркменским строителям недавнего прошлого, о которых уже упоминалось выше (см. также: Айни, 1951, с. 271). Вероятно, под руководством приезжих специалистов трудились местные рабочие. В условиях развивающегося товарного хозяйства к ремеслу строителя, видимо, переходили земледельцы районов, где, как позднее в Туркмении, не хватало земли и воды. Возглавляли артели в эпоху раннего средневековья скорее всего зодчие, которые быстро распространяли строительные приемы, неизвестные крестьянам: пахса из блоков, своды, труднейшие конструкции пандусов с тромпами на углу. Сложны были и плотницкие работы (перекрытия с откосами, деревянные купола и т. д.) О высоте профессионализма свидетельствуют чертежи строителей, обнаруженные в Пенджикенте дважды (Абдуллаев, Гуревич, 1979).

Мастера, строившие ранее дворцы и замки, в VII в. в связи с общим подъемом благосостояния горожан в эту пору расцвета Согда взяли в свои руки массовое жилое строительство в согдийском городе.

Жилища низших слоев знати, зажиточных и даже рядовых горожан восходят не к крестьянскому жилищу, а к очень древней традиции дворцово-замкового строительства. В окрестностях Пенджикента открыты античные замки и замки V в. (Исаков, 1979б; 1980, с. 251—257).

Для V в. характерен тип замковой постройки с четырьмя квадратными башнями по углам и двумя помещениями в среднем квадрате по первому этажу (Фильмандар, ядро усадьбы Кафыр-кала под Самаркандом). Замок Баба-тепе, расположенный в районе Шир-абада в Сурхандарьинской области, относится приблизительно к V в. (Немцева, 1985). Размеры (18×18 м) и оформление фасадов схожи с фильмандарским замком, но внутренняя планировка резко от него отличается. В одном из углов размещен пандус, к которому ведет сводчатое помещение. Перпендикулярно к этому сводчатому помещению расположен ряд таких же комнат. Такая планировка неоднократно встречена в Пенджикенте в VII—VIII вв. (объекты XIII, XXII, XXVIII). Прототип такого здания можно обнаружить еще в Мидии VII в. до н. э. (Stronach, 1969; Stronach, Roaf, 1973; 1978). В мидийском Тепе Нуш-и-Джан форт состоит из параллельных сводчатых помещений, двух перпендикулярных им тоже сводчатых коридоров и винтового пандуса.

Античная дворцовая архитектура во многом предвосхищает согдийское рядовое жилище, но в рядовой жилой застройке обнаружить сходство гораздо труднее.

Вопрос о генезисе согдийского городского жилища пока не может быть решен на материалах самого Согда. В. Л. Воронина проводила сравнение пенджикентского жилища с жилищами Беграма и Таксилы и не обнаружила при этом прямых аналогий (Воронина, 1964, с. 64—65). Е. Е. Неразик сравнивала городские дома Таксилы, Дура-Европос, Селевкии, Ашура, Беграма с хорезмским жилищем первых веков нашей эры (Неразик, 1976, с. 165—169). Вслед за В. Л. Ворониной надо отметить, что планировка пенджикентского жилища принципиально отличается от античного жилища всех этих городов, где обязательным элементом планировки является двор, около которого группируются остальные помещения дома. Наблюдаются некоторые черты сходства в общей характеристике застройки городов: сплошные кварталы, разделенные улицами, на которые выходят лавки, изолированные от жилищ. В богатых домах имеются парадные помещения. Но все эти черты, присущие древним и средневековым городам на очень широкой территории, свидетельствуют не о генетическом родстве, а об уровне урбанизации.

В Хорезме на Топрак-кале исследуется знаменитый дворец II—IV вв. (Топрак-кала. Дворец, 1984) и участок рядовой застройки III—IV вв. на территории древнего города (Городище Топрак-кала, 1981). Пенджикентское жилище времени расцвета городской жизни обнаруживает сходство не столько с рядовым жилищем, сколько с дворцом, в котором имеются богато украшенные залы, в том числе и зал с глубокой нишей — «зал царей». В одном из залов топрак-калинского дворца — «зале побед» — имелся большой очаг-камин у середины длинной стены. В этом зале, как и во многих комнатах «гарема», напротив пристенного очага имеется арочная ниша с основным сюжетом росписи. В помещении 13 объекта XXIV Пенджикента есть ниша с изображением богов напротив алтаря, но не реальная ниша, а написанная художником. Есть во дворце Топрак-калы и группа сводчатых помещений.

В Согде материалы по городскому жилищу античного времени весьма фрагментарны. Поскольку раннесредневековые жилища Тохаристана (Занг-тепе, Кафыр-кала на Вахше, Калаи-Кафирниган, Джумалак-тепе) во многом сходны с согдийскими, то может быть допустимо предположение, что и античные жилища Согда и Бактрии-Тохаристана были сходны (Пугаченкова, 1976а). Похож на бактрийский богатый дом-дворец Еркургана. Раннесредневековое богатое жилище унаследовало от античного насыщенность произведениями искусства и отчасти набор помещений: залы, коленчатые коридоры, колонные айваны. Такие детали, как пристенные очаги-камины в жилых комнатах, четыре или две колонны, поддерживавшие перекрытия залов, также сближают раннесредневековое и античное жилище. Основные особенности античного жилища Средней

Азии восходят к древневосточной архитектуре, но для него характерно и привнесение отдельных черт греческой архитектуры (Bernard, 1976; Лекюйо, 1987). В архитектуре раннесредневекового жилого дома коленчатый коридор уже не обходит зал со всех сторон. Кардинальным отличием жилища эпохи раннего средневековья от античного является другой принцип планировки: в античном доме передний двор — обязательный элемент богатого жилища. В Пенджикенте он сохранился только в двух, очень богатых, домах. Коленчатый коридор в античном жилище имеет функцию объединения всех частей плана, в раннесредневековом доме главное его назначение — осуществлять связь главного зала с улицей. Айван, который в античном доме выходит во двор, в Пенджикенте выходит на улицу. Все это, видимо, объясняется необходимостью компактно разместить все помещения, сохраняя парадность, но в условиях несравненно большей земельной тесноты. Архитектура античного и раннесредневекового жилища сильно различается. Резко сменяются форма кирпича, приемы компановки планов, конструкции и декор. Происходит смена строительной традиции. Быстрота смены может быть связана только с переменой центров, откуда шли кадры профессиональных строителей в бурное время после падения Кушанского царства.

В раннесредневековых зданиях появляются арочные айваны — прототипы позднейших пештаков, архитектурный мотив колонны под аркой, купола с перспективными тромпами — элементы, напоминающие архитектуру сасанидского Ирана.

Раннесредневековый принцип компактной высотной застройки раньше всего прослеживается по небольшим замкам, где появляется такая характерная для раннесредневековой архитектуры конструкция, как витой пандус. Высотная застройка объясняется тем, что необходимо было при малом числе защитников уменьшить периметр стен.

История застройки Пенджикента показывает, что две соперничающие теории: усадебная и поквартальная по существу не противоречат друг другу, каждая из них справедлива применительно к одному из этапов истории. Окончательно жилые массивы из многих домов сложились лишь в начале VIII в.

Таким образом, какие-то основные представления о том, каким должно быть жилище представителей знати, складываются уже в древности, но раннее средневековье предлагает новое архитектурное решение этой темы.

История развития городского жилища по материалам Пенджикента прослеживается до 70-х гг. VIII в. Но с середины VIII в. можно говорить только о регрессе жилищ после перехода в руки рядовых горожан богатых домов покинувшей их знати. Меняется планировка, поскольку отпадает парадная часть. Жилища конца VIII в. изучаются на Афрасиабе Г. В. Шишкиной, которая отмечает для этого времени отсутствие профессиональных строителей вследствие арабского завоевания. Здание, выстроенное неквалифицированными строителями, по своей планировке резко отличается от зданий предшествующего периода (Шишкина, 1973б, с. 117—120). Для этой застройки характерны небольшие помещения с толстыми стенами, сгруппированные около дворов. Возрождение дворов связано с влиянием передневосточного жилого дома. Там эта традиция не прерывалась. С конца VIII в. меняется весь уклад жизни и это, естественно, находит отражение в жилищах.

В Самарканде со времени Кутейбы жило большое число арабов, которые представляли самый влиятельный элемент общества. Это не могло не сказаться на облике возводимых жилищ. В конце VIII в. складывается новая строительная традиция. Однако, как неоднократно отмечали специалисты, несмотря на все перемены, ряд элементов архитектуры эпохи раннего средневековья нашел отражение в постройках более позднего времени.

Проблема континуитета между древностью и средневековьем — одна из важнейших в истории Средней Азии. Для изучения этой проблемы широко

используются археологические данные, причем особое внимание уделяется истории поселений и жилищ.

В. В. Бартольд считал, что арабы в Средней Азии столкнулись с теми же общественными условиями, что и Александр Македонский, и что прогресс городской жизни относится к периоду после арабского завоевания (Бартольд, 1963а, с. 173, 192—193; 1963б, с. 117). Общая концепция исторического развития Средней Азии, по В. В. Бартольду, соответствует концепции, господствовавшей в его время в изучении Западной Европы: от господства землевладельческой аристократии к расцвету городов, который кладет конец этому господству. На Востоке соответствующие изменения происходили раньше, чем на Западе. Это были передовые для своего времени взгляды, которые стимулировали развитие науки, хотя теперь столь прямая аналогия между древним и раннесредневековым Востоком и позднесредневековой Западной Европой, как показали исследования последующих поколений ученых, потеряла свою актуальность.

Изучение пенджикентских жилищ дает важный материал для разработки преемственности между древними и раннесредневековыми городами Согда. Напомним основные концепции. В истории науки большое значение имели идеи С. П. Толстова, который впервые широко использовал археологические материалы. По его мнению, высказанному впервые в статье «Тирания Абруя» (Толстов, 1938), сведения письменных источников о раннесредневековых городах-государствах Согда могут быть использованы для реконструкции социального строя античной Средней Азии (Толстов, 1938; 1948, с. 153, 269—276, 343). С. П. Толстов считал, что раннее средневековье, сохраняя многие основные черты древности, в то же время было периодом глубокого общественного кризиса, связанного с гибелью рабовладельческой формации, причем для него раннее средневековье — период замков. Обследование хорошо сохранившихся замков без широких раскопок привело его к выводу, что в каждом замке жила большая семья — аристократа или крестьянина. Городов этого времени в Хорезме, где работал С. П. Толстов, обнаружено не было. Основываясь на этом и на аналогиях с Западной Европой раннего средневековья, он считал, что центр общественной жизни в это время перешел из пришедшего в упадок города в деревню. Возник вопрос, как рассматривать хорошо известные по письменным источникам города Согда. Специально занимавшийся Согдом А. Ю. Якубовский считал, что раннесредневековый город принципиально отличался как от города античности, так и от города развитого средневековья, и подчеркивал характерные для феодализма элементы в культуре (Якубовский, 1949; 1950а, с. 204—216; 1951а; 1954, с. 11—18, 23—24). Он отмечал особое значение городов как центров общественной жизни. Однако, не без влияния С. П. Толстова, он воспринимал раннесредневековый город как совокупность землевладельческих замков-усадеб, окруженных общей стеной. Важно, что А. Ю. Якубовский не ограничился в своих исследованиях теорией, а развернул широкие раскопки согдийского города Пенджикента, которые дали возможность проверить высказанные учеными предположения.

Таким образом, русская и советская востоковедная школа рассматривает историю Средней Азии как часть всемирной истории, учитывая опыт европейской медиевистики.

В последние десятилетия накоплен значительный археологический материал по древним и раннесредневековым городам Средней Азии, позволяющий сопоставлять их между собой. Здесь следует назвать раскопки древних городов Ай-Ханум, Дальверзин-тепе, Дильберджин, Топрак-калы. Для раннего средневековья основные материалы получены в Пенджикенте. Теперь можно говорить о преемственности не только между доисламским, раннесредневековым городом и исламским (Большаков, 1973, с. 143—162, 211—255), но и о преемственности между древним и раннесредневековым городом.

В столице Южного Согда (городище Ер-курган), где прослежена много-

вековая свита слоев, в IV—V вв. наблюдается изменение в составе населения, о чем судят по массовому распространению в это время лепной керамики (Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 152). Городской храм с некоторыми перестройками продолжал функционировать и в это время. Около IV в. частичное запустение не только этих городов, но и некоторых сельских поселений фиксируется в разных частях Согда. Надо назвать, в частности, городище Варахша (Кабанов, 1959, с. 152—153; Шишкин, 1963, с. 233—234, 239, 241). Вероятно, это связано с какими-то военными событиями, возможно, с вторжением кочевников. Китайские источники отмечают вторжение неких сюнну в страну Судэ, т. е. в данном случае, скорее всего, в Согд в IV в. (Бичурин, 1950, т. 2, с. 260—261; Мандельштам, 1954, с. 76—79; Enoki, 1957; Гафуров, 1972, с. 197).

К V в. относится возникновение как целых городов (например, Пенджикент и Пайкенд), так и многих укрепленных поселений (Фильмандар, Ак-тепе в районе Пенджикента, усадьба Кафыр-кала под Самаркандом, Аул-тепе в бассейне Кашкадарьи и др.) (Кабанов, 1958, с. 114—151; Шишкина, 1961, с. 221; Исаков, 1979б, с. 50—51; 1982, с. 224 и след.; Семенов, 1985, с. 12—13). С этого времени наблюдается непрерывный и повсеместный рост городов и поселений вплоть до VIII в. Кризисные явления были весьма кратковременными. Нельзя говорить о целой кризисной эпохе во всей Средней Азии, как это делал С. П. Толстов.

В раннесредневековом согдийском городе появилось много нового по сравнению с древним: в архитектуре, в керамике, иконографии и стиле искусства и т. д. Если сравнить культуру конца VII—начала VIII в. с культурой первых веков нашей эры, то между ними обнаружится довольно мало общего. Поэтому пока V—VI, 1-я половина VII в. в Согде были мало известны, создавалось впечатление одновременной смены старого новым во всех сферах. Однако теперь мы знаем, что в монетной системе, например, в V в. еще целиком сохранялась старая традиция (Зеймаль, 1983, с. 272), что керамика кардинально меняется только во 2-й половине VII в. (Маршак, 1965), а костюм, судя по изображениям, претерпевает серьезные изменения не ранее конца VI в. Это обновление — естественный процесс развития общества. Но при этом не наблюдается разрыва с древней традицией. Казалось бы, наиболее резкое обновление должно было произойти во вновь возникших городах. Однако, как видно на примере Пенджикента, здесь прослеживается сохранение традиций. В Пенджикенте структура укреплений, планы храмов, живопись и скульптура ранних периодов обнаруживают прямую преемственность от эллинистического Востока. Оба компонента культуры эллинистического Востока — греческий и древневосточный находят свое продолжение в раннесредневековом Согде. Древневосточные элементы, известные в эллинистическом мире, проявляются прежде всего в архитектуре — достаточно сравнить планы храмов Пенджикента и Тахти-Сангина. Характерные пандусы и своды, сложенные поперечными отрезками, бойницы, расположенные в шахматном порядке, — все это в конечном счете древневосточное наследие.

Развитие согдийского города в раннее средневековье достигает апогея. Городское население было приобщено к профессиональному исскусству. Сложная планировка города в целом и отдельных многокомнатных жилищ свидетельствует о высоком уровне городской жизни. Такой расцвет показался бы внезапным и неожиданным, если предположить, что ему предшествовал глубокий, вызванный внутренними причинами кризис. Скорее, здесь можно предполагать, что внешние нашествия от Шапура I Сасанида в III в. до эфталитов и тюрок в VI в. наносили временный ущерб, но не вызывали принципиальных изменений.

Комплексное исследование документов с горы Муг, древнего Пенджикента, сельских поселений верховьев Зеравшана ярко показало город-государство Согда именно для периода раннего средневековья. Пенджикент был местом оби-

тания знати, средоточия ремесла и торговли, обслуживавших прежде всего знать, это был город с элементами самоуправления. Судя по многочисленным обширным домам, украшенным росписями и резным деревом, в Пенджикенте большую роль играли отдельные семьи, включавшие наряду с родственниками главы семьи многочисленную челядь. Такой дом с одним входом был обиталищем familia городской аристократии. Едва ли число рабов в этих домах было намного меньше, чем в семьях Хорезма античной эпохи, которые известны по документам Топрак-калы (Лившиц, 1984, с. 265—277). Даже в конце X в. частные рабы городской знати составляли внушительную военную силу, которая использовалась во время борьбы Саманида Мунтасира с Караханидами (Бартольд, 1963в, с. 330).

Характер расселения в сельской местности V—VIII вв. сходен с характером расселения в античную эпоху, для которой также известны селения с цитаделью. Многочисленны античные тепе с площадкой и укрепленные усадьбы, как например Холик-назар в долине Магиана (Исаков, 1980, с. 250 и след.), Хумтуда близ Мазари Шериф. Много укрепленных усадеб первых веков нашей эры открыто в северо-восточных областях Средней Азии.

Допустимо думать, что владельческое селение типа Гардани Хисор имело древний прототип. Античные поселения такого типа, к сожалению, пока не исследованы в достаточно широком масштабе. На протяжении V—VIII вв. укрепления замков и цитаделей становятся более мощными. Появляются высокие массивные цоколи, в которых часто скрыты более ранние постройки. Обычно это связывают с началом развития феодализма. Однако до обширных раскопок древних сельских поселений трудно судить о том, в какой мере принципиальны эти различия.

Для истории Согда, вплоть до арабского завоевания, характерна слабость государства, которой, вероятно, соответствовала устойчивость общинных традиций. С древних времен отдельные части Согда — Бухарский, Самаркандский оазисы, Южный Согд, как показал Е. В. Зеймаль (1978, с. 192—214), имели свой монетный чекан. Крупные согдийские селения укреплены подобно городам. Для городской общины в отличие от сельской, как и для города в отличие от селений, согдийцы не имели особого термина.

Сохраняющий общинную основу город в V—VIII вв. был принципиально сходен с древним, хотя его внешний облик сильно изменился. Поскольку согдийский античный город пока широко не раскопан, для сравнения необходимо привлечь городище Дальверзин-тепе в Северном Тохаристане (Дальверзин-тепе, 1978). Как показали раскопки этого города, для него, как и для раннесредневекового Пенджикента, характерны аристократические дома сложной планировки и с богатым декором. В более отдаленных древних городах Месопотамии и Индии засвидетельствована поквартальная застройка с лавками и мастерскими вдоль улиц. Развитие товарно-денежных отношений в согдийском городе эпохи раннего средневековья было, согласно исследованиям Е. В. Зеймаля, выше, чем в древности.

Арабское завоевание, в отличие от более ранних вторжений, включило Согд в большую империю, что привело к принципиальным изменениям образа жизни и соответственно характера городов. В государственной системе Халифата растворились обособленные города-государства Согда. В нем начали быстро расти крупные города — центры обширных областей.

Жилища Пенджикента помогли понять сложную структуру общества Средней Азии доисламского периода — времени городов-государств.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Д. Открытие помещения с гофрами на городище Пенджикент // Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук. Душанбе, 1976. № 4.

Абдуллаев Д. Пенджикент периода арабского завоевания Средней Азии и вопрос о согдийском культурном наследии: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1980.

Абдуллаев Д., Гуревич Л. Л. Чертежи строителей древнего Пенджикента // УСА. 1979. Вып. 4.

Авзалов Р. З. О квартальной структуре Бунджиката // Раннесредневековая культура. 1977.

Айни С. Бухара. М., 1951.

Альбаум Л. И. Раскопки замка Зангтепе // ИМКУз. 1963. Вып. 4.

Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V—начало XIII в.). Ташкент, 1981.

Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.

Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972.

Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.

Ахраров И., Ремпель Л. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971.

Ахунбабаев Х. Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура. . . 1987.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI—начало XIII в.). Алма-Ата, 1986.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч.: В 9 т. М., 1963а. Т. 2, ч. 1.

Бартольд В. В. История Туркестана: (конспект лекций) // Там же. 1963б.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Там же. 1963в. Т. 1.

Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1953 г. // Докл. АН ТаджССР. Сталинабад, 1954. Вып. 11.

Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. // ТАН ТаджССР. Сталинабад, 1956а. Т. 37.

Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1955 г. // АРТ. 1956б.

Беленицкий А. М. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г. // АРТ. 1959а. Вып. 4.

Беленицкий А. М. Результаты работ Пенджикентского отряда в 1957 г. // АРТ. 1959б. Вып. 5.

Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. // АРТ. 1961а. Вып. 6.

Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1959 г. // АРТ. 1961б. Вып. 7.

Беленицкий А. М. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. // АРТ. 1962. Вып. 8.

Беленицкий А. М. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1961 г. // АРТ. 1964. Вып. 9.

Беленицкий А. М. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента // СА. 1965. № 3.

Беленицкий А. М. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии: Доклад по опубликованным работам, представленным на соиск. . . . докт. ист. наук. Л., 1967.

Беленицкий А. М. Краткая хроника археологических работ на городище древнего Пенджикента за 1962—1969 гг. // АРТ. 1973а. Вып. 10.

Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура. М., 1973б.

Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1970 г. // АРТ. 1973в. Вып. 10.

Беленицкий А. М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1971 г. // АРТ. 1975. Вып. 11.

Беленицкий А. М. Отчет о раскопках на городище древнего Пенджикента в 1972 г. // АРТ. 1976. Вып. 12.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году // СГЭ. 1973. [Вып.] 37.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии: (Древность и средние века). М., 1976.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // УСА. 1979. Вып. 4.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. // АРТ. 1979. Вып. 14.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. 1980. Вып. 15.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков: (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. 1981. № 2.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. 18.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979 г. // АРТ. 1986. Вып. 19.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Основные результаты раскопок древнего Пенджикента в 1970—1980 гг. // АРТ. 1987а. Вып. 20.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1980 г. // АРТ. 1987б. Вып. 20.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1981 г. // АРТ. 1988. Вып. 21.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. // АРТ. 1977. Вып. 13.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ. 1982. Вып. 16.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. 17.

Беляева Т. В. Дом богатого горожанина // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. 1.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2.

Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Хозяйственные документы // Согдийские документы с горы Муг / Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963. Вып. 3.

Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III: (комплексы I и II, раскопки 1952—1956 гг.) // МИА. 1964. № 124.

Большаков О. Г. Город в конце VIII—начале XIII в. // Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII—середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 1984.

Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. 1958. № 66.

Булатова В. А. Жилой комплекс VII в. в Куве: (результаты работ 1964 г.) // ИМКУз. 1966. Вып. 7.

Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.

Буряков Ю. Ф., Ташходжаев Ш. С. Археологические исследования на городище Афрасиаб в 1970—1972 гг. // Афрасиаб. Ташкент, 1973. Вып. 2.

Васильев А. И. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. Л., 1934.

Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента: (По материалам раскопок 1947 г.) // МИА. 1950. № 15.

Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.

Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента // МИА. 1953. № 37.

Воронина В. Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества // Архитектурное наследство. М., 1957а. № 8.

Воронина В. Л. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии // СА. 1957б. № 4.

Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента: (Итоги работ 1952—1953 гг.) // МИА. 1958. № 66.

Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.

Воронина В. Л. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии: (по данным археологии): Дис. . . . докт. ист. наук. М., 1960. (Всесоюз. б-ка им. В. И. Ленина. Дд 62-7/35).

Воронина В. Л. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии: Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. М., 1961.

Воронина В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 9.

Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента: (Результаты раскопок 1954—1959 гг.) // МИА. 1964. № 125.

Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии VI—VIII вв. // Всеобщая история архитектуры. М., 1969. Т. 8.

Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны // Наука и человечество. М., 1975.

Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Городище Топрак-кала: (раскопки 1965—1975 гг.) // Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции. М., 1981. Т. 12.

Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. // Афрасиаб. Ташкент, 1969. Вып. 1.

Давыдов А. С. Селение и жилище таджиков Верхнего Зеравшана: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Душанбе, 1970.

Давыдов А. С. Жилище // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973.

Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Джанполадян Р. М. Город и жилище средневековой Армении // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.

Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Завьялов В. А. Раскопки жилого квартала // ПТ. 1974. № 2.

Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. // СА. 1979. № 3.

Завьялов В. А. Исследование жилого квартала на городище Зар-тепе // АО 1983 г. 1985.

Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности: Предварительные сообщ. об археол. работах на юге Узбекистана. Л., 1976.

Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на пенджикентском городище в 1956 г. // Сообщ. Респ. ист.-краеведч. музея ТаджССР. Сталинабад, 1958. Вып. 3.

Зеймаль Е. В. Раскопки на объекте XIV на пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.) // МИА. 1964. № 124.

Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. // АРТ. 1959. Вып. 5.

Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс городища Минг-рюк в Ташкенте // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

Исаков А. Работы Косатарошского отряда // АО 1974 г. 1975.

Исаков А. И. Работы Косатарошского отряда // АО 1975 г. 1976.

Исаков А. И. Раннесредневековые памятники Пенджикентского округа // Раннесредневековая культура. . . 1977а.

Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977б.

Исаков А. И. Разведки и раскопки Косатарошского отряда в 1974 г. // АРТ. 1979а. Вып. 14.

Исаков А. И. Фильмандарский замок // УСА. 1979б. Вып. 4.

Исаков А. И. Работы Косатарошского отряда в 1975 г. // АРТ. 1980. Вып. 15.

Исаков А. И. Отчет о работах Косатарошского отряда за 1976 г. // АРТ. 1982. Вып. 16.

Исаков А. И. Работы Косатарошского отряда в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. 17.

Исамиддинов М. Х. Молельни древнего Согда // ОНУ. 1988. Вып. 9.

Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган: (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.

История ат-Табари / Пер. В. И. Беляева. Ташкент, 1987.

История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1.

Итина М. А. Проблемы археологии Хорезма // СА. 1977. № 4.

Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша // ТИИАНУз. Ташкент, 1956. Вып. 8.

Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан) // СА. 1958. № 3.

Кабанов С. К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. // ИМКУз. 1959. Вып. 1.

Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. // СА. 1966. № 3.

Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. 1969. № 1.

Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Ташкент, 1973. Вып. 2.

Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977.

Кабус-наме / Пер., ст. и примеч. Е. Э. Бертельса. 2-е изд. М., 1958.

Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.

Кругликова И. Т. Дильберджин: (раскопки 1970—1972 гг.). М., 1974. Ч. 1.

Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин: (раскопки 1970—1973 гг.). М., 1977. Ч. 2.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
Лекюйо Г. Айханум: Жилищное строительство // Городская культура. . . 1987.
Лившиц В. А. Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Муг / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962. Вып. 2.
(Лившиц В. А.) Livshitz V. A. Sogdian Alphabet from Panjikant // W. B. Henning Memorial volume. London, 1970.
Лившиц В. А. Правители Панча: (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. 1979. № 4.
Лившиц В. А. Документы // Топрак-кала: Дворец. М., 1984.
Литвинский Б. А. Токкуз-кала // АО 1975 г. 1976.
Литвинский Б. А. Проблемы культуры Средней Азии в свете исследования памятников Северного Тохаристана // Раннесредневековая культура. . . 1977.
Литвинский Б. А. Древний и раннесредневековый Кала-Кафирниган // АО 1977 г. 1978.
Литвинский Б. А. Кала-Кафирниган: (раскопки 1974 г.) // АРТ. 1979. Вып. 14.
Литвинский Б. А. Кала-Кафирниган: (раскопки 1975 г.) // АРТ. 1980. Вып. 15.
(Литвинский Б. А.) Litvinsky B. A. Kalai-Kafirnigan: Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan // East and West. N. S. 1981. Vol. 31, N 1—4.
Литвинский Б. А. Кала-Кафирниган: (раскопки 1976 г.) // АРТ. 1982. Вып. 16.
Литвинский Б. А. Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1971—1980 гг. // АРТ. 1987. Вып. 20.
Литвинский Б. А., Денисов Е. П. Буддийская часовня на Кафыр-кале // АРТ. 1973. Вып. 10.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа: Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-тепа и Кафыр-кале в 1970 г. // АРТ. 1973. Вып. 10.
Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана: В свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985.
Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Средней азиатском междуречье // СА. 1954. № 10.
Мандельштам А. М. Раскопки на Батур-тепе в 1955 г. // АРТ. 1956. Вып. 2.
Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. // МИА. 1964. № 124.
Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник: (К методике изучения керамических комплексов): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1965.
Маршак Б. И. Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
Маршак Б. И. Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Киев, апрель, 1975. Ч. 2.
Маршак Б. И. Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста: Пенджикент и Бамиан. V—VIII вв. // Probleme der Architektur des Orients. Halle (Saale), 1983.
Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши // ТГЭ. 1960. Т. 10.
Маршак Б., Распопова В. Новые открытия в Пенджикенте // Наука и жизнь. М., 1988. № 2.
Массон В. М. Раскопки кушанских памятников на юге Узбекистана // АО 1975 г. 1976а.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976б.
Массон В. М. Раскопки кушанского городища Зар-тепе // АО 1976 г. 1977.
Массон В. М. Изучение кушанских и раннесредневековых памятников на юге Узбекистана // АО 1977 г. 1978.
Негматов Н. Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. // АРТ. 1973а. Вып. 10.
Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны: (Предварительное сообщение) // СА. 1973б. № 3.
Негматов Н. Н. Работы Северо-Таджикистанского археологического отряда в 1972 г. // АРТ. 1976. Вып. 12.
Негматов Н. Н. Исследования Северо-Таджикистанского археологического отряда в 1973 г. // АРТ. 1977. Вып. 13.
Негматов Н. Н., Зеймаль Т. И. Уструшанский замок в Шахристане // СА. 1959. № 2.
Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тиризактепе. Душанбе. 1973.
Немцева Н. Б. Традиции и влияния в средневековой архитектуре комплекса Баба-тепе // Творческое наследие Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии: Тез. докл. Ташкент, 1985.
Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана // МХЭ. 1963. Вып. 7.
Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
Неразик Е. Е. Раскопки городища Топрак-кала // КСИА. 1972. Вып. 132.
Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
Нефедов Н. Ю. Жилая застройка Еркургана // ИМКУз. 1983. Вып. 18.
Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.
Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране // ВДИ. 1968. № 3.
Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.

Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976.
Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда XIX—XX вв. Душанбе, 1975.
Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М., 1967.
Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
Пугаченкова Г. А. Из недавних открытий в Южном Узбекистане: (к проблеме бактрийской городской культуры) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1974. М., 1975.
Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом: (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии: (древность и средние века). М., 1976а.
Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976б.
Пугаченкова Г. А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978.
Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 г. // Древняя Бактрия. Л., 1974.
Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
Распопова В. И. Квартал рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. // СА. 1969. № 1.
Распопова В. И. Керамика и слой поселения: (на материалах VII—VIII вв. Пенджикента) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
Распопова В. И. Один из базаров Пенджикента: VII—VIII вв. // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10.
Распопова В. И. Типы строений и социальная дифференциация горожан Пенджикента: (к постановке вопроса) // Тез. докл. сес., посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
Распопова В. И. Функциональный анализ строений Пенджикента // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: (Крат. тез. докл.). Л., 1974.
Распопова В. И. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв. // КСИА. 1976. Вып. 147.
Распопова В. И. Согдийский город и деревня в начале VIII в. // Древние города: Материалы к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Пенджикент, октябрь 1977 г.). Л., 1977.
Распопова В. И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда // УСА. 1979. Вып. 4.
Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
Распопова В. И. Преемственность и изменчивость в развитии жилищ раннесредневекового Согда // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Материалы методол. семинара Ленингр. отд-ния Ин-та археологии. Л., 1981.
Распопова В. И. Вопросы исторической интерпретации жилища древнего Пенджикента // КСИА. 1983а. Вып. 176.
Распопова В. И. Историческая интерпретация жилой архитектуры Пенджикента // Probleme der Architektur des Orients. Halle (Saale), 1983.
Распопова В. И. Проблема континуитета согдийского города // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда: (IV в. до н. э.—VIII в. н. э.): Тез. докл. сов.-фр. коллоквиума. Самарканд, 25—30 авг. 1986 г. Ташкент, 1986.
Рахматуллаев И. Раскопки XXIII объекта на городище древнего Пенджикента // Раннесредневековая культура... 1977.
Рахматуллаев И. Зернохранилище начала VIII в. в Пенджикенте // УСА. 1979. Вып. 4.
Рахматуллаев И. Жилой квартал древнего городища Пенджикент // СА. 1982. № 1.
Розенберг Ф. А. Согдийские «Старые письма»: К ранней истории согдийских колоний в Центральной Азии // Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук. М., 1932. № 5.
Ростовцев С. М. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда // ИМКУз. 1975. Вып. 12.
Семенов Г. Л. Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв. // СА. 1983. № 3.
Семенов Г. Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
Семенов Г. Л. Раскопки внешней линии обороны цитадели Пенджикента // Древние памятники культуры на территории СССР: Сб. науч. тр. Л., 1986.
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. [Рецензия] // СА. 1980. № 2. Рец. на кн.: Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента.
Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
Смирнова О. И. Монеты из раскопок древнего Пенджикента (1947 г.) // МИА. 1950. № 15.
Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа // ЭВ. 1951. Вып. 4.
Смирнова О. И. Первый клад согдийских монет // ЭВ. 1955. Вып. 10.
Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента // МИА. 1958. № 66.

Смирнова О. И. Карта верховий Зеравшана по мугским документам // XXV Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР. М., 1960.
Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963а.
Смирнова О. И. Клад аббасидских драхм с Пенджикентского городища: (Третья четверть VIII в.) // ЭВ. 1963б. Вып. 15.
Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет: Бронза. М., 1981.
Соловьев В. С. Раскопки городища Кафыр-кала в 1973 г. // АРТ. 1977. Вып. 13.
Соловьев В. С. Раскопки на городище Кафыр-кала в 1974 г. // АРТ. 1979. Вып. 14.
Соловьев В. С. Работы Колхозобадского археологического отряда в 1975 г. // АРТ. 1980. Вып. 15.
Соловьев В. С. Работы Колхозобадского отряда в 1976 г. // АРТ. 1982. Вып. 16.
Соловьев В. С. Работы на Кафыркале в Вахшской долине: (раскопки 1978 г.) // АРТ. 1984. Вып. 18.
Соловьев В. С. Раскопки на Кафыркале в 1979 г. // АРТ. 1986. Вып. 19.
Соловьев В. С. Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г. // АРТ. 1987. Вып. 20.
Соловьев В. С. Работы Колхозобадского отряда в 1981 г. // АРТ. 1988. Вып. 21.
Ставиский Б. Я. Раскопки жилой башни в кухендизе пенджикентского владетеля // МИА. 1950. № 15.
Ставиский Б. Я. Раскопки жилого здания на шахристане древнего Пенджикента в 1950 г. // МИА. 1953. № 37.
Ставиский Б. Я. Работы Магианской группы в 1958 г. // АРТ. 1961. Вып. 6.
Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. // МИА. 1964. № 124.
Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства: (Историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958.
Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
Сухарева О. А. Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX—начала XX в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
Ташходжаев Ш. С. Динамика развития раннесредневекового Самарканда // Древний город Средней Азии: (Крат. тез. докл.). Л., 1973.
Тереножкин А. И. Согд и Чач // КСИИМК. 1950. Вып. 33.
Толстов С. П. Тирания Абруя: (из истории классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н. э.) // Исторические записки. М., 1938.
Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Топрак-кала: Дворец. М., 1984.
Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
Чуйская долина // Тр. Семиреч. археол. экспедиции / Сост. под рук. А. Н. Бернштама. М.; Л., 1950.
Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
Фрейман А. А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг // Согдийские документы с горы Муг / Чтение, пер. и коммент. А. А. Фрейман. М., 1962. Вып. 1.
Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.
Шишкин В. А. Кал'а и Афрасиаб // Афрасиаб. 1973. Вып. 2.
Шишкина Г. В. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом // ИМКУз. 1961. Вып. 2.
Шишкина Г. В. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда // ИМКУз. 1963. Вып. 4.
Шишкина Г. В. Город на Афрасиабе VI в. до н. э.—IV в. н. э. // Тез. докл. сес., посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973а.
Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1973б. Вып. 2.
Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II в. до н. э.: (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Ташкент, 1974. Вып. 3.
Шишкина Г. В. Функциональное назначение здания в окрестностях самаркандской Кафыр-калы // Раннесредневековая культура... 1977.
Шишкина Г. В. Древний Самарканд и его округа // Городская культура... 1987.
Якубов Ю. Результаты археологических работ на поселении Гардони Хисор // Тез. докл. сес., посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
Якубов Ю. Отчет Зеравшанского археологического отряда за 1971 г. о раскопках дворцового комплекса Гардани Хисор в сел. Мадм // АРТ. 1975. Вып. 11.
Якубов Ю. Дворец Гардани Хисор и его резное дерево // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1976. М., 1977а.
Якубов Ю. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор // АРТ. 1977б. Вып. 13.
Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. н. э.: (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). Душанбе, 1979.

Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Якубов Ю. О работе Верхнезеравшанского отряда в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. 17.

Якубов Ю. Я. Поселение Кум: (раскопки 1980 г.) // АРТ. 1987. Вып. 20.

Якубов Ю. Я. Поселение Кум: (раскопки 1981 г.) // АРТ. 1988а. Вып. 21.

Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда: (к проблеме становления феодализма). Душанбе, 1988б. 286 с.

Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века // КСИИМК. 1949. Вып. 28.

Якубовский А. Ю. Дофеодальный город в Мавераннахре в VII—VIII вв. // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950а. Т. 1.

Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. // МИА. 1950б. № 15.

Якубовский А. Ю. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии // ТТФАН. Сталинабад, 1951а. Т. 29.

Якубовский А. Ю. Древний Пенджикент // По следам древних культур. М., 1951б.

Якубовский А. Ю. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. // МИА. 1953. № 37.

Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum en Afghanistan // CRAIBL. 1970, avril-juin.

Bernard P. La campagne de fouilles de 1970 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAIBL. 1971, avril-juin.

Bernard P. Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne // J. Asiatique. Paris, 1976.

Enoki K. Sogdiana and the Hsiung-nu // Central Asiatic Journal. 1955. Vol. 1, N 1.

Fussman G., Le Berre M. Le monastère de Gul Dara // Mémoires de la Délégation Archéologique en Afghanistan. Paris, 1976.

Sarcina A. The Private House at Mohenjo Daro // Fourth Intern. Conf. of South Asian Archaeology. Istituto Universitario Orientale Napoli Palazzo Guisso, 4—8 july, 1977.

Stronach D. Excavation at Tepe Nūsh-i-Jān. 1967 // Iran. 1969. N 7.

Stronach D., Roaf M. Tepe Nūsh-i-Jān 1970: Second Interim Report // Iran. 1973. N 11.

Stronach D., Roaf M. Excavations at Tepe Nūsh-i-Jān: A Third Interim Report // Iran. 1978. N 16.

Whitehouse D. The Houses of Siraf, Iran // Archaeology. 1971. Vol. 24, N 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Городская культура — Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье: Материалы сов.-фр. коллоквиума (Самарканд, 25—30 авг. 1986). Ташкент, 1987.

Раннесредневековая культура — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: (Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте 26—31 авг. 1977 г.). Душанбе, 1977.

АРТ — Археологические работы в Таджикистане. М. (№ 10), Душанбе.
АО — Археологические открытия. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПТ — Памятники Туркменистана. Ашхабад.
СА — Советская археология. М.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СЭ — Советская этнография. М., Л.
ТАН — Труды Академии наук.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТИИАНУз — Труды Института истории Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ТТФАН — Труды Таджикского филиала АН СССР. Душанбе.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭВ — Эпиграфика Востока. Л.
CRAIBL — Comptes Rendus d'Académie des Inscriptions et Belles Lettres.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Историография вопроса 3
Методика изучения жилищ 14
Систематизация данных по домовладениям и жилищам Пенджикента VII—VIII вв. 27
Жилища VII—VIII вв. 135
Эволюция городской застройки 163
Демографическая и социальная интерпретация 175
Проблемы континуитета 190
Литература 199
Список сокращений 206

Валентина Ивановна
РАСПОПОВА

ЖИЛИЩА ПЕНДЖИКЕНТА

(опыт историко-социальной интерпретации)

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства З. В. Гришина
Художник О. М. Разулевич
Технический редактор М. Э. Карлайтис

ИБ № 44465

Сдано в набор 18.01.90. Подписано к печати 23.10.90.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1 офсетная.
Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Фотонабор. Усл. печ. л. 16.90+1.3 вкладки. Усл. кр.-от. 20.54.
Уч.-изд. л. 20.37. Тираж 900. Тип. зак. 57
Цена 4 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

4 р. 10 к.

